

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 2 (8) 2015

**ТОМСК
2015**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент НИ ТПУ

(и.о. зам. главного редактора);

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор ТГПУ;

А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);

Б. Вагнер-Надь, Dr. habil.,

профессор Института финно-угроведения/уралистики, университет г. Гамбурга (Германия);

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);

А. А. Ким-Малони, доктор филологических наук, профессор ТГПУ;

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. А. Тучкова, кандидат исторических наук, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония).

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 52-17-58.

Адрес редакции:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Тел. (3822) 52-17-94, факс (3822) 44-68-26. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-12-93

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 25.05.2015 г. Сдано в печать: 26.05.2015 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 15,5. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 874/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технические редакторы: О. П. Крикунова, О. А. Турчинович.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректоры: Н. В. Богданова, Е. В. Литвинова.

© ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», 2015. Все права защищены.

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 2 (8) 2015

**TOMSK
2015**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

- O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
National Research Tomsk Polytechnic University (acting Deputy Editor in Chief);
S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Tomsk State Pedagogical University;
A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);
A. A. Kim-Maloney, Doctor of Philology, professor, Tomsk State Pedagogical University;
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. A. Tuchkova, Kandidat Nauk, History, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University.*

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko.

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 52-17-58

Address for Correspondence:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
Tel. +7 (3822) 52-17-94, fax +7 (3822) 44-68-26. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 52-12-93

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)
PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 25.05.2015. Submitted for printing: 26.05.2015. Formate: 60×90/8. Paper: offset.
Printing: screen. Edition: 1000. Price: not settled. Order: 874/H

Production editor: L. V. Dombrasuskayte. Text designers: O. P. Krikunova, O. A. Turchinovich.
Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: N. V. Bogdanova, E. V. Litvinova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2015. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

ЛИНГВИСТИКА

Буторин С. С. Основные средства и некоторые идиоэтнические особенности маркировки компонентов категории локативности в кетском языке	9
Wagner-Nagy Beáta, Szeverényi Sándor. Linguistically Annotated Spoken Nganasan Corpus	25
Которова Е. Г. Выражение извинения в русском и немецком дискурсе: прагматический и лингвоструктурный аспекты	35
Ковылин С. В. К проблеме реконструкции эмфатического элемента / элемента отрицательной полярности / отрицательного элемента [- <i>paʃ</i>] в центральных и южных диалектах селькупского языка	49
Куклин А. Н. Дульзоновские традиции в исследовании реликтовых географических названий	55

АНТРОПОЛОГИЯ

Бауло А. В. Экспедиционные записи поездки И. Н. Гемуева к северным манси в 1986 г.	69
Бернатоните А. В. Специфика еврейского национального характера в российском и советском кинематографе 1910–1940-х гг.	80
Соболевский А. В. Образ женщин иных культур в русской литературе XVI века	91
Тучкова Н. А. Художественная самодетельность и фольклоро-мифо-творческий процесс как этноконсолидирующие факторы, стимулирующие рост этнической идентичности (по материалам Парабельского района Томской области)	102
Чернова И. В., Торощина Н. В. По следам Кая Доннера (опыт реконструкции истории через сопоставление источников)	112

РЕЦЕНЗИИ

Кулемзин В. М. Рецензия на книгу В. Н. Адаева «Традиционная экологическая культура хантов и ненцев». Тюмень, 2007	118
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	120
-------------------	-----

OUR AUTHORS	122
-------------------	-----

CONTENTS

From the Editors	8
------------------------	---

LINGUISTICS

<i>Butorin S. S.</i> Basic Means and Some Idioethnic Specificity of Marking Components of Locative Category in Ket Language	9
<i>Wagner-Nagy Beáta, Szeverényi Sándor.</i> Linguistically Annotated Spoken Nganasan Corpus	25
<i>Kotorova E. G.</i> Expression of apology in German and Russian discourse: pragmatic and linguo-structural aspects	35
<i>Kovylin S. V.</i> Towards the Problem of the Reconstruction of the Emphatic Element / Negative Polarity Item / Negative Element [- <i>na</i>] in Central and Southern Dialects of Selkup	49
<i>Kuklin A. N.</i> Dulzon Traditions in Studying the Relic Place Names	55

ANTHROPOLOGY

<i>Baulo A. V.</i> Northern Mansi 1986 Field Notes by I. N. Gemuev	69
<i>Bernatonite A. V.</i> Specifics of Jewish National Character in Russian and Soviet Cinematography 1910–1940	80
<i>Sobolevskiy A. V.</i> The Image of Women of Other Cultures in the Russian Literature of XVI Century	91
<i>Tuchkova N. A.</i> Folk Performing Arts and Folk Myth Creation Process as Ethnic Consolidation Factors Stimulating Ethnic Identity Development (Based on Data from Parabel District of Tomsk)	102
<i>Toroshchina N. V., Chernova I. V.</i> In the Footsteps of Kai Donner (Reconstruction of History by Comparison of Sources)	112

REVIEWS

<i>Kulemzin V. M.</i> The Review of the Book by V. N. Adaev “The Traditional Ecological Culture of Khanty and Nenets”. Tyumen, 2007	118
---	-----

AUTHORS (In Russian)	120
-----------------------------------	-----

AUTHORS (In English)	122
-----------------------------------	-----

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят три-четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- теория языка и проблемы современной лингвистики;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором (ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

Издание включено в подписной каталог «Газеты и журналы» агентства «Роспечать».

Индекс 82719

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

'Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology' was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Three-four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and world-wide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- linguistic theory and methodology of linguistic research;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology

(including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
 - academic novelty of research;
 - independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

Буторин С. С.

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА И НЕКОТОРЫЕ ИДИОЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВКИ КОМПОНЕНТОВ КАТЕГОРИИ ЛОКАТИВНОСТИ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Проведен анализ разноуровневых средств выражения категории локативности с позиций теории функциональной грамматики. Рассмотрено кодирование компонентов динамических и статических локативных ситуаций. В результате проведенного анализа в кетском языке были выявлены такие разноуровневые средства, как лексические, грамматические и синтаксические. Описаны лексические средства: глаголы перемещения, в том числе фразовые и инкорпорированные глаголы, а также глаголы положения в пространстве; пространственные наречия. Грамматические средства включают локативные падежи (локатив, адессив, аблатив, датив, пролатив), а также послелогии. Рассмотрены синтаксические средства, к которым принадлежат как простые, так и сложные предложения, в том числе предложения с неглагольным предикатом.

Ключевые слова: кетский язык, функционально-семантическое поле локативности, статические и динамические локативные ситуации, разноуровневые средства кодирования пространственных отношений, неглагольные предикаты.

Способы и средства отображения пространственных отношений в языке, пронизывающих всю систему любого языка, давно привлекают внимание философов, психологов, лингвистов и специалистов в области когнитивной науки (Невская, 2005: 3–6).

В последнее время в целях выявления типологических универсалий и идиоэтнических особенностей выражения пространственных отношений в конкретных языках все активнее привлекается материал языков народов Сибири (Шилова, 2003; Невская, 2005; Мальцева, 2005; Кошкарева, 2005).

Некоторые аспекты отображения пространственных отношений в кетском языке (КЯ) рассмотрены в ряде работ (Крейнович, 1968а; Шерер, 1983; Павленко, 1986; Буторин, 2007; Которова, 2008; Крюкова, 2008). Тем не менее системное описание языковых средств выражения локативности в КЯ до настоящего времени отсутствует.

В данной работе категория локативности рассматривается с позиций функциональной грамматики. Локативность трактуется как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как функционально-семантическое поле (ФСП). ФСП локативности охватывает разноуровневые средства данного языка: грамматические (морфологические, синтаксические), «строєвые» лексические единицы, а также комбинированные средства (лексико-грамматические и т. д.), взаимодействующие при выражении пространственных отношений (Бондарко, 1996: 5).

При анализе пространственных отношений принято использовать понятие локативной ситуации, которая предполагает наличие локализуемого объекта «фигура», ориентира «фон» и определенного пространственного отношения, связывающего их (Гак, 1996: 8).

Особую значимость имеет характер пространственных отношений, основанный на признаке изменяемости/неизменяемости пространственных отношений между локализуемым объектом и ориентиром. Иными словами, основной оппозицией в общих пространственных отношениях является оппозиция динамических и статических локативных ситуаций, т. е. ситуаций перемещения и местонахождения (Гак, 1996: 8; Шилова, 2002: 36).

Помимо этого, существенным является такой параметр пространственной ориентации, как топологические зоны окружения ориентира. Ориентир «мыслится как объект, организующий

вокруг себя некоторое пространство; это пространство (или „окрестность“ ориентира) делится на целый ряд топологических зон (внешняя, внутренняя, передняя, верхняя и т. п. – название зоны отражает ее положение относительно ориентира)» (Плунгян, 2002: 66).

При характеристике типов пространственных отношений будут использованы термины, предложенные С. Шестремом и используемые вслед за ним И. А. Невской: локация – статические пространственные отношения между ориентиром и объектом; делокация – прекращение отношений локации, т. е. при делокации объект перемещается от или из ориентира; адлокация – установление отношений локации между объектом и ориентиром, т. е. адлокация указывает на то, что объект перемещается к ориентиру или внутрь него; транслокация – перемещение объекта по ориентиру или вдоль него – по трассе движения, при этом ориентир представляет собой трассу движения (Невская, 2005: 12).

В данной работе предпринимается попытка рассмотрения основных разноуровневых языковых средств выражения компонентов локативных ситуаций в КЯ. Также уделено внимание идиоэтническим особенностям средств отображения пространственных отношений.

1. Лексические средства

1.1. Глаголы перемещения (1.1.1) и положения (позиционирования) (1.1.2) в пространстве. Глаголы являются ведущим средством обозначения ситуаций, отображающих прежде всего динамические пространственные отношения, и доминирующим компонентом соответствующих синтаксических моделей.

1.1.1.1. Глаголы перемещения (движения) характеризуются наличием серий глаголов, различающих три степени «длительности» (термин Е. А. Крейновича). 1-я и 2-я степени в отличие от 3-й предполагают возвращение субъекта в исходный пункт перемещения, причем 1-я степень указывает, что промежуток времени составляет минимум несколько часов, а 2-я степень – от одного дня до нескольких недель (Крейнович, 1968а: 167–185).

1-я степень:

(1) $\partial = \partial a = m = c = a\kappa^1$

S.1.COR=S.1.COR=DET=PRES=сбегать=сбегать.STEM

‘я сбегая’ (перевод условный);

2-я степень:

(2) $\partial u j = \emptyset = j a \kappa$

S.1.=PRES=сходить.STEM=S.SG

‘я схожу’;

3-я степень:

(3) $\partial o y = \varepsilon = m' n'$

S.1.SG=PRES=идти.STEM

‘я иду/пойду’.

К идиоэтническим своеобразиям относится использование «двойной» маркировки субъекта, т. е. наличие двух кореферентных показателей субъекта перемещения у глаголов 1-й степени и ряда глаголов 3-й степени длительности:

1-я степень длительности:

(4) $\partial = \partial a = m = c = a\kappa$

¹ Примеры приводятся в авторской записи, при этом в ряде случаев пришлось применить некоторое упрощение и унификацию используемых фонетических символов (например, опущены в некоторых случаях символы, обозначающие тоны, унифицированы транскрипционные знаки, используемые в системах Е. А. Крейновича и А. П. Дульзона). Таблица соответствия фонетических знаков некоторых систем приведена в работе Иванова (1969, с. 284–285). Следует обратить внимание читателя на то, что в кетологической литературе отсутствует унифицированная система транскрипции – используется как кириллица, так и латиница.

S.1.COR=S.1.COR.SG=DET=PR=сбегать.STEM

‘я сбегая’ (Крейнович, 1968а: 168);

3-я степень длительности –

(5) $\partial = u\partial\alpha = \partial = \emptyset = \partial = \partial\alpha\kappa$

S.1.COR=к берегу=DET=PRES=S.1.COR=идти.STEM

‘я иду к берегу (к реке)’ (Крейнович, 1968а: 174).

Следует заметить, что в КЯ использование кореферентных показателей субъекта служит средством детранзитивации и маркировки рефлексивности, например:

(6) $\partial\alpha = \partial\alpha = \partial\alpha = \emptyset = \partial\alpha\kappa$

S.3.F=O.1.SB=DET=PRES=оттолкнуть.STEM

‘она оттолкнет меня (от берега на лодке)’ (Крейнович, 1968а: 84);

(7) $\partial = \partial\alpha = \partial\alpha = \emptyset = \partial\alpha\kappa$

S.1.COR=S.1.COR=DET=PRES=оттолкнуть.STEM

‘я оттолкнусь (от берега на лодке)’ (Крейнович, 1968а: 83).

Глаголы, выражающие каузированное перемещение объекта в пространстве (‘увести’, ‘унести’), при которых каузатором является подлежащее, а перемещаемый объект дополнением, образованы посредством транзитивации глаголов движения, т.е. включения в их состав объектных показателей при тождественности лексической основы. Таким образом, средством образования этих глаголов служит морфосинтаксический механизм восходящей актантной деривации, что представляет собой идиоэтническое своеобразие кетского языка. В русском языке аналогичные пары глаголов представлены лексемами с разными корнями: идти и вести кого-либо. Пример:

(8) $\partial\alpha\partial = u\partial\alpha\partial = \kappa = \partial = \alpha\kappa$

я.S.ABS=на-берег.INC=DET=PRES=идти.STEM

‘я на берег схожу’ (Крейнович, 1968а: 174).

↓

$\partial\alpha\partial$ $\partial\alpha$ $\partial = u\partial\alpha\partial = \emptyset = \kappa = \partial = \alpha\kappa$

я.S.ABS он.O.ABS S.1=на-берег.INC=O.3.SG.M=DET=PRES=идти.STEM

‘я его на берег уведу’ (Крейнович, 1968а: 183).

1.1.1.2. В КЯ выделяют фразовые глаголы (ФГ) перемещения (в широком понимании), к которым относятся сочетания глаголов с препозитивными локативными наречиями, последние будем называть препозитивами. Препозитивы выступают в функции директивных показателей, и к ним можно применить образный термин «глагольные сателлиты», введенный Л. Талми для обозначения элементов, не являющихся ни аргументами глагола, ни грамматическими показателями (Talmy, 1985: 102–103). Термин «фразовые глаголы» широко используется в англистике, но применяется он к сочетаниям глаголов с постпозитивами, или послелогом: *come in*, *stand up* и т.д.

Основное отличие препозитива от наречия состоит в том, что препозитив вносит новый семантический локативный компонент в лексическое значение глагола.

По своей словообразовательной функции кетские препозитивы в составе фразовых глаголов приближаются к русским префиксам таких глаголов, как ‘выложить’, ‘отбросить’, ‘оторвать’, ‘выдернуть’ и т.д.

Приведем пример деривационной пары, включающей нефразовый глагол (а) и соотносительный с ним ФГ (б), оформленный препозитивом, восходящим к пространственному наречию *л’а* ‘наружу, снаружи’, ср.:

(9) а) *конокс’* *бу ил’иңи:с’* *ай=иң=диңа*

утро он еда.O.ABS мешок=PL=DAT

(*m*)=*m*=*o*=*v*=*ил’=да*

(S.3)=DET=PAST=O.INANIM=PAST=положить.STEM

‘Утром он еду в мешки **положил**’;

б) кул’тус’ка... нан ал’а

культуська... хлеб наружу

т=д=о:=в=ыл’=да

ай=дингал’

S.3=DET=PAST=O.INANIM=PAST=положить.STEM мешок=ABL

‘Культуська встал, хлеб **выложил** (букв. наружу положил) из мешка’ (Дульзон, 1966: 26).

ФГ образуют словообразовательные ряды (серии): одна и та же глагольная лексема может сочетаться с разными пространственными препозитивами. Например, глагол со значением ‘взять’ входит в состав ФГ со значениями ‘поднять’, ‘снять’, ‘убрать’.

Нефразовый глагол:

(10) бу да аттос’ дкайнәм

‘Он свою рогатину взял’.

ФГ:

(11) хыта кай бунгулу – ас’л’инг=диңа то:к то:боут. бу **тос’а ткайнем**

‘Он вниз посмотрел – в лодке топор лежит. Он (его) **поднял** (тос’а ‘вверх’);

(12) оңтый алатый **хытакасем**

‘Заднюю жердь (чума) **сними!**’ (хыта ‘вниз’);

(13) диңа бада бул’ ус’ка кас’нам!

‘Ей (он) сказал: «Ногу **убери!**»’ (ус’ка ‘назад, обратно’);

(14) қонақ қома дакаиным, қаје дыл’ ус’унен

‘Пихту (она) **убрала**, и тогда ребенок уснул’ (қома ‘прочь’).

1.1.1.3. Инкорпорированные глаголы – глаголы с инкорпорированными превербами-локализаторами, локативными инкорпорантами – компонентами, восходящими к наречиям или именам с локативной семантикой. В ряде глаголов эти элементы называют абсолютные ориентиры на местности (лес, река) или направление течения реки (вверх (вниз) по течению).

В кетском языке имеются пары глаголов, которые могут использоваться как со свободными (неинкорпорированными) пространственными наречиями, так и с инкорпорированными наречиями, что представляет собой типологическое своеобразие КЯ, например:

(15) аҕа бат (д)=бу=ң=н=ем

в лес.SAT ITER (SUBJ.3)=COR.3=DET=PAST=нести.STEM

‘[он дичь] **наверх** (в лес, от реки) относил’ (Дульзон, 1964: 152);

(16) туниңел’ бат д=аҕа=бу=ң=н=ем

потом ITER S.P. M=в лес.=COR.3=DET=PAST=нести.STEM

қуң=диңа дӱң=наңа

чумы=DAT.INANIM люди=DAT.ANIM.PL

‘Потом [дичь] **наверх** (в лес, от реки) относил в чумы к людям’ (Дульзон, 1964: 154).

Ряд исследователей сходятся во мнении, что механизм инкорпорирования служит целям коммуникативного, прагматического или логического выделения элементов высказывания (см., например (Полинская, 1991: 374–379)).

Предположительно механизм инкорпорирования адвербиальных локативов в КЯ служит средством перемещения локатива из синтаксически приоритетной позиции (сирконстант) в синтаксически неприоритетную позицию с целью выведения его из коммуникативного «фокуса» и введения в «фон».

Отмечены также глаголы с инкорпорированными связанными локативными корнями, которые всегда являются инкорпорированными и не выступают в качестве свободных адвербиальных словоформ, например: эс’кае ‘вверх по реке’:

(17) д=эс’кае=ва=т=с=ақ

S.1=вверх-по реке.INC=S.COR=DET=PRES=идти.STEM

‘Я *вверх по реке* съезжу’ (Крейнович, 1968а: 176–177).

1.1.2. Семантика местонахождения в пространстве в КЯ, как и в большинстве других языков, передается позиционными глаголами, такими как *сидеть*, *лежать*, *стоять*, *висеть* и т. д., например:

(18) *қус’=т=қал’=уа* *клн да=с’ес’=ол’=та*
 чум=POSS=сзади.POSP.STEM=LOC лиса S.3.F=сидеть=STEM=PAST=VL
 ‘за чумом лисица сидела’ (Романенкова, 2009)².

К идиоэтническим особенностям КЯ относится отсутствие аналогов индоевропейских экзистенциальных глаголов типа русских *находиться* или *быть*, которые указывают «в самой общей форме на местонахождение объекта» где-либо в пространстве (Гак, 1996: 13). В КЯ имеется лишь бытийная связка *ус’ал*, которая используется преимущественно в посессивных и бытийных синтаксических конструкциях, но не в локативных конструкциях.

1.2. Пространственные наречия, которые довольно широко представлены как в КЯ, так и в других языках. В кетском языке указание на ориентир «встроено» в значение наречия (см. (Плунгян, 2002: 74–75)) и композиционно (реже кумулятивно) выражается наряду с локационными и директивными показателями конкретным наречием. При этом корень наречия указывает на абсолютные ориентиры (Плунгян, 2002: 75–82) – предметные (*игда* ‘к реке’, *ауа* ‘от реки в сторону леса’, *ус’ка* ‘домой’, ‘обратно’ и т. д.), гравитационные (*мос’а* ‘вверх’, *хыта* ‘вниз’), антропоцентричные (*қота* ‘впереди’, ‘вперед’, *оқта* ‘позади’, ‘назад’), дейктические (*кис’аң* ‘здесь’, *кинеңа* ‘сюда’, *киниңел* ‘отсюда’). Например:

(19) *тә’хтат һытй̆ δ’=ей’=т=ол’=ат*
 бегом вниз убежать.S.3=STEM=DET=VL

‘Бегом *вниз* спустился (букв. ‘убежал’)’ (Дульзон, 1971: 127).

Дейктические наречия служат средством выражения локативных ситуаций с относительной (эгоцентрической) точкой отсчета, ориентированной на говорящего (наблюдателя).

Местоименные наречия, мотивированные указательными местоимениями, как и местоимения, различают три степени удаленности области пространства от дейктического центра. В КЯ, как и в ряде других языков, в том числе сибирских, различаются три разновидности пространственного дейксиса: проксимальный, медиальный и экстремальный (Невская, 2005: 28). Например: *ки=ниңа* ‘сюда (область пространства, включающая говорящего)’, *ту=ниңа* ‘туда (подальше от говорящего)’, *қа=ниңа* ‘туда (далеко от говорящего)’. Некоторые пространственные дейктические наречия содержат в своем составе омертвевшие падежные показатели. Эти наречия образуют словообразовательные ряды (серии) и выражают пространственные отношения локации, делокации и адлокации (табл. 1).

Таблица 1

Серийные дейктические наречия

Тип дейксиса	Характер ориентации		
	Локация	Адлокация	Делокация
Проксимальный	(1а) <i>кис’ең/кис’аң</i> ‘здесь’	(1б) <i>кин’иңа; кин’ес’; кин’тан’</i> ‘сюда’	(1в) <i>кин’иңал’ > кин’ил’ > кил’</i> ‘отсюда’
Медиальный	(2а) <i>тус’ең/тус’аң</i> ‘здесь/там’	(2б) <i>тун’иңа; тунес’; тун’тан’</i> ‘сюда/туда’	(2в) <i>тун’иңал’ > тун’ил’ > тул’</i> ‘оттуда’
Экстремальный	(3а) <i>қас’ең/қас’аң/қас’ең/қас’аң</i> ‘там’	(3б) <i>қан’иңа/қан’иңа; қан’ес’/ кан’ес’; қан’тан’/қан’тан’</i> ‘туда’	(3в) <i>қан’иңал’ > қан’ил’ > қал’</i> ‘оттуда’

²Примеры с пометкой (Романенкова, 2009) были записаны во время работы с информантом Валентиной Андреевной Романенковой, носителем келлогского говора кетского языка, в 2009 г.

Примеры:

(20) *ат бек кис'аң диуадақ*

‘Я всегда *здесь* живу’ (Дульзон, 1970: 114);

(21) *ат кин'еңа ди:нус' диңал', ақта ат ди:уерақ*

‘Я *сюда* приехал (с тех пор), хорошо я живу’ (Сказки народов... 1981: 94);

(22) [бу] ...*кинес'* игда дегданадақ

‘[он] ...здесь внизу (*сюда* вниз. – С. Б.) выехал’ (Дульзон, 1964: 162);

(23) *кин'тан' қоң*

‘*Сюда* иди’;

(24) *атн у кин'иңал' қууо:нден*

‘Зачем ты *отсюда* ушел?’ (Дульзон, 1970: 98);

(25) *ен кинил' доңатн, биг баңга ас диуин*

‘Теперь *отсюда* уйдем, в другом месте будем жить’ (Дульзон, 1969: 190);

(26) *аска балиң ат дирикун эңгон дл:т'бес'. кил' бу кажутс'а абаңе анеңс'ин*

‘Изредка мы пролетаем над деревнями (рассказчик летит на самолете. – С. Б.). *Отсюда* они кажутся игрушечными (букв. ‘как игрушки’)’ (Сказки народов... 1981: 88).

2. Грамматические средства

2.1. Падежные показатели. Служат средством выражения локативных ролей. Показатели LOC и ADESS используются при описании статических ситуаций, а показатели ABL, DAT и PROL – при описании динамических:

а) LOC (показатель =қа/=ұа) и ADESS (=даңте) – роль – место (отношение локации):

(27) *дыл' ду=т=оуот уй=ұа*
мальчик.S.ABS S.3.M=DET=спать.STEM люлька=LOC
‘Мальчик спит *в люльке*’;

(28) *бу окс'=даңте (т)=сес'те*
он дерево=ADESS.SG.M (S.3)=сидеть.STEM
‘Он *на дереве* сидит’;

б) ABL (=диңал') – исходный пункт (отношение делокации):

(29) *бу ис' ай=диңал' ал'а*
он.S.ABS рыба.O.ABS мешок=ABL наружу
(д)=д=аң=а=да
класть.(S.1)=DET=O.3.PL.ANIM=STEM
‘Он рыбу *из мешка* выкладывает’;

в) DAT (=диңа) – конечный пункт (отношение адлокации):

(30) *дегң (т)=к=он=а=уен ас'лин=диңа*
люди.S.ABS сесть.(S.3)=DET=PAST=STEM лодка=DAT
‘Люди сели *в илимку (лодку)*’;

г) PROL (=бес') – маршрут, или трасса (отношение транслокации):

(31) *ад бо=уон хатбаң=бес'*
я.S.ABL идти.S.1.SG=STEM чаша=PROL
‘Я пошел *по чаше*’.

2.2. Пространственные послелого, как несерийные (например, *тан'* ‘к, по направлению к ориентиру’, *кон* ‘до’), так и серийные. Серийные послелого имеют композиционную семантику: основа послелога указывает на топологическую зону окрестности ориентира, а застывшие показатели локативных падежей – на статические или динамические отношения между объектом и ориентиром. Послелог указывает на топологическую зону ориентира, связанную с ориентиром, и называет топологические зоны окрестности ориентира. Ориентир «мыслится как

объект, организующий вокруг себя некоторое пространство; это пространство (или «окрестность» ориентира) делится на целый ряд топологических зон (внешняя, внутренняя, передняя, верхняя и т.п. – название зоны отражает ее положение относительно ориентира) (Плунгян, 2002: 66).

Формальная структура послеложной конструкции следующая: компонент, выраженный субстантивом, притяжательный формант, который принято относить к показателям родительного (притяжательного) падежа имени существительного (табл. 2), отражающего число, а в ед.ч. класс (мужской, женский и вещный) первого компонента (субъекта притяжания), пространственный послелог, лично-предикативный или безлично-предикативный показатель.

Таблица 2

Притяжательные показатели

Единственное число		Множественное число	
Мужской класс	Женский, неодушевленный	Одушевленный (мужской и женский)	Неодушевленный
да	д(и)	на	д(и)

Послелог, участвующий в выражении статических локативных ситуаций, содержит непарадигматический показатель LOC =*ка/га/уа*.

В динамических локативных ситуациях используются послелог, содержащие следующие непарадигматические падежные показатели:

- а) ABL (=диңал'/=дил') – отношения делокации;
- б) DAT (=диңа) – отношения адлокации;
- в) PROL (=бес') – отношения транслокации.

Далее приведены примеры использования директивных показателей в составе послелогов четырехкомпонентной серии с основой *хый* (<*хый* 'нутро, внутренности, живот'), называющей топологическую зону 'пространство внутри ориентира':

– локация: *хый=га* указывает на местоположение объекта во внутреннем пространстве ориентира:

(32) *ба:д бада – у кус'ингә? – ат кул'и=т=хый=га* [куль=POSS=POSTP.STEM=LOC]

'Старик сказал: «Ты здесь?» – «Я в куле (букв. 'куля внутри')»' (Дульзон, 1966: 26);

– делокация: *хый=дил'* указывает на исходный пункт перемещения (из внутреннего пространства ориентира):

(33) *ад һай долак иһус=т=хый=дил'...* [дом=POSS=POSTP.STEM=ABL]

'Я тоже вышла из дома (букв. 'дома изнутри')...' (Сказки народов... 1981: 87);

– адлокация: *хый=диңа* указывает на конечный пункт перемещения (во внутреннее пространство ориентира):

(34) *бо:т кайнем туда кет бо:х=т=хый=диңа* [рукавица=POSS=POSTP.STEM=DAT]

доңона

'Старик этого человека взял, в рукавицу (букв. 'внутрь рукавицы') посадил' (Сказки народов... 1981: 67);

– транслокация: *хый=бес'* указывает на перемещение вдоль или по внутреннему пространству ориентира:

(35) *канроба:м дгас'титн'ңәм тик=т=хый=выс* [снег=POSS=POSTP.STEM=PROL]

хытә-т т'э:литна

'[Старик Онель] «дорожную старуху» взял, внутрь снега вниз [головой] втолкнул' (Крейнович, 1969: 239).

В составе падежных форм имени показатели локативных падежей не дифференцируют топологические зоны окрестности ориентира. Напротив, в послеложных конструкциях послелог конкретизирует эти зоны:

(36) а) форма дательно-направительного падежа –

деҕиҥ конауҕен ас'лин=диҥа [лодка=DAT]

‘люди сели в илимку (лодку)’;

б) послеложная конструкция с послелогом *хый=диҥа* – адлокация во внутреннее пространство ориентира –

дон' ас'линг=t=хый=диҥа [лодка=POSS=POSTP.STEM=PROL] *десомдаҕ*

‘Нож вовнутрь лодки положил’.

3. Синтаксические средства

К синтаксическим средствам относятся модели простых и сложных предложений с локативной семантикой.

3.1. Простые предложения являются центральным синтаксическим средством отображения локативных ситуаций и обслуживаются вышеупомянутыми лексическими и грамматическими средствами.

К идиотническим своеобразиям относится то, что семантика местонахождения (наряду с глаголами позиции) передается синтаксическими локативными конструкциями с неглагольным предикатом, который передает концепт ‘находиться’ (глагол с таким значением в КЯ отсутствует).

Под неглагольным предикатом вслед за К. Хенгевельдом авторы понимают предикат, в котором главным компонентом является слово, не принадлежащее классу полнзначных глаголов, вне зависимости от того, содержится ли в составе сказуемого глагол-связка. Иными словами, предложения с неглагольным предикатом могут либо не содержать слово класса глаголов (глагол-связку), либо содержать таковое. При этом надо отметить, что следует различать понятия неглагольной предикации (non-verbal predication) и понятия глагольного и неглагольного предложения («безглагольного» предложения – verbless sentence). Таким образом, неглагольная предикация может содержаться как в неглагольном (не содержащем глагол-связку), так и глагольном (содержащем глагол-связку) предложении (Hengeveld, 1992: 26).

В локативных конструкциях с неглагольным предикатом подлежащее обозначает локализуемый объект, а сказуемое выражает локативный предикативный признак, которым является местонахождение локализуемого объекта, и включает в свой состав наименование ориентира, относительно которого локализуется объект. В качестве реляторов выступают падежные показатели и послелог.

Таблица 3

Лично-предикативные показатели

Лицо	Единственное число	Множественное число
Первое	<i>ди</i> (pi/ti)	<i>даҥ</i> (деҥ/диҥ/таҥ)
Второе	<i>ку</i> (yu)	<i>қаҥ</i> (уаҥ/кѣҥ/(уѣҥ)
Третье мужского класса	<i>ду</i> (py/do/po)	<i>аҥ</i> (еҥ/оҥ)
Женский класс	<i>да</i> (pa/ta)	<i>аҥ</i> (еҥ/оҥ)
Вещный класс	<i>ам</i> (em)	<i>ам</i> (em)

Неглагольные локативные предикаты оформляются либо лично-предикативными согласовательными показателями ряда *ди/ду* (табл. 3), координирующими предикат с подлежащим по категориям лица, числа и класса, либо нелично-предикативными показателями =с’ (ед.ч.)/

=с'и=н (мн. ч.), координирующими предикат с подлежащим лишь по категории числа. При этом указанные показатели выполняют функцию связки – глагольная связка в кетском отсутствует. Есть основания кетские предикативные показатели считать клитиками. Основное отличие клитик от аффиксов заключается в том, что клитики постпозитивно присоединяются к словоформам независимо от их категориальной принадлежности (к прилагательным, наречиям, существительным и даже послеложным конструкциям) (Bickel, Nichols, 2001: 6).

Материально предикативные показатели совпадают с субъектными показателями ряда ди/ду (клитики *ди, ку, ду, да*) и объектными рядов *д/а* и *д/Ø* (*даң, қаң, аң*) показателями глагола. В то время как субъектные показатели (ряд *ди/ду*) проклитически примыкают к словоформам, а объектные показатели (ряды *д/а* и *д/Ø*) помещаются внутрь словоформы, лично-предикативные показатели всегда занимают в составе предиката правую маргинальную позицию:

- (37) *ад ду=тл:л'*
 я.S.ABS S.1.SG=мерзнуть.STEM
 'я мерзну' (Крейнович, 1968а: 55);
 (*эр'*) *ооб=даңти=р'у*
 (соболь) отец.=ADESS.3.SG.M=PRED.3.SG.M
 '(Соболь) у отца' (Крейнович, 1968б: 144).

Структурным центром неглагольного локативного сказуемого может быть имя существительное, субстантивно-послеложное словосочетание, прономинальное, прономинально-послеложное словосочетание, локативное наречие, описательные обороты с пространственными именами. В зависимости от способа выражения ведущего компонента неглагольного локативного сказуемого, который называет ориентир, выделяются следующие морфосинтаксические типы неглагольного сказуемого:

I. Лично-предикативные неглагольные конструкции:

1) субстантивный предикат:

- (38) *богдом амбал=ге=jem*
 ружье.S.ABS амбар.=LOC=PRED.3.INANIM
 'Ружье в амбаре' (Дульзон, 1972б: 111);

2) субстантивно-послеложный предикат:

- (39) *д'ыл' уj=t=xыйга=ду*
 ребенок (мальчик)=S.ABS люлька=POSS.3.INAN=внутри.POSTP=PRED.3.SG.M
 'Ребенок (мальчик) в люльке' (Романенкова, 2009);

3) прономинальный предикат:

- (40) *эр' анæ=даңти=р'у?*
 соболь.S.ABS кто=ADESS.3.SG.M=PRED.3.SG.M
 'Соболь у кого?';
 (*эр'*) *ооб=даңти=р'у*
 (соболь) отец.=ADESS.3.SG.M=PRED.3.SG.M
 '(Соболь) у отца' (Крейнович, 1968б: 144);

4) прономинально-послеложный предикат:

- (41) *дон' аб=ыл'уа=jæm*
 нож.S.ABS мой.POSSP.1.SG=рядом.POSTP=PRED.3.INANIM
 'Нож со мной рядом' (Романенкова, 2009);

5) адвербиальный предикат:

- (42) *бис'аң уг асл'иниң?*
 где твой.POSSP.2.SG лодка.S.ABS
 'Где твоя лодка?';
аб асл'иниң кис'ең=ам

мой.POSSP.1.SG лодка.S.ABS здесь=PRED.3.INAN

‘Моя лодка *здесь*’ (Дульзон, 1972б: 114);

б) неглагольные предикаты, выраженные описательными оборотами с некоторыми пространственными именами, в частности *қол’еп* ‘сторона, половина’, *баң* ‘место’, ‘земля’, оформленные показателями локативного (местно-временного падежа):

(43) *дон’* *ук* *боуот* *қол’еп-ка-жем*

нож.S.ABS твой правый сторона-LOC-PRED.3.N

‘Нож справа от тебя (с твоей правой стороны)’ (Романенкова, 2009);

(44) *ъ’тна* *оп* *манä* *тауаңий* *баң=гей=до* (*баң=гей=ду*)

наш отец.S.ABS говорить.3.F малая ходьба место=LOC=PRED.3.SG.M

‘Наш отец на малой ходьбе’ (Дульзон, 1972а: 10).

II. Нелично-предикативные неглагольные конструкции:

1) субстантивно-последложные предикаты:

(45) *tur’e na’n’* *s’in’=aj=t=hyjga=s’*

этот хлеб.S.ABS старый=мешок=POSS.3.INANIM=внутри.POSTP=PRED

‘Этот хлеб в старом мешке’ (Вернер, 2000: 43).

Как видим, большинство разновидностей локативного неглагольного предиката оформляются лично-предикативными показателями, т. е. используется лично-предикативная стратегия, нелично-предикативными показателями оформляется лишь один тип – субстантивно-последложный.

3.2. К синтаксическим средствам относятся также сложные предложения с придаточными места, к особенностям оформления которых относится использование в качестве средств связи постпозитивных служебных слов, а именно служебного слова, омонимичного показателю DAT *диңа* (46), а также постпозитивного служебного слова *баң/баңдиңа* (<*баң* ‘земля, место’) (47). В главной части часто используются коррелятивные слова, представленные местоименными (дейктическими) наречиями (Гришина, 1979: 10, 12, 19–20):

(46) *бу с’ууонден, бокдет таберамн диңа*

‘он вернулся, головешки от костра лежат *где*’;

(47) *кал’авел’с’ қус’ тус’аң* дуббит, *тал’ам каветий баңдиңа*

‘пастух чум *там* делает, ягель растет *где*’.

В КЯ также представлены сложные предложения локативной семантики, в которых средством связи между главной и придаточной частями служат коррелятивные слова, выраженные местоименными (дейктическими) и вопросительными наречиями и связанные анафорическо-катафорическими отношениями:

(48) *ботый д’е:ң бил’иңа ад де:риҗиритн, тун’тан боуэти*

‘Богатые люди *куда* меня пошлют, *туда* иду’.

Таким образом, пространственные отношения могут передаваться местоименно-соотносительными предложениями, обязательными конструктивными элементами которых являются соотносительное слово в главной части и союзное слово в придаточной (Грамматика, 1970: 683–687).

В связи с тем что объектом исследования стали средства выражения компонентов статических и динамических ситуаций, за пределами исследования остались дейктические (указательные) местоимения, которые также относятся к средствам выражения пространственных отношений.

В результате анализа способов выражения функционально-семантического поля локативности в кетском языке были выявлены такие разноуровневые средства, как лексические, грамматические и синтаксические. Основное внимание было уделено рассмотрению компонентов динамических и статических локативных ситуаций. К лексическим средствам выражения динамических ситуаций относятся глаголы перемещения, использующиеся в динамических ситуациях,

а также глаголы положения (позиционирования) в пространстве, которые служат для обозначения статических ситуаций местонахождения. Предложено среди глаголов перемещения выделять фразовые глаголы и инкорпорированные глаголы, включающие в свой состав директивные инкорпоранты. К важным средствам выражения пространственных отношений принадлежит лексический класс локативных наречий. Грамматические средства включают локативные падежи (локатив, адессив, аблатив, датив, пролатив), а также послелог. Основное различие между локативными падежами и послелогами заключается в том, что в отличие от падежных форм послелоги дифференцируют топологические зоны окрестностей ориентира. Отмечено, что послелоги характеризуются композиционной семантикой: основа послелога указывает на топологическую зону окрестности ориентира, а застывшие показатели локативных падежей – на статические или динамические отношения между объектом и ориентиром.

К синтаксическим средствам относятся как простые, так и сложные предложения, обозначающие как динамические, так и статические локативные ситуации. Выделены предложения с неглагольными локативными предикатами, называющими статические ситуации местонахождения. Таким образом, ориентир включается в состав неглагольного предиката. Осуществлена классификация структурных типов неглагольных локативных предикатов. В результате классификации структурных типов неглагольных предикатов выделены следующие разновидности: субстантивные, субстантивно-послеложные, прономинальные, прономинально-послеложные, адвербиальные предикаты, а также предикаты, выраженные оборотами с некоторыми пространственными именами.

К идиоэтническим особенностям кодирования компонентов локативных ситуаций отнесены: использование «двойной» маркировки субъекта, т.е. наличие двух кореферентных показателей субъекта у некоторых глаголов перемещения; образование глаголов каузивированного перемещения объекта в пространстве ('увести', 'унести') посредством транзитивации глаголов движения, иначе говоря, посредством включения в их состав объектных показателей при тождественности лексической основы, т.е. посредством восходящей актантной деривации; наличие пар глаголов, которые могут использоваться как со свободными (неинкорпорированными) пространственными наречиями, так и с инкорпорированными наречиями; выражение семантики местонахождения синтаксическими локативными конструкциями с неглагольными предикатами, которые передают концепт 'находиться' (при отсутствии в КЯ глагола с таким значением).

В данной работе рассмотрены лишь основные разноуровневые средства выражения отдельных компонентов локативных ситуаций в КЯ. В дальнейшем предстоит уточнить и расширить инвентарь этих средств и проанализировать их взаимодействие при отображении локативных ситуаций как в элементарных синтаксических структурах, так и в сложных (полипредикативных) конструкциях.

Условные обозначения

- ABL – аблатив (исходный падеж);
- ABS – абсолютный падеж;
- ADESS – адессив (местно-личный падеж);
- ANIM – одушевленный класс;
- COR – кореферентный субъектный показатель;
- DAT – дательный падеж;
- DET – детерминатив: субморфема, утратившая свою семантику;
- F – женский класс;
- INANIM – неодушевленный (вещный) класс;
- INC – локативный инкорпорант – преверб;

LOC – локативный (местно-временной) падеж;
M – мужской класс;
O – объект;
PAST – прошедшее время;
PL – множественное число;
POSS – притяжательный показатель;
POSTP – послелог;
POSTP.STEM – основа послелога;
PRED – лично-предикативный или нелично-предикативный показатель, выполняющий функцию координации (согласования) между подлежащим и неглагольным предикатом;
PRES – настоящее время;
PROL – продольный падеж;
S – субъект;
SG – единственное число;
VL – вербализатор (морфема, чаще всего восходящая к глагольным корневым основам и выполняющая деривационную функцию).

Список литературы

- Бондарко А. В. Локативность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 5–6.
- Буторин С. С. Основные средства выражения категории локативности в кетском языке // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: тезисы докладов Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г.). Новосибирск, 2007. С. 68–71.
- Вернер Г. К. Сложные атрибутивные конструкции в енисейских языках // ВЯ. 2000. № 3. С. 42–49.
- Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
- Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
- Гришина Н. М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 30 с.
- Дульзон А. П. Очерки по грамматике кетского языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. 220 с.
- Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1966а. 173 с.
- Дульзон А. П. Кетские тексты // Вопросы лингвистики. Уч. зап. Томского гос. ун-та. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1966б. № 59. С. 3–11.
- Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М.: Наука, 1969. С. 167–212.
- Дульзон А. П. Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. Вып. 3. С. 81–121.
- Дульзон А. П. Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. Вып. 4. С. 119–158.
- Дульзон А. П. Сказки народов Сибирского Севера. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972а. 203 с.
- Дульзон А. П. Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972б. Вып. 5. С. 104–145.
- Которова Е. Г. Время и пространство: специфика концептуального осмысления и языковой репрезентации // Пространство и время в языках разной типологии: сб. науч. трудов по материалам XXV междунар. конф. «Дульзоновские чтения» (Томский государственный педагогический университет, 26–29 июня 2008 г.). Томск: Ветер, 2008. С. 23–31.
- Кошкарева Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 74–119.

- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968а. 284 с.
- Крейнович Е. А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968б. С. 139–195.
- Крейнович Е. А. Обряд кормления «дорожной старухи» у кетов // Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М.: Наука, 1969. С. 236–242.
- Крюкова Е. А. Средства выражения пространственных и временных отношений в кетском языке // Пространство и время в языках разной типологии: сб. науч. трудов по материалам XXV междунар. конф. «Дульзоновские чтения» (Томский государственный педагогический университет, 26–29 июня 2008 г.). Томск: Ветер, 2008. С. 31–39.
- Мальцева А. А. Грамматические средства выражения пространственных отношений (на материале чукотско-корякских языков) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 42–74.
- Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.
- Павленко Л. Г. Типология кетских глаголов движения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / ред. В. А. Плунгян. М.: Русские словари, 2002. С. 57–98.
- Полинская М. С. Инкорпорированное слово в чукотском языке // Морфема и проблемы типологии. М.: Наука, 1991. С. 357–386.
- Сказки народов Сибирского Севера. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. Вып. 4. 188 с.
- Шерер В. Э. Послеложные конструкции в кетском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 106 с. Ч. 2. 184 с.
- Bickel B., Nichols J. Inflectional morphology. 2001. Draft. URL: <http://www.uni-leipzig.de/~autotyp/download>
- Hengeveld K. Non-verbal Predication. Theory, Typology, Diachrony. Berlin – New York, Mouton de Gruyter, 1992. 321 p.
- Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. Ed. by T. Shopen. Language typology and syntactic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, CUP, 1985. Pp. 57–149.

Буторин С. С., кандидат филологических наук, доцент.

Институт филологии Сибирского отделения РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090.

Новосибирский государственный технический университет.

Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630092.

E-mail: butorin_ss@mail.ru

Материал поступил в редакцию 13 мая 2015.

Butorin S. S.

BASIC MEANS AND SOME IDIOETHNIC SPECIFICITY OF MARKING COMPONENTS OF LOCATIVE CATEGORY IN KET LANGUAGE

The research project deals with the analysis and description of the semantic category of location and motion in the Ket language using the approach advanced in the framework of the Theory of Functional Grammar as advanced by A. V. Bondarko and his research team. The investigation uses a notion of locative construction which includes three basic components: the object being localized (Figure, in L. Talmy's notation), the reference object, or landmark (Ground) and spatial relations between the former and the latter.

The semantic types of locative constructions based on the static and dynamic types of spatial relations, and topological and non-topological characteristics of spatial relations have been distinguished.

The analysis of the basic language means of expressing spatial relations in Ket which include lexical items (motion and posture verbs, locative adverbs), grammatical items (case markers, locative postpositions), incorporated, and syntactic means (simple and polypredicative clauses) has been done.

The research project examines the locational and directional markers on the components of static and dynamic spatial situations which include case markers, locative postpositions and adverbs differentiating essive, allative, elative and prolativ meanings.

The idioethnic specificity of marking spatial relations has been shown. The specificity consists in double subject marking of motion verbs, possibility of deriving transitive causative motion verbs from the corresponding intransitive motion verbs by adding one more subject agreement slot containing a subject marker which is co-referent with the subject marker of the original intransitive verb, the availability of incorporated motion verbs, among others.

The notion of the non-verbal predicate as understood by Kees Hengeveld is proposed to be applied to the Ket material. The principal means of marking non-verbal predicates which involve personal and non-personal predicative suffixes are considered.

The classification of the structural types of non-verbal locative predicates has been accomplished. As a result, the personal-predicative and non-personal-predicative predicates have been identified. The former are represented by substantive, substantive-postpositional, pronominal, pronominal-postpositional, adverbial predicates as well as some spatial nouns, and the latter – only by substantive-postpositional predicates.

Key words: *Ket language, Theory of functional Grammar, static situations, dynamic situations, different-level means of coding spatial relations, non-verbal predicates.*

References

- Bondarko A. V. Lokativnost'. Vstupitel'nyye zamechaniya [Locative. Introductory remarks]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar. Locativeness. Existentialness. Possessiveness. Conditionality]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1996. Pp. 5–6 (in Russian).
- Butorin S. S. Osnovnyye sredstva vyrazheniya kategorii lokativnosti v ketskom yazyke [The main means of expression locative category in the Ket language]. *Podvizhniki sibirskoy filologii: V. A. Avrorin, E. I. Ubryatova, V. M. Nadelyaev: tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (Novosibirsk, 27–29 sentyabrya 2007 g.) [Devotees of Siberian Philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubryatova, V. M. Nadelyaev: abstracts of All-Russian Scientific Conference (Novosibirsk, 27–29 September 2007)]. Novosibirsk, 2007. Pp. 68–71 (in Russian).
- Verner G. K. Slozhnyye atributivnyye konstruksii v eniseyskikh yazykakh [Sophisticated attributive constructions in the Yenisei languages]. *Voprosy yazykoznaviya – Problems of Linguistics*, 2000, no. 3, pp. 42–49 (in Russian).
- Gak V. G. Funktsional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii [Functional-semantic field of predicates of localization]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar. Locativeness. Existentialness. Possessiveness. Conditionality]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1996. Pp. 6–26 (in Russian).
- Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The grammar of modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p. (in Russian).
- Grishina N. M. *Padezhnye pokazateli i sluzhebnye slova v strukture slozhnogo predlozheniya ketskogo yazyka*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Case indicators and function words in the structure of a complex sentence of Ket. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1979. 30 p. (in Russian).
- Dul'zon A. P. *Ocherki po grammatike ketskogo yazyka* [Essays on the grammar of Ket]. Tomsk, TSU Publ., 1964. 220 p. (in Russian).
- Dul'zon A. P. *Ketskie skazki* [Ket tales]. Tomsk, TSU Publ., 1966a. 173 p. (in Russian).
- Dul'zon A. P. Ketskie teksty [Ket texts]. *Voprosy lingvistiki. Uchenyye zapiski Tomskogo gos. un-ta* [Questions of linguistics. Scientific notes of TSU]. Tomsk, TSU Publ., 1966b, no. 59, pp. 3–30 (in Russian).
- Dul'zon A. P. *Materialy po ketskoy dialektologii* [Materials on Ket dialectology]. *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and Toponymy of Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1970, no. 3, pp. 81–12 (in Russian).

- Dul'zon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket fairy tales and other texts]. *Ketskiy sbornik. Mifologiya. Etnografiya. Teksty* [Ket collection. Mythology. Ethnography. Texts]. Moscow, Nauka Publ., 1969. Pp. 167–212 (in Russian).
- Dul'zon A. P. *Skazki narodov Sibirskogo Severa* [Tales of the Siberian North]. Tomsk, TSU Publ., 1972a, no. 1, 203 p. (in Russian).
- Dul'zon A. P. Materialy po ketskoy dialektologii [Materials on Ket dialectology]. *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and Toponymy of Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1972b, no. 5, pp. 104–145 (in Russian).
- Kotorova E. G. Vremya i prostranstvo: spetsifika kontseptual'nogo osmysleniya i yazykovoy reprezentatsii [Time and space: the specificity of the conceptual thinking and language representation]. *Prostranstvo i vremya v yazykakh raznoy tipologii*: sb. nauchnykh trudov po materialam XXV mezhdunarodnoy konferentsii "Dul'zonovskii chteniya" (Tomskiy gosydarstvennyy pedagogicheskii universitet, 26–29 iyunya 2008 g.) [Space and Time in the languages of different typologies: Sat. scientific papers on materials XXV international conference "Dulzon Readings" (Tomsk State Pedagogical University, 26–29 June 2008)]. Tomsk, Veter Publ., 2008. Pp. 23–31 (in Russian).
- Koshkareva N. B. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy (na materiale ural'skikh i tungus-man'chzhurskikh yazykov Sibiri) [Syntactic means of expressing spatial relations (based on Ural and Tungus languages of Siberia)]. *Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri* [Ways of formation of the linguistic landscape of Siberia]. Novosibirsk, 2005. Pp. 74–119 (in Russian).
- Kreynovich E. A. *Glagol ketskogo yazyka* [Verb in the Ket language]. Leningrad, Nauka Publ., 1968a. 284 p. (in Russian).
- Kreynovich E. A. O grammaticheskom vyrazhenii imennykh klassov v glagole ketskogo yazyka. [About grammatical classes in terms of nominal verb in the Ket language]. *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [Ket collection. Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1968b. Pp. 139–195 (in Russian).
- Kreynovich E. A. Obryad kormleniya "dorozhnoy starukhi" u ketov [The Ket ritual of feeding the "road old woman"]. *Ketskiy sbornik. Mifologiya. Etnografiya. Teksty* [Ket collection. Mythology. Ethnography. Texts]. Moscow, Nauka Publ., 1969. Pp. 236–242 (in Russian).
- Kryukova E. A. Sredstva vyrazheniya prostranstvennykh i vremennykh otnosheniy v ketskom yazyke [Means of expression of spatial and temporal relations in the Ket language]. *Prostranstvo i vremya v yazykakh raznoy tipologii*: sb. nauchnykh trudov po materialam XXV mezhdunarodnoy konferentsii "Dul'zonovskii chteniya" (Tomskiy gosydarstvennyy pedagogicheskii universitet, 26–29 iyunya 2008 g.) [Space and Time in the languages of different typologies: Collection of scientific papers on materials of the XXV international conference "Dulzon Readings" (Tomsk State Pedagogical University, 26–29 June 2008)]. Tomsk, Veter Publ., 2008. Pp. 31–39 (in Russian).
- Mal'tseva A. A. Grammaticheskie sredstva vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy (na materiale chukotsko-koryakskikh yazykov) [Grammatical means of expressing spatial relations (based on the Chukchi-Koryak language)]. *Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri* [Ways of formation of the linguistic landscape of Siberia]. Novosibirsk, 2005. Pp. 42–74 (in Russian).
- Nevskaya I. A. *Prostranstvennye otnosheniya v tyurskikh yazykakh Sibiri (na materiale shorskogo yazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (based on Shor)]. Novosibirsk, 2005. 305 p. (in Russian).
- Pavlenko L. G. *Tipologiya ketskikh glagolov dvizheniya*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Typology of the Ket verbs of motion. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1986 (in Russian).
- Plungyan V. A. O spetsifike vyrazheniya imennykh prostranstvennykh kharakteristik v glagole: kategoriya glagol'noy orientatsii [On the specifics of the spatial characteristics of the expressions registered in the verb: the category of verbal orientation]. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Vyp. 2: Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira [Investigations in the theory of grammar. Vol. 2: Grammaticalisation of the spatial values in the languages of the world]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2002. Pp. 57–98 (in Russian).
- Polinskaya M. S. Inkorporirovannoe slovo v chukotskom yazyke [Incorporated word in the Chukchi language]. *Morfema i problemy tipologii* [Morpheme and problems of typology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Pp. 357–386 (in Russian).
- Skazki narodov Sibirskogo Severa* [Tales of the Siberian North]. Tomsk, TSU Publ., 1981, no. 4, 188 p. (in Russian).
- Sherer V. E. *Poslelozhnye konstruktii v ketskom yazyke*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Poslelozhnye designs in Ket. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1983 (in Russian).
- Shilova V. V. *Prostranstvennye modeli elementarnykh prostykh predlozhehiy v nenetskom yazyke* [Spatial Model of elementary simple sentences in the Nenets language]. Novosibirsk, 2003, no. 1, 106 p.; no. 2, 184 p. (in Russian).
- Bickel B., Nichols J. *Inflectional morphology*. 2001. Draft. URL: <http://www.uni-leipzig.de/~autotyp/download>
- Hengeveld K. *Non-verbal Predication. Theory, Typology, Diachrony*. Berlin – New York, Mouton de Gruyter, 1992. 321 p.
- Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. Ed. By T. Shopen. *Language typology and syntactic description*. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, CUP, 1985. Pp. 57–149.

Butorin S. S.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Ul. Nikolaeva, 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

Novosibirsk State Technical University.

Pr. K. Marksa, 20, Novosibirsk, Russia, 630092.

E-mail: butorin_ss@mail.ru

Wagner-Nagy Beáta, Szeverényi Sándor

LINGUISTICALLY ANNOTATED SPOKEN NGANASAN CORPUS

The paper discusses the key issues of the annotation method employed in the project “Linguistically annotated spoken Nganasan corpus”. The data are processed and stored in the EXMARaLDA format. The annotation of the database involves grammatical and part-of-speech tagging (made in Toolbox or Flex), translation into Russian and English. However, the present paper addresses the questions of syntactic roles, and information structure. For this purpose we use the format designed by other researchers and adapted by us to the Nganasan language. In the paper we describe the system of annotation (tags, terms and their clarification) illustrated by a large amount of Nganasan examples.

Key words: *Nganasan, annotation, corpus, endangered language, language documentation.*

1. The Spoken Nganasan Corpus

The Spoken Nganasan Corpus has been created as part of a project¹ whose goal is to generate a digital, machine-searchable corpus of spoken Nganasan and, based on this corpus, to prepare a corpus-based reference grammar of the language. This project will fill basic gaps in the existing research into Nganasan descriptive grammar creating new and more widely accessible materials and information on this lesser known and severely endangered Uralic language. As Nganasan is not a completely unknown language and there is a considerable amount of language data and descriptions available, the focus of work is corpus building. The bulk of the language material to be integrated, glossed and annotated has been collected by several researchers² and is available in audio format, most of it also in video format. In the final version of the corpus the texts will be aligned with the audio/video files.

The transcription data as well as the metadata of the corpus are processed and stored in EXMARaLDA³ format, which is both a well-documented and widely used XML-format. The data organization, archiving and publication process carried out by the Hamburg Centre for Language Corpora (HZSK) will convert the transcription files into other widely used formats for transcription (ELAN, Praat, etc.) as well as visualization and publication (Word/RTF, HTML, SVG, PDF), thus strengthening the reusability as well as sustainability of the corpus. The glossed and annotated communications (texts) are merged with the help of the EXMARaLDA Corpus Manager (Coma). The corpus created with Coma can be analyzed with the EXMARaLDA Analysis and Concordance-Tool (EXAKT)⁴ (cf. Schmidt and Wörner, 2005; Wörner, 2010). With the help of EXAKT the annotated texts of the corpus can be searched in complex ways and the results listed, which makes it possible to discover new grammatical and other patterns. The program also allows the user to group and filter results as well as to compare them with metadata.

The metadata include information on the informants as well as the recorded communicative events. Metadata related to the informants include in all cases biographical information and the linguistic biography of the speaker. Further relevant data will also be included whenever it is available. Metadata on the communicative event will include interaction type, location and time, and language used.

Within the project period, sub-corpora will also be annotated for categories of syntactic functions, information structure, and thematic roles. The minimal requirements such a database should fulfill are English (and Russian) translations as well as English (and Russian) interlinear glosses.

The material prepared will be made available in the form of a searchable online text corpus accessible to the research community with a password protected online corpus facilitating multiple search

¹ Corpus based grammatical studies on Nganasan, supported by the DFG (German Research Grant).

² Maria Brykina, Valentin Gusev, Eugen Helimski, Jean-Luc Lambert, Tibor Mikola, Sándor Szeverényi, Beáta Wagner-Nagy in collaboration with other colleagues. We would like to thank here all the people who made this research possible.

³ URL: <http://www.exmaralda.org>

⁴ URL: <http://www.exmaralda.org/tool/exakt/>

options and concordance based analysis. Thus, the corpus will allow further research on the Nganasan language.

2. Annotation in EXMARaLDA

It is necessary that the data are morphologically glossed and tagged for parts of speech with Toolbox or Flex and also further annotated and processed with EXMARaLDA. For this, it has been necessary to create a software tool for converting the data from Toolbox and Flex to EXMARaLDA, which keeps tokenization in accordance with EXMARaLDA format. This work was done by Alexandre Archipov. At present the corpus contains 59 texts converted into the EXMARaLDA format and aligned with the corresponding audio files.

Annotation for every communicative event contains one tier of the type Transcription (T) for each speaker – this is the tier that contains the Nganasan text and aligned with the audio/video-files. In the tier reference (ref), the name of the communication and the number of the sentence is noted. The numbering is created automatically by Toolbox or Flex and imported into EXMARaLDA. This tier and the tier source text (st), if there is one, have a type description (d), which can be ‘transcription’, ‘description’, ‘annotation’ or ‘comment’. All other tiers containing additional analytic information about the transcription have a type annotation (a). The tier tx is the line for interlinearization, which provides the basis for glossing in Flex or Toolbox. For the description of other tiers in EXMARaLDA, see Table 1 below.

Table 1

Tiers in EXMARaLDA in the Nganasan Spoken Corpus

TIERS	Comments	Type
ref	Name of the communication	d
st	Source texts: normally in Cyrillic transliteration	d
ts	Transcription (what is heard)	t
tx	Tier for interlinearization	a
mb	Morpheme break	a
mp	Morphophonemes, underlying forms	a
gr	Morphological annotation: Russian gloss for each morpheme	a
ge	Morphological annotation: English gloss for each morpheme	a
ps	Part of speech categorization for each morpheme	a
SeR	Annotation of semantic roles and syntactic functions	a
IST	Annotation of information status	a
fr	Free Russian transcription	a
fe	Free English transcription	a
nt	Notes on the text unit	

EXMARaLDA offers the possibility to insert a practically infinite number of tiers for annotation, which makes multiple-tier annotation easily doable. Of the numerous annotation possibilities, in the present paper we have chosen two tiers, which are described in Sections 3 and 4.

3. The annotation of thematic roles and syntactic functions

As for the annotation of syntactic functions and thematic roles, we have selected as sample the schema of GRAID: Grammatical Relations and Animacy in Discourse (cf. Haig and Schnell, 2011, 2014). GRAID 6 was developed for the annotation of endangered Oceanic languages, however, the new version, GRAID 7, has been applied to other languages (such as Semitic, Iranian, and English) as well, so it incorporates the experience collected in work with these languages as well. Given that all languages are different, the GRAID system cannot be readily applied to any new language – but this is

not necessary either, since every annotator can modify the GRAID scheme according to their needs and possibilities. Our goal with the GRAID-based analysis is, in addition to entering morphological information, to mark syntactic and semantic information in our corpus so that these types of information could be analyzed together in the data of the corpus. The annotation scheme applied to Nganasan has been developed on the basis of the GRAID system but it also differs from it. The Nganasan version of the GRAID system uses approximately 27 symbols. In EXMARaLDA the annotations not need to be carried out manually. In order to provide a unified system of annotation, we have created an annotation panel for thematic roles, which can be opened in EXMARaLDA's Partitur-Editor. This makes annotation faster and ensures its uniformity.

During the annotation, we take into account three factors: we annotate thematic roles and syntactic functions, and we provide information on their referents.

3.1. Annotation of thematic roles

3.1.1. Form of referent. In the corpus, the form of the referent is annotated. Not all possible factors of such forms are provided, but noun phrase and pronominal referents are differentiated. In annotating the thematic role Locative, whether the referent is adverbial, postpositional or nominal may also play a role. Similarly to GRAID, we also use the category <other>. It is used when we cannot or do not want to specify something at the present stage of annotation: for instance, some determiners are marked with the label <other> at present, but these will be easy to find and make more specific at a later stage. The categories which are used in specifying the form of the referent are listed in Table 2 below. Given that Nganasan is a pro-drop language, it is useful to mark whether the referent in question is expressed overtly in the sentence or not. Accordingly, for the form of referential expressions the following glosses are used:

Table 2

Form of referent

pro	np	n	0	adv	pp	other
Free pronoun	Noun phrase	Nominal	Deleted	Adverb	Postposition	Form which is not considered relevant

3.1.2. Properties of the referent. The inherent properties of the referent include the person. We annotate all three persons. Semantically the referent can be a human or non-human. Human referents are annotated with the symbol <h>, while the non-human referents are bare. In Nganasan the feature [$\pm$ human] probably does not play a special role as far as thematic relations are concerned, however, we decided to include it in the annotation list anyway.

The properties of the referent are linked to the form categories with the symbol <.>. In contrast to GRAID, we do not annotate anthropomorphised discourse participants. However, if it turns out that there is a need for such a category, the annotation feature can be easily added.

3.2. Semantic roles

To this day there exists no unified list of semantic roles despite the fact that argument structure and the assignment of thematic roles are hot topics in the fields of semantics and syntax these days (cf. Dowty, 1989, 1991; Grimshaw, 1990; Butt, 2005; etc.). In our system of annotations, we have taken into account the thematic roles used in GRAID, but additionally we annotate some other semantic roles too, such as the recipient (R) and benefactor (B). It also has to be noted that certain thematic roles have not been differentiated yet: for instance, no differentiation is currently made between Agent and Experiencer. While in the sentence *Mary loves Peter* the argument *Mary* is an Experiencer as far as its thematic role is concerned due to the fact that it does not control the action, in our system the arguments of such sentences are categorized as Agents at the moment.

In the same way, we do not differentiate between a Patient and a Theme. While, for instance, in a sentence with a ditransitive verb the entity that is handed over by the Agent to the Recipient is the

Theme, in our system it is treated as if it were a Patient. The category of Recipient is annotated, however. Differentiating between a Recipient and a Goal is not unproblematic. One of the criteria for doing so is that if the verb expresses an actual or mental transfer, the argument at the other end is a Recipient. Naturally, the argument of verbs expressing a mental transfer is not a real recipient but only a recipient-like argument; this is not separately annotated (cf. Malchukov et al., 2010). Several other thematic roles have not been included in the list at present, such as Source and Undergoer but can be included at a later stage. For annotating the thematic roles, the following glosses are used⁵:

Table 3

Thematic roles

A(gent)	The initiator of the action
	The entity that experiences the action (actually, the experiencer)
P(atient)	The undergoer of the action
	The entity which is moved by some action (theme)
G(oal)	The location or entity in the direction of which something moves
L(ocation)	The locative argument of a verb, a place in which something is situated
R(ecipient)	The animate recipient of transfer, and addressee of verb of speech
B(enefactive)	The entity for whose benefit the action was performed
Poss(essor)	The possessor
Ins(trument)	The medium by which the action or event is performed

3.3. Syntactic functions

By annotating grammatical relations we focus only on the major syntactic functions as S, A and P, as well as on the predicate, which can be nominal or verbal, making this distinction necessary to differentiate as well. The verbal predicate is annotated as <v:pred>. The first element of the abbreviation refers to the type of predicate (nominal or verbal), whereas the second one to the role played in the sentence – that is, in this case, that the given verb functions as a predicate. There are, however, verbal predicates that go together with a copula which carries certain grammatical functions such as modal or tense marker, as sentence (1) shows. Here the actual predicate is annotated as a predicate, while the element bearing the tense marker receives the label copula.

(1) KES_061020_MyLife_nar.011

mb	<i>Bəhi</i> <i>ʔa</i>	<i>i-sʲüə</i> ,...
ge	bad.[3SG]	be-PST.[3SG]
#	n:pred	cop
fe	'It was bad...'	

As the sentence above well demonstrates, a nominal element can play the role of a predicate. But Nganasan has the characteristic that even adjectives and particles can occur in this position (see Table 4 below).

Table 4

The form and function of the predicate

Form	v:pred	n:pred	adj:pred	ptcl:pred	cop	aux	aux.neg
Description	Verbal predicate	Nominal predicate	Attributive predicate	Particle predicate	Copula	Auxiliary	Negative auxiliary

In addition to purely verbal predicates, auxiliaries are also differentiated. In sentences that contain a structure with an auxiliary, the latter receives the annotation aux or aux.neg, whereas the connegative

⁵ We rely on Gawron (2007) for defining thematic roles.

form of the main verb receives the label <v:pred>. The annotation scheme referring to the predicates is summarized in Table 4.

There are cases where one element has to be assigned two thematic or syntactic roles during annotation. This can happen, for instance, when the same word is marked for the recipient and the patient, or when a pro-drop phenomenon occurs during which the pronominal agent/subject is not expressed overtly. In the former case two thematic roles have to be marked, while in the latter two syntactic functions have to be annotated. In such cases the given cell is annotated for both functions or roles. The sentences in examples (2) and (3) below illustrate this. Example (2) provides a sentence in which the same word is marked for the Benefactor and the Patient, while (3) demonstrates a case where the subject is referred to only by the inflection on the verb. The latter is a frequent occurrence in Nganasan.

(2) ChND_061101_TwoTents_flkd.015

mb *Maa-güä-ðä-mtə* *ŋəði-ʔə-ŋ?*
ge what-EMPH-DST-ACC.2SG find-PF-2SG
pro:P/0.2.h:B v:pred
fe ‘Did you find something for yourself?’

We can see that the first word of the sentence is marked for two thematic roles: on the one hand, it is a pronominal Patient, but on the other hand it is also coded for the Benefactor. This is a frequent occurrence in Nganasan when the (pre)destinative suffix is used.

(3) KES_061020_MyLife_nar.002

mb *d’esi-gal’i* *bəðu̯ä-suə-m* *təbtə*
ge father-PRIV.SG grow(tr)-PST-1SG also
other 0.1.h:S/v:pred
fe ‘I grew up without a father.’

If we look at the annotation of sentence (3), we can see that the first word is not specified as far as the thematic role or the syntactic function, although they could be. The second word contains syntactic annotation. As has been explained in section 2.1.1, the first element indicates the form of the referent. In the present case it refers to the first person, which is not overtly expressed in the sentence. The second element describes the inherent property of the referent, while the last element describes a syntactic function. Thus, the sentence has a covert first person subject. The second syntactic annotation follows after the slash.

Syntactic roles are annotated similarly to thematic roles, following the principle used in GRAID, according to which annotations have the form such as <form.animacy:function>. Table 5 summarizes the annotation options of the subject function.

Table 5

The annotation of the subject

Abbrev.	Form of referent		Inherent properties of referent		Semantically specified individual form		Function	
pro.h:S	Full pronoun	Pro			h	Human	S	Subject
0.1.h:S	Deleted	0	First person	1				
0.2.h:S	Deleted 0 Second person			2				
0.3.h:S	Deleted	0	Third person	3				
np.h:S	Noun phrase	np						
pro:S	Full pronoun	pro						
np:S	Noun phrase	np						

At present we cannot completely carry out the annotation of every syntactic structure. We cannot, for instance, annotate participial structures that function as clauses and their possible complements, or structures with gerunds etc.:

(4) ChND_061101_TwoTents_flkd.007

mb	<i>basu-čə-bünü-ndi</i>	<i>maa-gəl'čə</i>	<i>ni-gə-ti-gəj</i>	<i>kotə-ʔ</i>
ge	hunt-EMPH-COND.FUT-3DU	what-EMPH.[ACC]	NEG-ITER-PRS-3DU	kill-CNG
SeR		pro:P	0.3.h:S aux.neg	v:pred
fe	'During hunting they did not kill anything.'			

Non-finite complements (such as, for instance, 'he went out to hunt' or 'she went out to visit with people') have np:G (goal) as their notation, although this does not completely agree with the definition of the thematic role GOAL.

(5) ChND_061101_TwoTents_flkd.009

mb	<i>tə</i>	<i>kaŋgü-čə-küə-ni</i>	<i>ŋonəi-ʔ</i>	<i>bii-ʔi-ai-ndi</i>	<i>basu-d'a</i>
ge	well	when-EMPH-EMPH-LOCADV	one.more-ADV	go.away-PF.R-3DU.R	hunt-INF
SeR		adv: time		0.3.h:S v:pred	np:G
fe	'Once they were going to hunt again.'				

4. Annotation of information structure

Information structure can be conceived of in various ways and several layers of it can be differentiated. One of them is the *theme* vs. *rheme* dichotomy (cf. Holliday, 1967), which approaches the issue from the perspective of the listener, distinguishing between what is new information for the listener and what is known. The terms *topic* vs. *comment* are also used to describe the same thing (cf., for instance, Bloomfield, 1935; Gundel, 1978; Reinhart, 1982), with recent works using the latter terminology. Another layer is that of cognitive representation, where the main focus is the status of information, that is, whether the given information is new for the listener in the given stretch of discourse or not, using the *given* vs. *new* dichotomy (cf. Chafe, 1976; Allerton, 1978). The third layer focuses on the speaker's intention and operates with the categories of *focus* vs. *background*. The information relevant from the point of view of the speaker will be the focus of the sentence (which is an emphasized constituent of the comment unit), while the information which is less relevant from the point of view of the speaker is the background (cf. Holliday, 1967; cf. *topic* and *focus* in Lambrecht, 1994).

As various authors have pointed out before (cf. von Heusinger, 1999; Buring, 2005, etc.), prosody also plays an important role in structuring information conveyed by sentences. Even though the Nganasan corpus under construction would make it possible to annotate prosodic features, since audio files with the data are also available, but Nganasan information structure has been studied to such a limited extent that annotating prosody would be much beyond the scope of the current project⁶. As a result, at the present stage of the project we concentrate on annotating only the status of the information.

In annotating information structure in our corpus, we follow the annotation guidelines presented in Götze et al. (2007). Here, we will apply only the Core Annotation Scheme including the annotation layers 'Information Status' (with the corresponding tags 'given', 'accessible', and 'new'). In the project that serves as a model in Götze's work, further layers such as 'Topic' (with the corresponding tags 'aboutness topic' and 'frame setting topic'), and 'Focus' (with the corresponding tags 'new information-focus' and 'contrastive focus') are used (cf. Götze et al., 2007: 148). However, we do not use these at the present stage of our project but may experimentally annotate Topic and Focus in a part of our corpus at a later stage. Similarly, we may annotate information status according to an extended annotation field in some cases (see below).

⁶ For an example of annotating the prosody in a spoken language corpus, see e.g. Baumann (2006).

The notions mentioned above (topic vs. comment, new vs. given, theme vs. rheme) do not cover information structure in exactly the same way, but there are some parallels that can be identified between them. (For a summary of this, see, for instance, von Stechow, 1999 or Zerbán, 2006.)

In any case, in our project we operate with the notions given vs. new, and this means that in a substantial subset of the cases what is annotated as ‘new information’ will be the same elements that can also be annotated as ‘focus’ later. The following English language example illustrates this point.

(6) What does Mary eat?

Mary eats fish.
background focus
given new

There is no straightforward parallel like this in the annotation of the topic, the reason for which is that new information is part of the unit ‘comment’. If we divide the sentence in (6) into topic vs. comment units, we identify *Mary* as the topic, while the rest of the sentence is the comment. If we compare the information structure from the points of view of topic, focus and information status, we get the following pattern:

(7) What does Mary eat?

Mary eats fish.
topic comment
background Focus
given New

Now we demonstrate the principles of annotating information status. In this case the focus of the examination is what role the information plays in the discourse. In this annotation scheme three notions are crucial: given, accessible, and new.

Given: an entity is given if it has previously occurred in the discourse. This previous occurrence does not necessarily have to be in the immediately preceding sentence but can be a few sentences earlier and being activated again now.

In the extended annotation scheme it is possible to differentiate between referents that are active vs. not active. A referent is active if it occurred in the previous sentence, while it is inactive if earlier than that.

Accessible: a referent is accessible if it has not been mentioned before but can be identified, for instance, from the context of the situation, general knowledge, or the course the discourse takes subsequently. According to Götze’s system (2007: 157–160) it is possible to annotate exactly what is known. We do not go into details such as this and use core annotation instead.

New: an element is new in a sentence if it conveys new information in the sentence.

Table 6 below summarizes the abbreviations used for annotating Nganasan information status.

Table 6

The annotation of information status

Information status	Given	Accessible	New
Annotation	giv (underspecified) giv-active giv-inactive	accs (underspecified)	new

5. Conclusion

The summary of the annotation system used in our Nganasan corpus provides an example of multi-tier annotation which can be extended with further information at any future time. This annotation system makes it possible to do complex searches, searching for various types of information at the same time, which, in turn, can yield insight into interrelationships in the data which previous corpora

were not able to uncover, such as interrelations between thematic roles, syntactic roles, and morphological form. The following examples

(8) ChND_061101_TwoTents_flkd.001

st Сити ма?
ts S'iti ma?
tx S'iti ma?
mb s'iti ma?
mp s'iti mat
gr два.[NOM] чум.[NOM]
ge two.[NOM] tent.[NOM]
ps num-n.case n-n.case
other:attr np
IST new
fr Два чума.
fe There are two tents.

(9) ChND_061101_TwoTents_flkd.002

st Сизи матэны нилытыгэй сити нумээгэй.
ts S'iði matəni n'ilitigəj s'iti numəəgəj.
tx S'iði matəni n'ilitigəj s'iti numəəgəj.
mb s'iði ma-təni n'ili-ti-gəj s'iti numə-ə-gəj
mp s'iti ma?-ntənu n'ili-ntu-kəj s'iti numə-ə-kəj
gr два.[GEN] чум-LOC жить-PRS-3DU.S два парень-ADJ-NOM.DU
ge two.[GEN] tent-LOC live-PRS-3DU.S two young.man-ADJ-NOM.DU
ps num-n.case n-n.case v-v.tense-v.pn num n.-deriv.adj-n.case.number
other:attr np:L v:pred other:attr np.h:S
IST give-active New
fr В двух чумах живут два парня.
fe In these two tents live two young men.

Abbreviations

ACC – accusative;	N – noun;
ADJ – adjective;	NEG – negative;
ADV – adverbial suffix;	NOM – nominative;
CNG – connegative;	NUM – numeral;
COND – conditional;	PF – perfect;
DERIV – derivational suffix;	PN – personal suffix;
DST – destinative;	PRIV – privative;
DU – dual;	PRS – present;
EMPH – emphatic element;	PST – past;
FUT – future;	R – reflexive;
INF – infinitive;	SG – singular;
ITER – iterative;	TR – transitive;
LOCADV – locative adverbial suffix;	V – verb.

References

- Allerton, D. J. 1978. The notion of 'givenness' and its relation to presupposition and theme. *Lingua* 44. 133–168.
- Baumann, Stephan. 2006. Information Structure and Prosody: Linguistic Categories for Spoken Language Annotation. In Sudhoff, Stefan, Denisa Lenertová, Roland Meyer, Sandra Pappert, Petra Augurky, Ina Mleinek, Nicole Richter & Johannes Schließer (eds.), *Methods in Empirical Prosody Research*. Berlin, New York: De Gruyter (= Language, Context, and Cognition 3). 153–180.
- Butt, Miriam. 2005. *Theories of Case*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Büring, Daniel. 2005. *Intonation und Informationsstruktur*. Available online at <http://semanticsarchive.net/Archive/jl00Tk3O/buring.ids2005.pdf> (accessed 17.03.2015).
- Dowty, David. 1989. On the Semantic Content of the Notion "Thematic Role". In *Properties, Types, and Meanings*. Vol. 2. Ed. by G. Chierchia, B. H. Partee, and R. Turner. Dordrecht: Kluwer. 69–130.
- Dowty, David. 1991. Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language* 67. 547–619.
- Fillmore, Charles. 1968. The Case for Case. In *Universals in Linguistic Theory*. Ed. by Emmon Bach and Robert T. Harms. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Gawron, Jean Mark. 2007. *Aspect, Roles, and Lexical Semantics*. Available online at http://www-rohan.sdsu.edu/~gawron/semantics/course_core/lectures/roles.pdf (accessed 17.03.2015).
- Götze, Michael et al. 2007. Information structure. In Dipper, S., Götze, M. and S. Skopeteas (eds.): *Information Structure in Cross-Linguistic Corpora*. Interdisciplinary Studies on Information Structure 07 (2007): 147–187. Available online at <http://edoc.hu-berlin.de/oa/reports/reQ5PntJcwYs/PDF/23TFAo8H6FW2.pdf> (accessed 05.02.2013).
- Grimshaw, Jane. 1990. *Argument Structure*. MIT Press, Cambridge, Massachusetts.
- Gundel, Jeanette. 1978. *Stress, pronominalisation and the given-new distinction*. University of Hawaii Working Papers in Linguistics 10/2. 1–13.
- Haig, Geoffrey and Stefan Schnell. 2011. *Annotations using GRAID (Grammatical relations and animacy in discourse)*. Introduction and guidelines for annotators. Version 6.0. Available online at http://www.linguistik.uni-kiel.de/GRAID_manual6.0_08sept.pdf (accessed 05.02.2013).
- Haig, Geoffrey, Stefan Schnell. 2014. *Annotations using GRAID*. Manual Version 7.0.
- Halliday, M.A.K. 1967. Notes on transitivity and theme in English, Part 2. *Journal of Linguistics* 3. 199–244.
- Von Heusinger, Klaus. 1999. *Intonation and Information Structure*. *Habilitationsschrift*. Available online at http://gerlin.phil-fak.uni-koeln.de/kvh/pub/pub99–98/Heusinger1999_Intonation.pdf (accessed 25.02.2014).
- Von Heusinger, Klaus. 2002. Information structure and the partition of sentence meaning. In Hajičová, Eva, Petr Sgall, Jirí Hana and Tomáš Hoskovec (eds.), *Prague Linguistic Circle Papers: Travaux du cercle linguistique de Prague nouvelle série*. Vol. 4. 275–305, Amsterdam: Benjamins.
- Kittilä, Seppo. 2005. Recipient prominence vs. beneficiary prominence. *Linguistic Typology* 9. 269–297.
- Malchukov, Andrej, Martin Haspelmath and Bernard Comrie, eds. 2010. *Studies in ditransitive constructions: a comparative handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Schmidt, Thomas, Wörner, Kai. 2005. Erstellen und Analysieren von Gesprächskorpora mit EXMARaLDA. *Gesprächsforschung* 6. 171–195.
- Wörner, Kai. 2010. *Werkzeuge zur flachen Annotation von Transkriptionen gesprochener Sprache*. PhD Thesis, Universität Bielefeld. Available online at <http://bison.ub.uni-bielefeld.de/volltexte/2010/1669/> (accessed 05.02.2013).
- Zerbian, Sabine. 2006. Expression of information structure in the Bantu language Northern Sotho. *ZAS Papers in Linguistics* 45. Berlin: ZAS.

Wagner-Nagy B.

Institut für Finnougristik/Uralistik.

Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Deutschland.

E-mail: beata.wagner-nagy@uni-hamburg.de

Szevérenyi S.

Institut für Finnougristik/Uralistik.

Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Deutschland.

E-mail: sandor.szeverenyi@uni-hamburg.de

Материал поступил в редакцию 25 апреля 2015.

Вагнер-Надь Б., Северени Ш.

АННОТИРОВАННЫЙ ЗВУКОВОЙ КОРПУС НГАНАСАНСКОГО ЯЗЫКА

Описываются некоторые ключевые моменты разметки, используемой в проекте «Аннотированный звуковой корпус нганасанского языка». Данные в проекте обрабатываются и хранятся в формате EXMARaLDA. Разметка базы данных включает грамматические и частеречные глоссы (созданные в программах Toolbox или Flex), переводы на русский и английский языки; однако настоящая статья посвящена в первую очередь информации о синтаксических ролях, тема-рематических характеристиках и информационной структуре. Для этого используется формат, разработанный другими исследователями и приспособленный авторами для нганасанского языка. Представлена система разметки (теги, термины и их объяснения), проиллюстрированная большим количеством нганасанских примеров.

Ключевые слова: *нганасаны, аннотация.*

Вагнер-Надь Б., доктор, профессор.

Институт финно-угристики и уралистики. Университет Гамбурга.

Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Deutschland.

E-mail: beata.wagner-nagy@uni-hamburg.de

Северени Ш., доктор.

Институт финно-угристики и уралистики. Университет Гамбурга.

Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Deutschland.

E-mail: sandor.szeverenyi@uni-hamburg.de

Которова Е. Г.

ВЫРАЖЕНИЕ ИЗВИНЕНИЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОСТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТЫ¹

Представлен анализ модели речевого поведения извинения в русском и немецком языках. В первой части статьи иллокуция извинения определяется в терминах естественного семантического метаязыка. Контрастивное исследование проводится с трех точек зрения. Во-первых, с точки зрения структуры: выделяются основные языковые модели реализации извинения. Во-вторых, с точки зрения прагматики: рассматривается, различаются ли ситуации, в которых русские и немцы выражают извинение, и если да, то как. Показано, что для сопоставления русского и немецкого языков важным являются различия между конвенциональным извинением и извинением по существу. В-третьих, на основе методики коммуникативно-прагматического поля описываются возможности выражения извинения в русском и немецком языках. Выявляются особенности организации поля в этих языках. Исследование базируется на существующих корпусах немецкого и русского языков.

Ключевые слова: речевое поведение, извинение, межкультурная коммуникация, контр-растивная лингвистика, русский, немецкий.

1. Определение модели речевого поведения извинение

1.1. Извинение в классификации речевых актов

Извинение является, как правило, реактивным речевым актом, однако говорящий реагирует в данном случае не на коммуникативное действие собеседника, а на свое собственное невербальное или вербальное действие. Лишь в редких случаях извинение относится к будущим обстоятельствам и является, таким образом, превентивным.

Модель речевого поведения (МРП) извинение применяется в таких ситуациях, в которых говорящий хочет донести до адресата тот факт, что он сожалеет о последствиях совершенного им действия (Harras, Proost, Winkler, 2007: 305). Это определение, однако, должно быть дополнено другими важными признаками. К ним относятся следующие: 1) последствия данного действия являются для адресата нежелательными (Olshtain, 1989: 156); 2) говорящий в большинстве случаев не несет полной ответственности за совершенное им действие (Rehbein, 1972: 306); 3) это действие не должно нарушать правовые нормы, и его последствия не должны быть слишком тяжелыми (Rathmayr, 1996: 42). Так, например, едва ли уместно извинение в том случае, если говорящий совершил грабёж или убийство.

Обычно извинение относят к классу экспрессивов (Searle, 1982: 34; Trosborg, 1995: 373; Pisarek, 1995: 38; Ogiermann, 2009: 57; Larina, 2009: 347), а именно по той причине, что с помощью этого речевого акта говорящий выражает свое отношение к определенному событию и при этом преследует цель сохранить гармонические отношения между говорящим и адресатом. Согласно классификации Дж. Сёрля, такая иллокутивная цель характерна для речевых актов класса экспрессивов, таких как *благодарить*, *поздравлять*, *извиняться*, *соболезновать* и др. (Searle, 1982: 34–36). Однако Р. Ратмайр (Rathmayr, 1996: 49–50) указывает на то, что отнесение извинения к классу экспрессивов базируется на стандартной для английского языка речевой формуле *sorry*, которая действительно выражает чувства и установки говорящего, в данном случае чувство сожаления. В таких же языках, как русский или немецкий, извинение формулируется прототипически не как выражение психического состояния или передача эмоций говорящего, а как его обращение к адресату с целью побудить его изменить свою негативную оценку совершенного говорящим действия либо же не допустить формирования такой оценки:

¹ Данная статья является составной частью проекта «Контрастивное описание моделей речевого поведения в немецком и русском языках», выполняемого Е. Которовой и В. Гладровым.

(1) *Entschuldigen Sie bitte die entstandenen Unannehmlichkeiten!*

(2) *Извини, но я не смогу завтра прийти на твой доклад.*

Таким образом, извинение должно быть отнесено к побудительным речевым актам и, соответственно, входить в класс директивов. Особенность состоит лишь в том, что большинство побудительных речевых актов относятся к будущим действиям, в данном же случае речь идет о когнитивных оценках и мнениях. Делая вывод из своих размышлений, Ратмайр предлагает рассматривать извинение как комплексный речевой акт, а именно как просьбу к адресату принять извинения и простить говорящего (Rathmayr, 1996: 50).

Р. Ратмайр, безусловно, права в том отношении, что императивные высказывания, выражающие извинение в русском и немецком языках, *pro forma* являются просьбами. Однако МРП просьба предполагает явный перлокутивный эффект (Hindelang, 2004: 64). Говорящий обязательно хочет знать, будет ли выполнена его просьба или нет, в противном случае его коммуникативное действие не имеет смысла. В случае же извинения такой необходимости во многих случаях нет, особенно если повод не слишком серьезный и речевой акт имеет рутинный характер. Таким образом, иллокутивная цель извинения состоит не в том, чтобы побудить адресата к определенному действию, а, скорее, в том, чтобы проинформировать его о своем душевном состоянии. По этой причине, как можно думать, в обоих языках наблюдается тенденция в случае рутинного извинения избегать форм императива: в немецком языке в стандартных ситуациях обычно употребляется существительное *Entschuldigung*, в русском – разговорная формула *извиняюсь*. Таким образом подчеркивается, что реакция собеседника не является обязательной и ожидаемой:

(3) *Entschuldigung, das geschah nicht absichtlich!*

(4) *Извиняюсь, Марья Владимировна. Это со мной иногда бывает.*

Кроме того, лишь часть высказываний, реализующих МРП извинение, содержат формы императива. Другие возможности выражения извинения, такие как *сожалею, виноват – es tut mir leid, das war meine Schuld* и др., представляют собой типичные экспрессивные речевые акты, выражающие отношение говорящего к совершенному действию. При этом вряд ли можно считать возможным отнесение отдельных форм реализации одной и той же модели речевого поведения к разным классам речевых актов. В связи со всем выше изложенным извинение следует, по мнению авторов, относить к классу экспрессивов с оговоркой, что определенные формы выражения данной модели могут иметь вторичную иллокуцию просьбы².

1.2. Описание иллокутивного содержания с помощью семантических примитивов

Уже в своих ранних работах А. Вежбицкая сформулировала иллокутивную цель МРП извинения (PRZEPROSINY). В то время такого рода модели Вежбицкая называла речевыми жанрами (Wierzbicka, 1983: 130):

(a) *wiem, że zrobiłem coś, co było dla ciebie złe;*

(b) *sądzę, że możesz czuć do mnie coś złego s tego powodu;*

(c) *mówię: żałuję, że to zrobiłem;*

(d) *mówię to, bo chcę żebyś nie czuł do mnie nic złego*³.

В своем более позднем словаре английских речеактивных глаголов Вежбицкая связывает иллокутивную цель извинения прежде всего с английским глаголом *apologize* (≈ извиняться) и фор-

² По мнению Ф. Лидтке, извинение, просьбу об извинении, просьбу о прощении и оправдание следует рассматривать как отдельные модели речевого поведения (Liedtke, 2003: 78ff).

³ (a) я знаю, что я сделал нечто, что плохо для тебя;

(b) я думаю, что ты можешь по этой причине чувствовать что-то плохое по отношению ко мне;

(c) я говорю: я сожалею, что я это сделал;

(d) я говорю это, так как я хочу, чтобы ты не чувствовал плохое по отношению ко мне.

мулирует некоторые изменения и дополнения своей первой дефиниции в соответствии с разрабатываемой ею теорией естественного семантического языка (ЕСМ) (Wierzbicka, 1987: 215):

- (a) I know that I caused something to happen that was bad to you;
- (b) I think that you may think something bad about me because of that and feel something bad towards me because of that;
- (c) I say: I feel something bad because of that;
- (d) I don't want you to think something bad about me because of that and to feel something bad towards me because of that;
- (e) I say this because I think I should say it to you⁴.

Определение русского речеактового глагола *извиняться*, предложенное М. Я. Гловинской, сходно с приведенным выше, однако в нем автор подчеркивает, что говорящий хочет показать адресату, что он сожалеет о том, что сделано, и поэтому надеется, что его простят (Glovinskaya, 1993: 210):

- (a) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y знал, что X сожалеет о P, и поэтому простил его.

Учитывая все приведенные выше определения и соображения, иллокутивное содержание МРП извинение может быть сформулировано следующим образом:

- (a) я знаю, что я сделал нечто, что плохо для тебя;
- (b) я думаю, что ты можешь поэтому чувствовать что-то плохое по отношению ко мне;
- (c) я говорю: я тоже чувствую что-то плохое, потому что я сделал это;
- (d) я говорю это, так как хочу, чтобы ты не чувствовал плохое по отношению ко мне.

Причиной для извинения являются, таким образом, малефактивные по отношению к адресату действия говорящего, вследствие которых ему был причинен некий ущерб. В зависимости от тяжести этого ущерба реализуется либо конвенциональное извинение (при незначительном поводе), либо же извинение по существу (при поводе средней либо же значительной тяжести) (Ratmajr, 2003: 50–53). Формы реализации этих двух типов извинений различаются, что будет показано далее.

2. Структура МРП извинение

2.1. Конвенциональное извинение

Конвенциональное извинение является рутинным речевым актом, оно провоцируется происшествиями, не имеющими серьезных последствий для адресата. Такие нарушения этикетных норм поведения происходят чаще всего в результате оплошности или недоразумения. Структура МРП в этом случае как в русском, так и в немецком языке существенно сокращена. Наиболее употребительными формами в немецком языке являются существительные *Entschuldigung! / Verzeihung!* Эти эллиптические формулы возникли в результате сокращения полных высказываний *Ich bitte um Entschuldigung / Verzeihung*. В русском языке в этой функции выступают глагольные формы *извини(те)! / прости(те)!*, а также разговорная формула *извиняюсь!* (Lange, 1984: 73–74; Bingan, 2010: 157; Formanovskaya, 2009: 242). В немецком языке также встречаются сокращенные формы императивных высказываний *Entschuldige! / Entschuldigen Sie!*:

- (5) **Entschuldige!** *Ich habe es nicht böse gemeint!*

Реакция на эти формулы также очень краткая (*ok, macht nichts, nicht schlimm/ничего, не сто-ит и пр.*), либо же она отсутствует совсем. Молчание понимается как согласие с извинением. Императивные формы могут сопровождаться разговорными частицами *bitte/пожалуйста*:

⁴ (a) я знаю, что я сделал нечто, что плохо для тебя;

(b) я думаю, что ты можешь поэтому думать что-то плохое обо мне и чувствовать что-то плохое по отношению ко мне;

(c) я говорю: я чувствую поэтому что-то плохое;

(d) я не хочу, чтобы ты поэтому думал что-то плохое обо мне и чувствовал что-то плохое по отношению ко мне;

(e) я говорю это, так как я думаю, что я должен тебе это сказать.

(6) Но у меня через двадцать минут встреча... – **Извини, пожалуйста!**

В немецком языке слово *bitte* в сочетании с существительными *Entschuldigung!* и *Verzeihung!* не употребительно и может встречаться лишь в разговорной речи:

(7) *Wir brauchen die Hotels. Entschuldigung bitte, aber wir müssen auch leben.*

В основе конвенционального извинения лежат не эмоции, а правила этикета, оно служит поддержанию гармоничных социальных отношений в сообществе (Rathmayr, 1996: 141).

2.2. Извинение по существу

В случае извинения по существу применяется, как правило, полная формула, включающая такие компоненты, как компонента действия, компонента говорящего, компонента адресата и компонента повода.

2.2.1. *Модели с императивными конструкциями.* Особенностью МРП извинение в немецком и русском языках является то, что компонента действия в большинстве случаев стоит не в форме первого лица единственного числа изъявительного наклонения активного залога, как это характерно для прототипической перформативной формулы (Hindelang, 2004: 23), а в императиве. Это указывает на то, что МРП извинение, как уже упоминалось, частично перенимает иллокуцию МРП просьба:

(8) – *Ach, das ist mein Besuch, sagte er im Aufstehen.*

– *Ein bisschen früh. Entschuldigen Sie mich, Mr. Garrett.*

(9) *Соня, – сказал он, – извините меня за навязчивость...*

В примерах (8) и (9) императивные формы глаголов *entschuldigen* и *извинить* обозначают желание говорящего изменить душевное состояние адресата.

Еще более ясно иллокуция просьбы проявляется в формулах извинения, содержащих императивы глаголов *bitten/nrosить* в сочетании с существительными *Entschuldigung/Verzeihung* или же *прощение/извинение*. На тот факт, что некоторые высказывания могут объединять несколько иллокуций, указывает Т. Баллмер (1979): «В каждом речевом акте можно обнаружить... репрезентативные, директивные, комиссивные и декларативные компоненты»⁵. В некоторых формах выражения МРП извинение можно наблюдать объединение директивной и экспрессивной компоненты:

(10) *Mir ist ein Fehler unterlaufen und ich bitte um Entschuldigung.*

(11) *Прошу прощения за сумбур и за то, что так длинно написала.*

Следует заметить, что в приведенных выше сочетаниях существительного с глаголом в немецком языке предпочтительно слово *Entschuldigung*, а в русском – *прощение*. Возможными вариантами в русском языке являются выражения *приношу свои извинения* и *примите мои извинения*:

(12) *Приношу свои извинения еще раз за то, что побеспокоила Вас своим письмом.*

Немецкие эквиваленты *Entschuldigungen vorbringen* и *nehmen Sie meine Entschuldigungen entgegen* употребляются по сравнению с русскими выражениями значительно реже:

(13) *Wilhelm H. kann und will keine Entschuldigungen vorbringen.*

2.2.2. *Эксплицитно перформативные модели.* Второй возможной структурой анализируемой модели является эксплицитно перформативная формула. Ее употребление в немецком языке является нормативным:

(14) *Ich entschuldige mich bei Ihnen für die daraus entstandenen Unannehmlichkeiten.*

В русском языке перформативный глагол может функционировать в качестве компоненты действия только в разговорно-фамильярном обиходе:

(15) *Я извиняюсь за столь поздний визит, но я решил все-таки поздравить Вас.*

Компонента говорящего в форме личного местоимения при финитном перформативном глаголе обязательно употребляется в немецком языке, в русском языке она часто опускается:

⁵ Здесь и далее перевод цитат выполнен автором статьи.

(16) **Извиняюсь** за долгое отсутствие: процедуры, знаете ли.

Компонента адресата при глаголе в индикативе вводится в немецком языке с помощью предлогов *bei* и *vor*, в русском языке – с помощью предлога *перед*:

(17) **Ich entschuldige mich bei allen Jugendlichen**, welche in den kommenden Jahren auf ein Projekt dieser Art verzichten müssen.

(18) **“Ich entschuldige mich vor dem Gemeinderat”**, sagte er.

(19) **Извиняюсь перед** теми, кто сочтет, что зря потратил время, читая нижеследующее.

Как в немецком, так и в русском языке данная компонента может вводиться в этом случае также и в форме обращения, а при глаголе в императивной форме обращение является единственной возможной формой компоненты адресата:

(20) **Herr Minister, entschuldigen Sie mich ganz kurz**. Ich möchte Sie nur freundlich darauf hinweisen, dass die für die Fraktionen vereinbarte Redezeit abgelaufen ist.

(21) **Арсен Давидович**, тысячу раз **извиняюсь** за задержку.

(22) Er kniete vor ihr auf dem Boden und sagte: **Entschuldige**, bitte, **Sabine**. Du hast recht.

(23) **Серёга, извини!** Я был не прав...

Компонента повода вводится в немецком языке с помощью предлога *für* или *wegen*, в русском языке с помощью предлога *за*:

(24) **Ich entschuldige mich für all die Qualen**, die Sie in den vergangenen zwei Tagen durchlitten haben.

(25) **Ich entschuldige mich wegen** der verspäteten Antwort.

(26) Большое вам спасибо и **извините меня за беспокойство!**

Данная компонента может быть выражена в обоих языках также с помощью придаточного предложения:

(27) **Ich entschuldige mich, dass es so weit gekommen ist**. Es soll nicht wieder passieren.

(28) Продолжай, Лена, – сказала Лидия Тимофеевна. – **Извини, что** я тебя перебила.

В императивных конструкциях компонента повода может также иметь форму прямого дополнения в винительном падеже:

(29) Bitte **entschuldigen Sie meine Ausdrucksweise**, aber ich finde die Diskussion über dieses Thema absurd!

(30) **Извините мою грубость**, Евгения Витальевна, – сказал Гринев.

Формы извинения в обоих языках могут быть модализированы:

(31) **Ich muss mich entschuldigen**, auf der Seite gibt es bereits einen Nachtrag, der deinen Bericht bestätigt.

(32) **Хочу извиниться перед** тобой. Я столько глупостей наговорила тебе...

Формы с модальными модификаторами характерны прежде всего для извинений по существу.

3. Ситуативно-коммуникативные факторы

Наряду с прототипическими для данной модели речевого поведения глаголами *entschuldigen* в немецком и *извинять* в русском языке в императивных конструкциях со значением ‘просьба об извинении’ могут употребляться и другие глаголы, прежде всего это глагол *verzeihen* в немецком и *прощать* в русском языке. Хотя эти глаголы часто считаются синонимами, некоторые лингвисты усматривают определенные различия в их употреблении, связанные с ситуативно-прагматическими факторами, а именно с тяжестью причиненного ущерба. Так, Н. И. Формановская (2009: 243) полагает, что при употреблении глагола *прости(-те)* следует различать две возможности: «Во-первых, оно употребляется так же, как и *извини(-те)*, т.е. при небольшом проступке. Во-вторых, его используют и в такой обстановке, когда просят прощения за большой проступок, за серьезную вину. При этом чаще употребляется выражение с местоимением *меня*». Р. Ратмайр (2003: 84) ссылается на объяснение Алексея Шмелёва в отношении употребления обоих глаголов в случае серьезных поводов для извинения: «*Извините* равносильно просьбе

признать приведенные смягчающие обстоятельства в качестве оправдания, и, соответственно, извинить кого-нибудь – значит признать обстоятельства, смягчающие его вину. *Простите* же – это просьба говорящего не сердиться, несмотря на то что не существует никаких смягчающих обстоятельств или причин, оправдывающих его неправильное поведение. Соответственно, простить кого-нибудь – значит пообещать ему не обижаться и не сердиться, несмотря на отсутствие оправдания».

В соответствии с этой семантикой глагол *прости(-те)* сочетается часто с модификатором *великодушно*, который при глаголе *извини(-те)* употребляется значительно реже:

(33) *Однако же, господа, простите великодушно! Я, кажется, немного вас потревожил...*

В случае конвенциональных извинений, однако, описанная выше разница нивелируется.

Следует также обратить внимание на то, что в религиозном контексте, при обращении к Всевышнему, употребляется исключительно форма *прости*:

(34) *Прости мне, Господи, грех мой – грех раздражения, гнева, озлобления на противоречащих мне.*

В немецком языке в этом случае употребляется преимущественно глагол *vergeben*, возможно также употребление глагола *verzeihen*:

(35) *Vergib mir meine Sünden, Herr!*

Различия между немецкими глаголами *entschuldigen* и *verzeihen* имеют схожий характер, что можно заключить из определений обоих глаголов в «Толковом словаре» Дуден (Duden, 1999: Bd. 3, 1048; Bd. 9, 4314):

entschuldigen – проявить понимание, снисхождение по отношению к кому-л., чему-л.; принять и оправдать что-л. (ошибку, неправильное поведение и пр.);

verzeihen – не наказывать виновника за причиненный им ущерб, не сердиться на него и не питать злобу по отношению к нему.

Также в «Немецко-русском словаре синонимов» указывается, что глагол *verzeihen* звучит по сравнению с глаголом *entschuldigen* более официально и обычно употребляется, когда имеются в виду более серьезные проступки, большая вина (Rachmanov et al., 1983: 142).

Как можно видеть из словарных определений, глагол *entschuldigen* связывается в немецком языке прежде всего с непреднамеренной, случайной ошибкой, а глагол *verzeihen* – с неподобающим поведением:

(36) *Entschuldigen Sie bitte auch etwaige Fehler in diesem Brief, denn ich lerne Deutsch noch.*

(37) *Bitte verzeihen Sie mir schon jetzt, wenn ich manchmal ein bisschen frech bin.*

Однако эти различия не являются категоричными, их следует рассматривать, скорее, как тенденцию.

Наряду с фактором значительности причиненного ущерба к ситуативно-прагматическим факторам следует отнести также такие факторы, как возраст, социальная дистанция и степень доверительности отношений, которые часто взаимодействуют.

Различия в правилах этикета Германии и России вызваны в значительной степени тем, что нормы вежливости в Германии базируются на равноправных, эгалитарных отношениях между коммуникантами, в России же вполне допустимы отношения неравенства. Последнее приводит к тому, что в асимметричных коммуникативных ситуациях при нарушении норм этикета собеседником, старшим по возрасту или имеющим более высокий социальный статус, формулы извинения им не используются. В России так же, как и в других неэгалитарных культурах, очень редко родители извиняются перед детьми, учителя перед учениками, начальники перед подчиненными (Rathmayr, 1996: 170–171; Larina, 2009: 353; Bingan, 2010: 245). Причина в том, что согласно сложившимся социальным установкам эксплицитное извинение в таких случаях может рассматриваться как потеря авторитета. Поэтому в отношениях «сверху вниз» говорящий склонен, скорее, к тому, чтобы объяснить или оправдать свое поведение, но не произно-

сать при этом формул извинения. В Германии в аналогичных ситуациях говорящий, как правило, извиняется (Rathmayr, 1996: 89).

На коммуникативное поведение в русской культуре оказывают влияние также и близкие отношения между собеседниками. В кругу «своих» согласно общепринятому мнению не нужны излишние церемонии, поэтому можно избавить себя от извинений, если проступок не слишком серьезный. В немецкой культуре извиняться принято и в приватной сфере общения:

(38) *“Oh, entschuldige bitte, mein Schatz. Aber ich habe gerade ein wenig geträumt”, meint seine Mutter.*

Выше приведенные особенности являются причиной того, что в русской коммуникации в целом извинения произносятся реже, чем в немецкой (Rathmayr, 1996: 194; Yakovleva, 2004: 262; см. также Larina, 2009: 352 в отношении сопоставления русской и английской культуры).

В некоторых прагматически равных коммуникативных ситуациях в одной из культур реализуется МРП извинение, а в другой культуре – иная речевая модель поведения. В качестве примера можно привести особенности коммуникации во время урока. Согласно данным Р. Ратмайр (Rathmayr, 1996: 122) немецкие школьники и студенты часто извиняются, когда им указывают на языковую ошибку. Такая реакция не встречается у русских учащихся, они ограничиваются в таких случаях подтверждением того, что замечание им понятно: *хорошо, я понял(а)/alles klar* или же ничего не отвечают на замечание учителя. Интересно, что в других славянских странах, например в Польше, коммуникация между учеником и учителем на уроке осуществляется по немецкой, а не по русской модели, т. е. польские студенты и школьники также извиняются за языковые ошибки.

Следует также заметить, что формулы извинения нередко употребляются в других функциях, а именно при установлении контакта и при обращении с просьбой. Данное явление наблюдается в обоих языках:

(39) *Entschuldigung, könnten Sie das noch einmal wiederholen?*

(40) *Извините, вы не знаете, где стоянка такси?*

4. Формы выражения в составе коммуникативно-прагматического поля

В обоих языках существуют разнообразные возможности для выражения извинения. Все формы, служащие для реализации данной иллокутивной цели, образуют коммуникативно-прагматическое поле извинения.

4.1. Сопоставление центральных форм реализации

К ядру как немецкого, так и русского поля следует отнести императивные конструкции с речевыми глаголами *entschuldigen/verzeihen* и *извинить/простить* (Lange, 1984: 75; Rathmayr, 1996: 61; Formanovskaya, 2009: 242). Этим формулам извинения можно придать большую степень выразительности с помощью ряда интенсификаторов (например, *um Gottes willen* или же, соответственно, *ради бога, ради Христа, ради всего святого*) либо же с помощью маркеров вежливости (*bitte* и *пожалуйста*):

(41) *Entschuldige bitte meine Schrift, aber ich musste mir das so schnell wie möglich von der Leber reden.*

(42) *O Emilie, verzeihen Sie den rauen Ton meines Briefes!*

(43) *“Oh, entschuldigen Sie um Gottes willen, ich wusste nicht, dass Sie ihr Vater sind!”*

(44) *Здравствуй, – как можно строже сказала я, – и извини, пожалуйста, за такой поздний визит. Я к тебе по важному делу.*

(45) – *Простите, ради бога, Галина Николаевна, вы нездоровы, а мы тут...*

Центру поля принадлежат также формулы *Entschuldigung* (*Tschuldigung* в беглом произношении) в немецком языке и *извиняюсь* в русском языке. Русская формула относится к сниженной лексике, но, несмотря на это, весьма распространена в повседневной коммуникации:

(46) **Entschuldigung**, ich habe noch etwas Wichtiges vergessen zu erwähnen.

(47) Я **извиняюсь** перед болельщиками и партнерами за пропущенный гол.

Возможности интенсификации этих выражений отличаются от приведенных выше. При существенном *Entschuldigung* чаще всего употребляется интенсификатор *tausendmal*:

(48) **Tausendmal Entschuldigung**, ich habe das falsche Script eingebunden.

Несмотря на именной характер этой немецкой формулы извинения, она может употребляться также с разговорной частицей *bitte*:

(49) **Entschuldigung bitte**, wenn ich mich nicht so korrekt ausgedrückt habe.

При глаголе *извиняюсь* часто встречается интенсификатор *очень*, а в сугубо разговорной речи для усиления иллокуции может также употребляться слово *дико*:

(50) Катюша, я **очень извиняюсь**, но мое терпение лопнуло!

(51) Я, конечно, **дико извиняюсь**, не найдется ли у вас хоть чего-нибудь выпить?

В немецком языке к центральным средствам выражения относится также прототипическая перформативная формула *ich entschuldige mich*, которая может сопровождаться различными интенсификаторами (*sehr, oftmals, tausendmal* и др.):

(52) **Ich entschuldige mich oftmals** bei Ihnen, dass wir Ihren Ansprüchen nicht gerecht wurden.

Русский эквивалент я *извиняюсь*, как уже упоминалось выше, не относится к кодифицированному литературному языку.

4.2. Сопоставление периферийных форм реализации

4.2.1. Модифицированные и стилистически маркированные синонимы перформативных выражений. В немецком языке наряду с обоими прототипическими перформативными глаголами *entschuldigen* и *verzeihen* может также употребляться их возвышенный синоним, лексема *vergeben*. Выражения с этим глаголом звучат эмоционально и патетически:

(53) *Meine liebe Tochter, vergib mir! Danke bitte nur einen Moment daran, wie sehr ich habe leiden müssen, seit eure Mutter tot ist!*

Данный глагол употребляется также в религиозном контексте при обращении к Богу. При этом используется исключительно форма обращения на «ты»:

(54) **Vergib mir** meine Zweifel, Herr. Ich strebe so eifrig nach wahren Glauben.

При обращении к лицу, обладающему духовным саном, используется в этом случае форма обращения на «Вы»:

(55) “Herr Pfarrer, bitte **vergeben Sie mir**, ich habe gelogen!” fleht der am Boden Kniende.

Наряду с названным глаголом употребляется выражение *um Vergebung bitten*, также относящееся к высокому стилю:

(56) “Ich **bitte um Vergebung**”, sagte sie, “daß ich Sie hereinbemühe und die Frauenzimmer warten lasse” (J. W. Goethe).

В русском языке эквивалентом глагола *извиниться* в высоком стилевом регистре может считаться глагол *повиниться*:

(57) Я хочу **повиниться** перед всеми, кого обидел...

Наряду с этим в русском языке существуют также разговорные модифицированные формы глагола *извиняться*, относящиеся к сниженному стилевому регистру. Кроме высокочастотного варианта *извиняюсь*, который ввиду его широкой употребительности был отнесен к центру поля, в повседневной коммуникации встречается также форма *извиняй(те)*:

(58) Или вам это все не важно? Тогда **извиняйте** за беспокойство.

Эта форма должна быть охарактеризована как сугубо разговорная и даже вульгарная, она может употребляться лишь в коммуникации между близкими людьми.

4.2.2. Формулы извинения, заимствованные из других языков. Наиболее часто употребляемыми заимствованными формулами извинения как в немецком, так и в русском языке являются *pardon/nardon* и *sorry/corpi*, однако в русском языке они, по всей видимости, встречаются чаще:

(59) *Ende letzter Woche fuhr ich, nein, **pardon**, ich pilgerte mit der Bahn nach Berlin, um auf dem Kurfürstendamm zu flanieren.*

(60) **Пардон**, но это военная тайна, – отчеканил Гаенко.

(61) **Sorry** – *es tut mir wahnsinnig leid! Kannst du mir noch einmal verzeihen?*

(62) **Сорри** за промашку, что-то я меткость совсем утратила.

Слово *pardon* было заимствовано в немецкий язык еще в XVI в. и считается в настоящее время устаревшим (Duden, 1986: 509). В русском языке согласно данным составителей Национального корпуса русского языка слово *пардон* употребляется с начала XIX в., в последние годы оно также теряет свою популярность. Слово *sorry/corpi* является более поздним заимствованием, вошедшим в обиход как в немецком, так и в русском языке в XX в. Оно быстро распространилось в сфере повседневной коммуникации и конкурирует в настоящее время с формулами родного языка при выражении конвенционального извинения. Особенно предпочтительным благодаря ее краткости является употребление данной формулы в письменном диалоговом общении (чат, СМС).

В обоих языках разговорные частицы *pardon/пардон* могут быть субстантивированы, однако в сфере их употребления есть отличия. В немецком языке субстантивированная форма относится к литературному языку и встречается в печатных средствах массовой информации, в русском же ее употребление ограничено сферой разговорного языка:

(63) *Ich **bitte um Pardon**, aber darf ich Eure königliche Hoheit an die Vorschrift erinnern, dass ein neues Mitglied von drei Angehörigen des Clubs empfohlen werden muss.*

(64) *Фото не я делал, **большой пардон** за качество.*

(65) **Прошу пардону**, мужики, но необходимо выспаться, чтобы следующей ночью не клевать носом.

В русском языке можно наблюдать также следующее интересное явление. По аналогии с глаголом *извиняйте* от обеих заимствованных форм извинения *пардон* и *сорри* могут быть образованы глаголы *пардоньте* и *соряйте*:

(66) **Пардоньте**, у меня вопрос немножко не по теме.

(67) **Соряйте** за немытую машину – в Саратове нынче дождливо...

Следует, однако, учесть, что эти глаголы носят крайне разговорный характер и должны рассматриваться, скорее, как жаргонизмы.

4.2.3. *Косвенные и поддерживающие средства выражения извинения.* К периферийным средствам реализации извинения относятся различного рода речевые акты: экспрессивные, комиссивные, ассертивные, директивные. Они, однако, не содержат речеактных глаголов и (или) же употребляются наряду с формулами извинения в качестве поддерживающих средств.

К речевым актам, наиболее часто употребляющимся вместо и в функции извинения, могут быть отнесены следующие (Rathmayr, 1996: 78–96; Bingan, 2010: 159–165):

– проявление сожаления и раскаяния. Эти формы регулярно употребляются и в русском, и в немецком языке вместо перформативных форм извинения. С их помощью может быть достигнута непосредственная иллокутивная цель анализируемого речевого акта – донести до адресата информацию о том, что говорящий испытывает чувство вины из-за совершенного им действия либо же из-за действия, которое он намеревается совершить. Для этой цели применяются такие выражения, как *es tut mir (sehr, schrecklich, furchtbar u. ä.) leid, ich bedauere (sehr)/ (я) (очень) сожалею, каюсь*:

(68) *Es **tut mir wirklich schrecklich leid**. Ich weiß auch nicht, was da in mich gefahren ist.*

(69) **Сожалею**, Наталия Ивановна, что не смог поспеть к вашему торжеству.

Высокая частотность такого рода выражений определяет их переходную позицию от центральных к периферийным средствам выражения в составе коммуникативно-прагматического поля извинения.

К данной группе могут быть также отнесены высказывания, передающие смущение и стыд говорящего (*mir ist es peinlich, ich schäme mich/мне очень неловко, мне так совестно*). Этим одновременно демонстрируется сожаление говорящего о совершенном поступке:

(70) **Mir ist es peinlich**, dass ich Dir einen falschen Namen gegeben habe. Ich habe es übersehen.

(71) Ты заслужила передых, Роза. **Мне так совестно**, что все заботы о маме легли на тебя одну;

– признание собственной ответственности и вины. В этом случае говорящий стремится подчеркнуть, что он признает свою вину и таким образом принимает на себя ответственность за случившееся (*das war allein meine Schuld, das war mein Fehler, das war blöd von mir/виноват, моя ошибка, мой просчет* и пр.):

(72) **Es ist alleine meine Schuld**, dass so etwas an die Öffentlichkeit gekommen ist. Ich wollte niemanden verletzen.

(73) Да, это **моя вина**, – поспешил заверить тот, – **моя ошибка**, я его повел, он не хотел идти, ему было неудобно;

– оправдание и объяснение. Объяснения могут служить извинением сами по себе или же в сочетании с перформативной формулой извинения либо же в сочетании с какой-либо косвенной формулой:

(74) Entschuldige, **ich hatte Kopfschmerzen** und konnte deshalb die Übersetzung nicht zu Ende führen.

(75) Катя, **не смог раньше зайти** – надо было Интернет оплатить.

Р. Ратмайр (Rathmayr, 1996: 89) полагает, что во многих ситуациях, в которых представители немецкой культуры применяют большей частью как формулу извинения, так и пояснение к ней, представители русской культуры ограничиваются одним объяснением или оправданием.

К клишированным формулам, регулярно употребляющимся для оправдания в функции извинения, могут быть отнесены следующие: *das war nicht so gemeint, das geschah nicht absichtlich, ich wollte dich nicht ärgern, das war ein Missverständnis/я нечаянно, я не нарочно, не хотел тебя обидеть, так вышло, бес понутал* и др.:

(76) Anna, **ich wollte dich nicht ärgern**, ich habe mir meine Anfrage nicht richtig überlegt.

(77) Прости, Василий Семеныч, **бес понутал**, сам не пойму, как рука поднялась...

– предложение компенсировать ущерб и обещание исправиться. Весьма часто, особенно в тех случаях, когда говорящему по каким-то причинам трудно принести свои извинения эксплицитно, вместо извинения дается обещание не повторять больше ошибочное действие: *das wird nie wieder vorkommen, ich tue es nie wieder/это не повторится, я больше не буду*. Таким образом, говорящий признает свою вину. Первая приведенная выше формула обычно применяется в ходе судебного разбирательства, вторая – детьми в различных повседневных ситуациях:

(78) Der unwissentlich begangene Vandalismus sollte damit behoben sein. Sorry dafür. **Das wird nie wieder vorkommen**.

(79) Санька отдал украденный кошелек и занял: «Отпустите, дяденьки! **Я больше не буду!**»;

– выражение надежды, пожелания и просьбы. Вместо того чтобы непосредственно извиниться, говорящий может выразить пожелание быть прощенным. Для этой цели могут быть использованы высказывания, выражающие надежду (*ich hoffe, du bist mir nicht böse/я надеюсь, ты на меня не сердишься* и пр.), пожелание (*wenn du mir das verzeihen könntest/если бы ты мог меня простить*) или же просьбу (*nimm mir das nicht übel/не держи на меня зла* и пр.):

(80) **Ich hoffe, du bist mir nicht böse**. Ich möchte weiter in Kontakt bleiben. Ich freue mich auf eine Nachricht von dir.

(81) О том, как его дочери жили на самом деле, он узнал только из статьи в газете. «**Не держите на меня зла, простите за все**», – опустив глаза, бормотал папа Коля.

5. Реакции на извинение

МРП извинение относится наряду с МРП благодарность и некоторыми другими экспрессивами к типичным интерактивным секвенциям, состоящим из ряда чередующихся речевых актов. Важнейшими компонентами данной секвенции являются:

- некое малефактивное действие говорящего, которое в большинстве случаев не является вербальным или существует лишь как прагматическая пресуппозиция, не выраженная эксплицитно (Held, 1987: 206; Yakovleva, 2004: 261);
- извинение или же просьба об извинении со стороны говорящего;
- реакция адресата.

Если два первых компонента являются обязательными для МРП извинения, то третий компонент является факультативным. Как уже упоминалось, при конвенциональном извинении реакция на него может отсутствовать, что не является нарушением норм этикета.

Можно выделить три основных вида реакции на извинение:

- 1) согласие принять извинение;
- 2) минимизация ущерба;
- 3) отклонение извинения (Rehbein, 1972: 315–316; Rathmayr, 2006: 107ff; Formanovskaya, 2009: 247ff; Larina, 2009: 353–354).

Следует обратить внимание на то, что и в Германии, и в России редко встречается широко распространенная в англосаксонских странах реакция взаимного извинения (*sorry – sorry*), в случаях такой реакции она обычно сочетается с другими видами ответного вербального действия:

(82) *Я охотно принимаю твои извинения и сам прошу извинить меня* (А. П. Чехов).

(83) – *Ich bitte vielmals um Verzeihung, mein Herr!*

– *Nein, nein, ich habe mich zu entschuldigen, was kreuze ich auch gerade jetzt Ihren Weg, so dass sie nicht anders konnten, als in mich hinein zu laufen.*

5.1. Согласие принять извинение

Полное и явное согласие принять извинение встречается в обоих языках, как правило, как реакция на извинение по существу оно обычно носит официальный либо возвышенный характер. При этом применяются следующие конструкции: *ich nehme Ihre Entschuldigungen an, ich verzeihe Ihnen/я принимаю ваши извинения, я вас прощаю*:

(84) П. А. Столыпин спокойно выслушал слова извинения Родичева и небрежно ответил: «**Я Вас прощаю**».

(85) *Frau Präsidentin! Meine Damen und Herren! Sehr verehrte Gäste! Liebe Kollegen! Herr Minister, ich nehme Ihre Entschuldigung an.*

Намного чаще употребляются краткие клишированные выражения, которые могут комбинироваться между собой: *schon gut, ist ja gut, alles ok/да ладно, все нормально, все в порядке* и другие:

(86) – *Das war so dumm von mir, ich habe den Fehler einfach übersehen.*

– *Ist ja gut! Du brauchst dich nicht zu rechtfertigen!*

(87) – *Конец рабочего дня – торопился, ошибся. Виноват!*

– *Да ладно, всё нормально, главное – разобрались.*

В некоторых случаях, когда причина извинения в достаточной степени весома, адресат дает свое согласие его принять, упоминая при этом причины и (или) условия прощения:

(88) *Der Vater sagte: Diesmal verzeihe ich dir noch einmal, ich gebe dir die Chance, dich zu bewähren. Aber das ist das letzte Mal.*

(89) – *Я же по-доброму, прости, не сердись!*

– *Ну ладно, так уж и быть, не сержусь.*

В русском языке употребляется также уклончивая формула *Бог простит!*: в этом случае, с одной стороны, извинение принципиально принимается, с другой стороны, оно принимается не самим адресатом, и поэтому согласие воспринимается как неполное.

5.2. Минимизация ущерба

Другой распространенной формой согласия принять извинение является намеренное снижение значимости причины извинения либо же причиненных неудобств адресатом. Для этой цели как в немецком, так и в русском языке применяется ряд устойчивых выражений, часть из них относится к сниженному стилю: *ist nicht der Rede wert; macht nichts; halb so schlimm; ist schon recht/не стоит (извинения); какие пустяки, да ладно; да ерунда; ничего страшного* и пр.

(90) – *Oh, tut mir leid, dass ich Sie angerempelt habe!*

– *Keine Ursache.*

(91) – *Извините, я не хотел вас разбудить.*

– *Да ничего страшного, я вполглаза дремал...*

5.3. Отклонение извинения

Прямое и явное отклонение извинения встречается редко, оно встречается чаще всего тогда, когда размер причиненного ущерба слишком велик:

(92) *“Ich nehme Ihre Entschuldigung nicht an”, sagte sie mit fester Stimme zu dem Mann auf der Anklagebank.*

Нередко вместо согласия принять извинение говорящему дается совет относительно того, как ему следует себя вести. Особенно это характерно для русской коммуникации:

(93) – *Извините, я вас не задел?*

– *Так смотреть надо, куда идешь.*

Такие отрицательные реакции на извинения возможны и при незначительных поводах (Rathmaur, 1996: 112): *куда прешь, совесть надо иметь, совсем обнаглели* и пр., однако они являются крайне грубыми и не могут считаться адекватными, особенно в случае мелких проступков.

Таким образом, если в ответ на извинение следует некая реакция, то это, как правило, согласие принять извинение, выраженное с помощью краткого клише. В обоих языках распространенной реакцией является также минимизация причиненного ущерба. В качестве особенности русского языка можно рассматривать отклонение извинения путем поучения или указания на то, как следует себя вести.

References

- Ballmer, T. Probleme der Klassifikation von Sprechakten. In: G. Grewendorf (Hg.). *Sprechakttheorie und Semantik*. Frankfurt am Main, 1979. 247–274.
- Bingan, Charles Boris Diyani. *Begrüßung, Verabschiedung und Entschuldigung in Kamerun und Deutschland*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010.
- Duden: Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. *Der Duden*. In 10 Bänden. Bd. 8. 2., neu bearb., erw. und aktualisierte Auflage. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1986.
- Duden*: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden, hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 1999.
- Formanovskaya, N. I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii: Teoriya i praktika* [Speech etiquette in the Russian communion: Theory and practice]. Moscow, VK Publ., 2009.
- Glovinskaya, M. Ya. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmatischeskiy aspekt* [Semantics of verbs of speech from the perspective of speech acts theory. Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Ed. by E. A. Zemskoy, D. N. Shmeleva. Moscow, Nauka Publ., 1993. Pp. 158–218.
- Harras, Gisela, Proost, Kristel, Winkler, Edeltraud. *Handbuch deutscher Kommunikationsverben*. Berlin etc.: Walter de Gruyter, 2007.
- Held, G. DANKEN – semantische, pragmatische und soziokulturelle Aspekte eines höflichen Sprechaktes (gezeigt am Beispiel des Französischen), in: *Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft*, Bd. 13–14, 1987. 203–227.
- Hindelang, Götz. *Einführung in die Sprechakttheorie*. Tübingen: Niemeyer, 2004.

- Lange, Willi. *Aspekte der Höflichkeit. Überlegungen am Beispiel der Entschuldigungen im Deutschen*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1984.
- Larina, T. V. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [Category of courtesy and style of communication. Comparison of British and Russian linguocultural traditions]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2009.
- Liedtke, Franz. Entschuldigung – ein sprachliches Ritual für Skandalisierte. In: Burkhardt, Arnim / Papr, Kornelia (Hg.). *Politik, Sprache und Glaubwürdigkeit. Linguistik des politischen Skandals*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2003. 69–86.
- Ogiermann, Eva. *On Apologising in Negative and Positive Politeness Cultures*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 2009.
- Olshtain, Elite. Apologies across languages. In: Shoshana Blum-Kulka, Juliane House, Gabriele Kasper (eds). *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. New Jersey: Alex Publishing Corporation Nordwood, 1989. 155–196.
- Pisarek, L. *Rechevyiye deystviya i ich realizatsiya v russkom yazyke v sopostavlenii s pol'skim (ekspressivny)* [Speech acts and their realization in the Russian language in comparison with Polish (expressives)]. Wrocław, 1995.
- Rachmanov, I. V., Minina, N. M., Malceva, D. G., Rachmanova, L. I. *Nemetsko-russkiy sinonimicheskiy slovar'* [German-Russian dictionary of synonyms]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1983.
- Rathmayr, Renate. *Pragmatik der Entschuldigungen*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1996.
- Ratmajr, Renate. *Pragmatika izvineniya*. Perevod s nemetskogo E. Aralovoy [Pragmatics of changes. Translated from German by E. Aralova]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003.
- Rehbein, Jochen. Entschuldigungen und Rechtfertigungen. Zur Sequenzierung von kommunikativen Handlungen. In: Dieter Wunderlich (Hg.). *Linguistische Pragmatik*. Frankfurt-Main: Athenäum, 1972. 288–317.
- Searle, John R. *Ausdruck und Bedeutung*. Stuttgart: Reclam, 1982.
- Trosborg, Anna. *Interlanguage Pragmatics: Requests, Complaints and Apologies*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1995.
- Yakovleva, E. *Deutsche und russische Gespräche. Ein Beitrag zur interkulturellen Pragmatik*. Tübingen, 2004.
- Wierzbicka, Anna. Genry mowy, in: Dobrzyńska, Teresa / Janus, Elżbieta (red). *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław etc., 1983. 125–137.
- Wierzbicka, Anna. *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney etc.: Academic Press, 1987.

Sources

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

IDS-Korpora. URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>

LIMAS-Korpus. URL: <http://www.korpora.org/Limas/>

Которова Е. Г., доктор филологических наук, профессор.

Зеленогурский университет.

Al. Wojska Polskiego, 71A, 65-762 Zielona Góra, Poland.

E-mail: e.kotorova@gmail.com

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2015.

Kotorova E. G.

EXPRESSION OF APOLOGY IN GERMAN AND RUSSIAN DISCOURSE: PRAGMATIC AND LINGUO-STRUCTURAL ASPECTS

The paper presents the analysis of the speech behavior pattern of APOLOGY in German and Russian. In the first part of paper the illocution of APOLOGY is defined in terms of Natural Semantic Metalanguage. The contrastive research is carried out from three different angles. Firstly, from the structural viewpoint, main language patterns of the realization of APOLOGY are described. Secondly, from the pragmatic viewpoint, it is considered whether and how the situations in which Germans and Russians express APOLOGY are different. It is shown that the difference

between conventional and substantial APOLOGY proves to be very important for the German-Russian comparison. And thirdly, the possibilities of expressing APOLOGY in German and Russian are described using the method of communicative-pragmatic field. The peculiarities of field organization in these languages are revealed. The study is based on the existing corpora of the German and the Russian.

Key words: *speech behavior, apology, intercultural communication, contrastive linguistics, Russian, German.*

Kotorova E. G.

University of Zielona Góra.

Al. Wojska Polskiego, 71A, 65-762 Zielona Góra, Poland.

E-mail: e.kotorova@gmail.com

Ковылин С. В.

**К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭМФАТИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА /
ЭЛЕМЕНТА ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ПОЛЯРНОСТИ /
ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА |-NAJ|
В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА**

Обсуждается вопрос реконструкции эмфатического элемента, элемента отрицательной полярности и отрицательного элемента |-naj|. Элемент отрицательной полярности и отрицательный элемент |-naj| в составе отрицательных местоимений и наречий является вторичным образованием – грамматикализацией соответствующего эмфатического элемента |-naj|. В свою очередь, предполагается, что эмфатический элемент |-naj| является результатом стяжения двух элементов: некого местоимения (или местоименной основы) |-ne| и частицы |-aj|.

Ключевые слова: селькупский язык, реконструкция, эмфаза, отрицание.

Вопрос реконструкции эмфатического элемента |-naj| и далее его грамматикализации в состав несамостоятельных и далее самостоятельных отрицательных местоимений и наречий уже частично обсуждался либо был представлен разрозненными языковыми фактами, отмеченными у таких исследователей, как В. В. Быконя (Беккер и др., 1995: 247–248; Быконя, 2014: 63), И. А. Ильяшенко (Беккер и др., 1995: 130), С. В. Ковылин (Ковылин, 2014), К. Е. Майтинская (Майтинская, 1979: 229–230; Майтинская, 1982: 130), Е. А. Хелимский (Хелимский, 2007: 8, 126, 135), Я. Алатало (Alatalo, 2004: 31). Однако до сих пор не были произведены комплексное исследование и описание процессов грамматикализации, на что и направлена данная работа.

Перед тем как перейти к непосредственному анализу элемента |-naj|, необходимо рассмотреть некоторые общие сведения, касающиеся самого селькупского языка. В последнее время селькупский язык является одним из языков Западной Сибири, находящихся на грани вымирания.

Селькупский язык является представителем самодийской группы уральской языковой семьи и представляет собой совокупность диалектов, существенно отличающихся друг от друга на всех лингвистических уровнях (Быконя и др., 2005: 4). Основным способом словообразования и словоизменения является агглютинация, как и во всех самодийских языках (Языки народов СССР. III, 1966: 367). Рассматривая синтаксические особенности селькупского языка, можно отметить базовый порядок слов SOV во всех диалектах (где S – субъект; O – объект; V – глагол/предикат) (Dryer, Haspelmath etc., 2013).

В данной работе авторы опираются на классификацию Т. Янурика, согласно которой (дополненной С. В. Глушковым) селькупский язык можно подразделить на три диалектные группы – северную, центральную и южную (Тучкова и др., 2013: 50–53). Согласно собственным данным, полученным на основе полевых исследований, в настоящее время отмечается не больше трех компетентных носителей центральных и южных диалектов селькупского языка. Касательно северных диалектов в настоящее время исследователи фиксируют разную степень их сохранности, так как в них еще до некоторой степени сохраняется естественная передача языка внутри семьи от родителей к детям (Байдак, 2014).

При анализе элемента |-naj| использованы следующие словари и очерки грамматик: 1) словари: «Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: пособие для учащихся начальных школ» (Ириков, 1988); «Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarimo Alatalo» (Alatalo, 2004); «Селькупско-русский диалектный словарь» (Быконя и др., 2005); «Северноселькупский словарь (тазовский диалект)» (Хелимский, 2007); «Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского» (Хелимский (1), 2007); «Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие)» (Казакевич и др., 2010); 2) грамматики: «Очерки по селькупскому языку.

Тазовский диалект» (Кузнецова и др., 1980); «Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 2» (Морфология селькупского языка, 1995).

Согласно предлагаемой гипотезе, отрицательные местоимения и наречия в центральных и южных диалектах селькупского языка сформировались при помощи эмфатической частицы *|-naj|* ‘даже, тоже, также, же’, далее грамматикализовавшись в элемент отрицательной polarity и отрицательный элемент в составе отрицательных местоимений и наречий, в результате цикла Есперсона.

1. Центральные селькупы: нарымский диалект (С-65, 1984: 70):

udo-m naj wes^j hīro-m kado-n-n-am.

руки-ACC даже все снег-ACC коготь-VBLz-PRS-1SG.ob

Руки даже все снегом поцарапала.

2. Центральные селькупы: нарымский диалект (С-61, 1983: 8):

tau mat kudi-n-naj?

этот дом чей-GEN-NEG

Этот дом чей?

3. Южные селькупы: кетский диалект (С-65, 1984: 195):

na ma:t kudi-n-n-assi.

это дом кто-GEN-NEG.POL-NEG

Этот дом чей.

В северных диалектах использование отрицательных местоимений и наречий с элементом *|-naj|* в своем составе является маргинальной стратегией и отмечено только для местоимений *[qajnej]* ‘ничто’, *[kutinej]* ‘никто’ в номинативе (Кузнецова, 1980: 298–299).

Возможные направления в попытках установления этимологии эмфатического элемента *|-naj|* должны учитывать анализ материала всех – центральных, южных и северо-селькупских – данных.

Итак, И. А. Ильяшенко допускает, что словообразовательный отрицательный элемент *|-na(j)|* восходит к *|n-|*-овой указательно-местоименной основе (Беккер и др., 1995: 130), ссылаясь на К. Е. Майтинскую (Майтинская, 1979: 229–230) в том, что в некоторых финно-угорских языках в состав отрицательных местоимений входят частицы, восходящие к указательно-местоименным основам, например удмурдское *[но-кин]* ‘никто’, *[но-мыр]* ‘ничто’.

В. В. Быконя отмечает, что постпозитивная энклитическая частица *|-na|* (и ее варианты: *|-naj|*, *-ne*, *-nej*, *-nə*) имеет, вероятно, то же происхождение, что и аналогичная частица в финно-угорских языках – отрицательная частица *[*ne]*, которая восходит к уральскому местоимению *[*nä]*. В. В. Быконя, ссылаясь на К. Е. Майтинскую (Майтинская, 1982: 130), отмечает, что частицы, сформировавшиеся на базе *[*nз]*-овой указательно-местоименной основы, самостоятельно не употребляются, а лишь используются в качестве словообразовательных элементов (Беккер и др., 1995: 247–248).

В словаре Е. А. Хелимского, касающемся только северных диалектов, согласно авторским пометкам и комментариям, также обнаруживается элемент *|-naj|*. В рассмотрении данного элемента Е. А. Хелимский приводит северноселькупские параллели к формам, найденным в южноселькупском словаре Н. П. Григоровского (изданного Е. А. Хелимским). Е. А. Хелимский пометает элемент *|-nej|* (отрицательную и эмфатическую частицу) как слово, которое недостаточно полно отражено в рассмотренных им источниках по северным диалектам селькупского языка. Из данных и заметок, собранных в указанном словаре, можно доанализировать элемент *|-nej|* следующим образом. Приведем комментарий Е. А. Хелимского: «Возможно, *[nej] < ne ~ nī (~ ny) + ej* (см. *aj ~ ej*)»; однако допустимо и рассмотрение *[ne ~ nī]* как редуцированных вариантов к *[nej]*» (Хелимский, 2007: 126). Есть также ряд примеров из того же словаря, позволяющие лучше рассмотреть направление анализа: *[na aj ~ naj]* ‘и вот, вот как’; *[aj ~ ej]* ‘еще, и, опять, тоже, даже’;

(Хелимский, 2007: 8). Аналогичный подход отмечается и в словаре Я. Алатало: $|aj|$ ‘еще, и’ $> |naj| < |na + aj|$ ‘еще’ (Alatalo, 2004: 31). Я. Алатало также приводит примеры элемента $|-naj|$ в отрицательных конструкциях $|qaj_nej_a|$ – ‘никто’, хотя автор и не выделяет его отдельно как некий отрицательный элемент. Кроме того, Е. А. Хелимский выделяет следующий возможный вариант стяжения с участием элемента $|-nej|$: $\langle |ny\ nej|: |eny\ ny\ aj \sim ny\ naj \sim ny\ ny\ ej \sim ny\ nej|$ ‘и тогда, и тут, сразу же, еще’ (Хелимский, 2007: 135). Отмечается, что форма взята из словаря С. И. Ирикова $|нынай|$ ‘опять, сразу’ (Ириков, 1988: 46). В центральных и южных диалектах также встречаются возможные варианты интеграции элемента $|-naj|$ в новые лексемы, например частица $|olanej|$ ‘так, итак’, состоящая из двух частиц: $|ola|$ ‘зря, напрасно’ и $|nej|$ ‘тоже, даже’ (Беккер и др., 1995: 236).

Последние наблюдения В. В. Быкони также подтверждают эту точку зрения. Так, она отмечает, что частица $|-naj|$ образовалась из сочетания местоимения $|na|$ с частицей $|-aj|$, которая является более древней по происхождению и имеет более абстрактные значения $|снова|$, $|уже|$, выполняет роль союза $|и|$, а также входит в структуру междометия $|ajgou|$ ‘ой! (обжегся)’ (Быконя, 2014: 63).

Согласно собственным наблюдениям и анализу источников, представленных в начале статьи, элемент $|naj \sim nej|$ ‘тоже, также’ встречается повсеместно в центральных и южных диалектах селькупского языка как эмфатический элемент. В северных диалектах ситуация не вполне ясна, так как не удалось найти примеров с $|naj \sim nej|$ в качестве эмфатического элемента. В то же время эмфатический элемент $|aj \sim ej|$ ‘еще, и, опять, тоже, даже’, встречается во всех южно- и северноселькупских словарях и материалах, представленных выше.

Подводя итог вышесказанному, принимая во внимание данные по центральным, южным и северным диалектам селькупского языка, предлагается следующее: частица $|-naj|$ изначально является неким эмфатическим/прагматическим элементом со значением ‘даже, также’ как результат сложения и стяжения двух элементов: местоимения $|\ast ne|$ (или местоименной основы $|\ast ne|$) и частицы $|\ast aj|$ ‘и, а, снова, уж, тут’ (южн. сельк.); ‘еще, и, опять, тоже, даже’ (север. сельк.) $|\ast nej| < \ast ne + \ast aj|$. Далее эмфатическая частица $|\ast nej|$ в рамках цикла Есперсена начинает грамматикализироваться в клитику и участвовать в образовании несамостоятельных и далее самостоятельных неопределенных отрицательных местоимений и наречий в южных и центральных диалектах селькупского языка. Причем в разных диалектах фиксируется разная степень грамматикализации данной частицы. Так, повсеместно в южных и предположительно частично в центральных диалектах данная частица, грамматикализовавшись в клитику, проявляет себя как элемент отрицательной полярности, появляющийся только в сфере действия отрицания и являющийся частью несамостоятельных отрицательных местоимений и наречий. В свою очередь, в центральных диалектах как диахронически новое явление отмечается использование данной клитики в качестве элемента отрицания в составе самостоятельных отрицательных местоимений или наречий (Ковылин, 2015). Процесс грамматикализации эмфатического элемента $|-pa|$ для образования несамостоятельных отрицательных местоимений и наречий также наблюдается в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка (Ковылин, 2014). Предполагается, что данный диахронический процесс использования единиц эмфатики для построения отрицательных местоимений и наречий имеет место и в других финно-угорских языках, однако данное утверждение еще предстоит проверить. В заключение необходимо упомянуть, что, по утверждению М. Хаспельмата (Haspelmath, 1997: 193–234), данное явление образования отрицательных местоимений и наречий из единиц эмфатики проявляет себя в типологически разных языках.

Список условных сокращений и обозначений

Элементы, помеченные «*», представлены как схематичные и обозначают некие абстрактные варианты – архиморфемы, так как количество возможных алломорфов достаточно велико, и на данный момент некая фонологически четкая морфема не выделяется.

ISG.ob – 1 л. ед. ч., объектное спряжение;
ACC – аккумулятив;
GEN – генетив;
NEG – отрицание;
NEG.POL – отрицательная полярность;
PRS – настоящее время;
VBLz – вербализатор.

Список литературы

- Байдак А. В. Южный, центральный диалект селькупского языка // Языки Обско-Енисейского языкового ареала. URL: <http://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/languages.htm#Южный, центральный диалект селькупского языка> (дата обращения: 17.09.2014).
- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Томск: ТГУ, 1995. Ч. 2. 292 с.
- Быконя В. В. Происхождение средств выражения категории отрицания в селькупском языке // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2014. Вып. 4 (145). С. 61–66.
- Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
- Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: пособие для учащихся начальных школ. Л.: Просвещение, 1988. 224 с.
- Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / под ред. О. А. Казакевич. Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.
- Ковылин С. В. К вопросу об отрицании при вопросительных и неопределенных местоимениях и наречиях в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 2 (4). С. 17–28.
- Ковылин С. В. Об отрицании при местоимениях и наречиях в центральных диалектах селькупского языка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2015. Вып. 4 (157). С. 36–42.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 411 с.
- Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979. 264 с.
- Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982. 184 с.
- С-61 Селькупы (данные экспедиций) / Ильяшенко И. А.; Вольджа, Ласкино. Т. 61 // Архив ЯНС ТГПУ. 1983.
- С-65 Селькупы (данные экспедиций) / Ильяшенко И. А.; Нельмач. Т. 65 // Архив ЯНС ТГПУ. 1984.
- Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю. и др. Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 318 с.
- Хелимский Е. А. Северноселькупский словарь (тазовский диалект). Незаконченный, изданный посмертно (PDF file). 17.05.2007. 349 с.
- Хелимский Е. А. Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского. Südselkupisches Wörterbuch von N. P. Grigorovski. Institut für Finnougristik-Uralistik der Universität Hamburg / обраб. и изд. Е. А. Хелимского. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007. 225 с.
- Языки народов СССР. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. 464 с.
- Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Société Finno-Ougrienne Helsinki, 2004. 465 S.

Dryer M. S., Haspelmath M. Order of Subject, Object and Verb. The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/feature/81A#2/18.0/152.8> (accessed 02.06.2014).

Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. Oxford, Clarendon Press, 1997. 364 p.

Helimski E. Selkup. In Abondolo, D. (ed.). The Uralic Languages. London, Routledge, 1998. Pp. 548–579.

Ковылин С. В., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: sergey@scalpnet.ru

Материал поступил в редакцию 25 апреля 2015.

Kovylin S. V.

TOWARDS THE PROBLEM OF THE RECONSTRUCTION OF THE EMPHATIC ELEMENT / NEGATIVE POLARITY ITEM / NEGATIVE ELEMENT [-NAJ] IN CENTRAL AND SOUTHERN DIALECTS OF SELKUP

This article deals with the problem of the reconstruction of the emphatic element, element of negative polarity and negative element [-*naj*]. The research is based on the materials on the southern and northern dialects of Selkup language. First of all, the negative element [-*naj*] which manifests itself as an integral part of negative pronouns and adverbs, is the product of the second outcome – grammaticalization of the corresponding emphatic element [-*naj*]. So, in its turn, it is supposed that the emphatic element [-*naj*] is the result of the merging of two elements: some pronoun (or stem of some pronoun) [-*ne*] and the corresponding emphatic particle [-*aj*]. Moreover, being of emphatic nature, the element [-*naj*] (as well as [-*aj*]) probably can merge with other elements producing new lexemes with new meanings, for example: southern Selkup [*olanej*] ‘so’; northern Selkup [*ninaj*] ‘again, at once’.

Key words: *Selkup language, reconstruction, emphasis, negation.*

References

Baydak A. V. Yuzhnyy, tsentralnyy dialekt sel'kupskogo yazyka [Southern, Central dialect of Selkup language]. *Yazyki Obsko-Jenisejskogo areala* [Languages of Ob-Yeniseik area]. URL: <http://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/languages.htm#Южный, центральный диалект селькупского языка> (accessed 17.09.2014) (in Russian).

Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Il'yashenko I. A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnye dialekty* [Morphology of Selkup language]. Tomsk, TGU Publ., 1995, part 2. 292 p. (in Russian).

Bykonya V. V. Proiskhozhdenie sredstv vyrazheniya kategorii otritsaniya v sel'kupskom yazyke [Origin of the category of negation terms in Selkup language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 4 (145), pp. 61–66 (in Russian).

Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialectal dictionary]. Tomsk, TGPU Publ., 2005. 348 p. (in Russian).

Irikov S. I. *Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectal dictionary of Selkup language (northern dialect)]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1988. 224 p. (in Russian).

Kazakevitch O. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectal dictionary of Selkup language (northern dialect)]. Ed. by O. A. Kazakevitch. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010. 368 p. (in Russian).

Kovylin S. V. K voprosu ob otritsanii pri voprositel'nykh i neopredelennykh mestoimeniyakh i narechiyakh v vakhovskom i vasyuganskom dialektakh khantyyskogo yazyka [Towards the question of negation of interrogative and indefinite pronouns and adverbs in Vakh and Vasjugan dialects of Khanty language]. *Tomskiy zhurnal lingvistiki i antropologii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 2 (4), pp. 17–28 (in Russian).

- Kovylin S. V. Ob otritsanii pri mestoimeniyakh i narechiyakh v tsentral'nykh dialektakh sel'kupskogo yazyka [On negation of pronouns and adverbs in Central dialects of Selkup language] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, no. 4 (157), pp. 36–42 (in Russian).
- Kuznetsova A. I., Helimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialect* [Sketches of Selkup language. Taz dialect]. Moscow, MGU Publ., 1980, vol. 1. 411 p. (in Russian).
- Maytinskaya K. E. *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Historic-comparative morphology of Finno-Ugric languages]. Moscow, 1979. 264 p. (in Russian).
- Maytinskaya K. E. *Sluzhebnyye slova v finno-ugorskikh yazykakh* [Functional words in Finno-Ugric languages]. Moscow, 1982. 184 p. (in Russian).
- S-61 Sel'kupy (dannyye ekspeditsyy) [S-61 Selkup (expeditions data)] / Il'yashenko I. A.; Voldzha, Laskino. Vol. 61. *Arkhiv YaNS – Archiv LPS*. TSPU, 1983 (in Russian).
- S-65 Sel'kupy (dannyye ekspeditsyy) [S-65 Selkup (expeditions data)] / Il'yashenko I. A.; Nelmatsch. Vol. 65. *Arkhiv YaNS – Archiv LPS*. TSPU, 1984 (in Russian).
- Tuchkova N. A., Glushkov S. V., Kosheleva E. Yu., etc. *Sel'kupy: Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka: monografiya* [Sketches of traditional culture and Selkup language: monography]. Issue 2-nd. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2013. 318 p. (in Russian).
- Helimskiy E. A. *Severnosel'kupskiy slovar' (tazovskiy dialekt)* [Northern-Selkup dictionary of Helimski (Taz dialect)]. Nezakonchenny, izdannyy posmertno [Incomplete, issued posthumously]. PDF file, 17.05.2007. 349 p. (in Russian).
- Helimskiy E. A. *Yuzhnosel'kupskiy slovar' N. P. Grigorovskogo* [Southern-Selkup dictionary of N. P. Grigorovskiy]. Südselkupisches Wörterbuch von N. P. Grigorovski. Institut für Finnougristik-Uralistik der Universität Hamburg; Data handling and issue of E. A. Helimski. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007. 225 p.
- Yazyki narodov SSSR. III. Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki* [Languages of the peoples of USSR. III. Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow, 1966. 464 p.
- Alatalo J. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Société Finno-Ougrienne Helsinki, 2004. 465 S.
- Dryer M. S., Haspelmath M. Order of Subject, Object and Verb. *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/feature/81A#2/18.0/152.8> (accessed 02.06.2014).
- Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. Oxford, Clarendon Press, 1997. 364 p.
- Helimski E. Selkup. In Abondolo, Daniel (ed.). *The Uralic Languages*. London, Routledge, 1998. Pp. 548–579.

Kovylin S. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: sergey@scalpnet.ru

Куклин А. Н.

ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЛИКТОВЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А. П. Дульзон (09.11.1900–15.01.1973) известен в уралистике как ученый весьма широкого диапазона, как создатель многих новых принципов исследования самодийских языков. Известны его огромные заслуги в области изучения дорусского населения Западной Сибири: чулымских татар, кетского и селькупского языков, енисейско-чукотско-корякских языковых связей в области спряжения, общностей глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими, одинаковых черт индоевропейских языков с енисейскими в области склонения и др. Стержневой доминантой научного интереса А. П. Дульзона является исследование гидронимической лексики, в частности истории ее происхождения и смыслового содержания.

Заслуживают внимания древние топонимы, анализ которых, как справедливо подчеркивает А. П. Дульзон, чрезвычайно затруднен, так как они в современном своем виде представляют собой не просто результат различных наслоений на некое древнее ядро, которое возможно было бы найти, сняв эти напластования, – древние топонимы нередко полностью модифицировали свой облик. К разряду реликтовых географических названий Урало-Поволжья относятся топонимы угро-самодийского происхождения, представляющие собой загадку, разгадка которой закодирована многовековыми изменениями их фонетического облика и значительными преобразованиями смыслового содержания.

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Урало-Поволжья как результат творчества только лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений. Между тем этимолог, пренебрегающий общепризнанной хронологией реалий и понятий, не только не вносит определенную ясность в спорные вопросы этно- и глоттогенеза уралоязычных народов Поволжья и Приуралья, но и создает значительную путаницу в их решении. На самом деле этимологическая интерпретация гидронимов Урало-Поволжья невозможна без широких диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков. При сопоставительном картографировании названий речных объектов Урало-Поволжья выясняется, что некоторые из них имеют параллели в Западной Сибири (гидронимы-двойники).

Ключевые слова: *А. П. Дульзон, Урало-Поволжье, топонимия.*

Андрей Петрович Дульзон (09.11.1900–15.01.1973) известен в уралистике как ученый весьма широкого диапазона, как создатель многих новых принципов исследования самодийских языков. Известны его огромные заслуги в области изучения дорусского населения Западной Сибири, чулымских татар, кетского и селькупского языков, енисейско-чукотско-корякских языковых связей в области спряжения, общностей глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими, одинаковых черт индоевропейских языков с енисейскими в области склонения и др.

Стержневой доминантой научного интереса А. П. Дульзона является исследование гидронимической лексики, в частности истории ее происхождения и смыслового содержания. Географические названия, или топонимы, как они обычно именуется в научной литературе, являются самым емким, очень экономным и поистине универсальным «кодовым» хранилищем информации о самодийских, тюркских, индоевропейских и других языках народов Сибири. И у географических названий есть удивительная способность «оживлять» эту память. В качестве примера подобных явлений можно привести исследования А. П. Дульзона: «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики» (Ученые записки Томского гос.

пед. института. Т. 6. Сер. физ.-мат. и естест.-геогр. наук. Томск, 1950); «Былое расселение кетов, по данным топонимики» (Вопросы географии. Сб. 58: Географические названия. М., 1962); «Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока» (Языки и топонимия Сибири. Вып. 2. Томск, 1970) и другие, которые освобождают от необходимости рассматривать многие этногенетические процессы «сквозь археологические очки».

В связи с этим заслуживают внимания древние топонимы, анализ которых, как справедливо подчеркивает А. П. Дульзон, чрезвычайно затруднен, так как они в современном своем виде представляют собой не просто результат различных напластований или наслоений на некое древнее ядро, которое возможно было бы найти, сняв эти напластования, – древние топонимы нередко полностью модифицировали свой облик в результате ряда сложнейших изменений: путем отсечения тех или иных частей; скращения данного слова с другим инородным (гибридизация); путем субституции звуков первоначального языка звуками последующего; путем новой морфологизации слова в соответствии со строем нового языка, сменившего предыдущий; путем более или менее полного переосмысления старого названия в целом или отдельных его частей, что неизменно влечет за собой и те или иные внешние изменения... (Дульзон, 1950: 175).

К разряду реликтовых географических названий Урало-Поволжья относятся топонимы угро-самодийского происхождения, представляющие собой загадку, разгадка которой закодирована многовековыми изменениями их фонетического облика и значительными преобразованиями смыслового содержания.

Вопрос об угорском субстрате в топонимии Урало-Поволжья не является чем-то абсолютно новым. Он привлекает внимание лингвистов с давних пор (Куклин, 1990: 118–123). Причем неоднократно предпринимавшиеся попытки отдельных ученых в определении угорских элементов в топонимиконе северной и средней полосы Восточной Европы скептически оценивались последующими исследователями или же вообще опровергались некоторыми из них.

Что касается самодийского субстрата в названиях местностей Восточной Европы, то он в лингвистической науке прямо не ставился. Однако отдельные исследователи, осмысливая происхождение древних гидронимов Урало-Поволжья, в частности названий речных объектов Республики Марий Эл, не обошлись без фрагментарных экскурсов на самодийские языковые данные (Галкин, 1991: 38, 96–97, 128).

Первым из исследователей, высказавшим мысль об угорской топонимии в северной и средней полосе России и пытавшимся обосновать ее конкретными примерами, был Д. Европеус (1868, 1872, 1874). Так, в своей статье «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и северной Россіи до прибытія славянъ» он выразился так: «Въ теченіе более чемъ десяти летъ я имелъ случай заниматься сравнительнымъ изученіемъ языковъ финско-венгерскихъ, при чемъ убедился, что эти дорусскія названія местностей, встречающіяся въ северной и средней Россіи отъ Ледовитаго океана до реки Оки и до городовъ Витебска и Полоцка, большею частью югорскаго или угорскаго происхождения, то есть принадлежать языку прадедовъ нынѣшнихъ Венгровъ, или Мадыровъ, Вогуличей и Остяковъ» (Европеусъ, 1868: 58).

Как явствуют высказывания Д. Европеуса, вопрос о западной, южной и северной границах угорской топонимии был поставлен лишь им, который и пытался определить их в самом общем виде. Одна из важных задач, стоявшая перед исследователем, – вычленение из структуры топонимов однотипных окончаний, присущих, по его мнению, угорским языкам, и объяснение семантики топоосновы. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: исходной формой речного названия *Вычегда* он считает композиту *Вытшагет*, где *быт* ‘вода’, *шагет* ‘рукав’, т. е. водяной рукав; приток, изобилующий водой. Гидроним *Вологда* возводится им к форме *Водшагет*, что означает ‘зверь-приток’. К окончаниям, ярко проявляющим свою продуктивность в гидронимобразовании, как он замечает, относятся: *-егда*, *-огда* (*Вычегда*, *Печегда*, *Вологда*, *Судогда*) с вариантами *тагет* (в хантыйском), *тагил*, *тагул* (в мансийском), восходящих

к древнеугорскому *таит*, образованному из более древнего *шагет*, *шагеш* ‘рукав’: *-шера* (*Вышера*, *Нившера*); *-енга* (*Лапиенга*, *Мехренга*, *Нименга*) и др. Другой существенной задачей исследования угорских следов в топонимии Восточной Европы было, видимо, вычленение по возможности всех примеров угорского типа. Так, названий рек с окончанием *-енга* в северной России он насчитал до 339, в Финляндии таких названий – 162 (Европеус, 1868: 58–71).

Следует, впрочем, заметить, что указанная работа Д. Европеуса в сжатой форме охарактеризована А. В. Поповым в статье «К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии» (1926: 131–132).

Под иным углом зрения рассматривает ее А. И. Туркин в тезисах своего доклада «Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв.», отмечая, что «нельзя отрицать существования в севернорусской топонимике как угорского, так и других пластов уральского типа» (Туркин, 1967: 26–28).

Кроме этой статьи А. В. Попов анализирует еще две работы Д. Европеуса: «О курганных раскопках около погоста Бежец» (Журнал Министерства народного просвещения. Декабрь 1872) и «Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей» (Санкт-Петербург, 1874). Сосредоточивая внимание на их основном содержании, А. В. Попов замечает, что в первой из них Д. Европеус снова подтверждает принадлежность угорскому языку окончаний *уга*, *юга*, *ого*, *его* и явное сходство с ними финских: речка – *joki*, саам. *joga*, хант. *jega*, *joga*; манс. *je*, *ja*, комиЗ *ju*; во второй им дается список 36 угорских окончаний названий местностей в Финляндии, в северной и средней России (Попов, 1926: 132).

Не отрицая в целом сущности постулируемой Д. Европеусом тезы, следует, однако, заметить, что географические названия средней и северной полосы Восточной Европы рассматриваются им исключительно сквозь призму угорских языков, что касается охвата лингвистических данных языков финской ветви, то он сведен до минимума, а элементы, имеющие параллели в самодийских языках, вовсе упускаются из поля зрения. Так, например, компонент *-енга* в гидронимах *Печенга*, *Успеченга*, *Печеиенгъ* возводится им к угорским источникам. По его мнению, «*Печеиенгъ* значить по остяцки сосна-вода = сосновая вода, а также и просто *печенг* по остяцки и по вогульски значит сосновая» (Европеус, 1868: 62). В северной полосе России он насчитал 11 гидрообъектов с таким названием. Правда в своей работе «Об угорскомъ народе, обитавшемъ въ средней и северной Россіи, въ Финляндіи и въ северной части Скандинавіи до прибытія туда нынешнихъ ихъ жителей» он уверенно сообщает о наличии 15 рек с названием Печенга, из них 14 находятся в разных местах северной России, а одна – в северо-западной Финляндии.

К сказанному в порядке уточнения следует добавить, что реки с аналогичным названием встречаются также в Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке, ср., например, *Печенга* – один из притоков енисейского Пита, а также средних притоков Алдана (Мурзаев, 1974: 191).

Исходя из этого, надо полагать, что гидролексема *-енга/-еньга* представляет собой прафинно-угорский архаизм, унаследованный из эпохи диалектного развития уральского языка-основы, имевшего непосредственные контакты с диалектами тунгусо-маньчжурских языков. Поэтому в гидролексеме *-енга/-еньга* сибирских названий рек вполне допустимо видеть эвенкийское (тунгусское) *йенэ* ‘большая река; исток реки’ и селькупское *-га/*-ка/* ‘река’ (Куклин, 1995б: 190). В этой связи уместно привести одно любопытное высказывание А. П. Дульзона: «Предшественниками кетов на нынешних местах их жительства (на Елогуе и Курейке – притоках Енисея. – А. К.) были эвенки, а частью селькупы, что и отразилось в топонимике. Наряду с кетами на Курейке до сих пор проживают эвенки и селькупы, нередки браки между ними» (Дульзон, 1962: 64).

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация географического названия на основе лишь внешних звуковых соответствий с данными какого-то определенного языка, не имеющего, быть

может, никакого отношения к его возникновению, всегда оставалась далекой от реальной действительности, т. е. искусственной, а поэтому малоубедительной. Все это еще раз говорит о том, что анализ даже частных фрагментов, таящихся в семантической плоскости и морфологической структуре реликтового названия, должен учитывать исторические и регионально-этнические обстоятельства, а также результаты влияния языка-субстрата.

Что касается этноисторических процессов Севера Восточной Европы, то они весьма напоминают этнические процессы Урало-Поволжья (Куклин, 1995а: 86). Так, Л. Н. Жеребцов в «Кратком очерке этнической истории древнейшего населения бассейнов Вычегды и Печоры», ссылаясь на выводы археологических исследований, подчеркивает, что в пределах указанного ареала в период позднего неолита имели место две волны заселения: первая была из Прикамья, вторая – из более дальнего района – из Волго-Окского междуречья. Признавая справедливость такой оценки, он замечает, что топонимические названия бассейнов Печоры и Вычегды на *-ым*, *-им*, *-ум* Б. А. Серебренников относит к «западно-сибирским», предполагая вторжение их носителей из-за Урала. Вместе с этим подмечено, что этническая принадлежность западно-сибирского населения Б. А. Серебренниковым не указана. В этом отношении, как далее отмечает Л. Н. Жеребцов, показательна работа А. К. Матвеева, считающего указанную топонимику дообскоугорской и полагающего возможность обитания к северу от предков финно-угров палеосибирских племен («палеосибирским», как замечает А. К. Матвеев (1961: 135), называет дообскоугорское население Зауралья и Западной Сибири А. П. Дульзон. – *А. К.*), языки которых могли быть в какой-то степени родственны древним уральским (Жеребцов, 1982: 19–21).

Здесь следует, однако, уточнить, что языковая принадлежность дообскоугорской гидронимии, как подчеркивает А. К. Матвеев, пока не установлена; она может восходить к уральским языкам, так как типологически дообскоугорская гидронимика не отличается от уральских (финно-угро-самодийских) топонимов, но допустимо также, что она связана с неизвестными нам неуральскими языками палеосибирского происхождения (Матвеев, 1961: 135–136).

А. К. Матвеев придерживается и другого мнения. В одной из своих статей он сообщает: «Если рассматривать возможность обитания угров на Русском Севере в принципе, так сказать, теоретически, то, конечно, эту версию совершенно исключить нельзя, но если на Севере и были угры, то не обские, а какие-то особые, впоследствии полностью вымершие» (Матвеев, 1987: 49). По словам А. К. Матвеева, мнение о том, что места бывшего обитания манси находились к западу от Урала, о чем довольно решительно писали А. Каннисто (1927) и А. Ф. Теплоухов (1924: 81–112), не подтверждается фактами.

В связи с этим следует заметить, что следы угров на Западном Урале, Верхней Каме, Верхней Вычегде, Чепце и Среднем Прикамье отмечаются и в других работах (Вишневский, 1960: 255–269; Петровых, 1960: 275–277; Теплоухов, 1960: 270–274), которые, однако, остались вне поля зрения А. К. Матвеева.

К точке зрения лингвистов и археологов до известной степени примыкают и высказывания коми-фольклориста А. К. Микушева, обратившего внимание на то, что бассейн Вятки и Камы некогда был колыбелью и прапермян, и праугров: после отделения венгров от восточных угров в I тысячелетии до н. э. последние еще длительное время оставались в Прикамье и только в XII–XIV вв. окончательно переселились с западных склонов Урала в Западную Сибирь, сохранив, однако, историко-культурные контакты с пермянами. При этом, развивая мысли лингвистов, он справедливо замечает, что в пермско-угорских языковых контактах четко выделяются два пласта (древний, восходящий ко времени соседства пермян и угров на западных склонах Урала, – до X–XV вв.; более поздний, датируемый временем переселения угров на Обь, – XVI–XIX вв.), которые подтверждаются и исследованиями фольклористов. Так, архаический, или древний, пласт, по словам А. К. Микушева, представлен, во-первых, угорскими героическими военными сказаниями, медвежьими песнями и так называемыми импровизационными «песня-

ми судьбы» и, во-вторых, пермским родоплеменным эпосом о Кудым-Оше, о младшем вымском богатыре и чудовище с Шомвуквы, о Медвежонке-батыре, а также ижемскими лироэпическими песнями-импровизациями автобиографического характера. Второй по времени пласт, как считает он, образуют сравнительно более поздние эпические песни и сказания о Кироне, Пере-богатыре, Идне-батыре. По его мнению, близок к ним, несмотря на свои архаические истоки, северно-коми-ижмоколвинский эпос, возникший в XVI–XIX вв. на пересечении угро-самодийско-пермских фольклорных традиций (Микушев, 1981: 7–8).

Как явствует вышеизложенное, существует достаточно оснований говорить о наличии угорских топонимов к западу от Урала. Кроме того, в отдельных названиях с угорскими усматриваются и самодийские лексические элементы. Поэтому следует полагать, что в их сложении определенную роль сыграл самодийский языковой субстрат. Так, название рек *Большой* и *Малой Юнги*, по-марийски *Кого Йынты* и *Арйынгы*, впадающих с правой стороны в Волгу на территории Горномарийского района Марий Эл, обычно отождествляют с хант. *йынк* ‘вода’ (Галкин, 1991: 146), ср. манс. *вить* ‘вода’ (Кузакова, 1994: 47).

Однако, судя по семантике и внешнему сходству, это название генетически более совместимо с нен. *юнко* ‘речка’, ‘короткая протока’, что позволяет сделать вывод об его уральском происхождении (Куклин, 1995а: 96).

При этом достоверность интерпретации топонима зависит от того, насколько точно определена языковая реальность прошлого на культурно-историческом фоне исследуемого региона. Причем процедура семантической реконструкции лексемы значительно облегчается благодаря общему объему информации, почерпнутого из разных источников (археологических, этнографических, фольклорных и иных), которые нередко могут указать исследователю прямой путь к истине (как относительной, так и абсолютной).

Практика этимологических изысканий свидетельствует и о том, что семантическая реконструкция реликтовой лексемы становится гораздо менее убедительной или даже ошибочной, если игнорируется реальная историко-культурная ретроспектива употребления слова и сужается круг сопоставляемых лексем. Несоблюдение исторической перспективы в определении генетических истоков тополексем, воссоздание ее стертой исходной семантики и интерпретация современного ее функционирования в топонимической системе Урало-Поволжья, как правило, ведет исследователя к анахронизмам и даже выводам, которые никак не согласуются с подлинной лингвистической картиной прошлого региона. Более того, недоразумение здесь вызывают попытки отдельных исследователей игнорировать уральский языковой субстрат или проецировать в финно-пермское языковое состояние элементы лексической системы самодийских языков.

Сказанное можно проиллюстрировать конкретным примером. Так, отгидронимный ойконим *Шор-Уньжа* (мар. *Унчо*) Д. Е. Казанцев считает пермским по происхождению. В связи с этим препозитивный компонент ойконима справедливо им сопоставляется с комиЗ *шор* и удм. *шур* ‘ручей’. Что касается второго компонента, то он подчеркивает, что в нем легко угадывается комиЗ *удж* ‘нельма’ (ср. манс. *ппй* ‘нельма’ – ценная промысловая рыба северных рек и морей семейства лососевых), обращая при этом внимание на неслучайность сопоставления соответствием мар. инлаутного сочетания *-нч-* комиЗ *-дж-* в генетически связанных словах: мар. *вончаиш* ‘переходить’ – комиЗ *вуджны* ‘переправиться, перейти’; мар. *йончаиш* ‘сочиться, просачиваться’ – комиЗ *йиджны* ‘всасываться впитаться; просачиваться’ (Казанцев, 1985: 39).

Однако, принимая во внимание неоднородность рефлексации финно-угорского консонантного сочетания *-пё-* в марийском и коми языках, трудно предположить в этом процессе строго закономерное явление. К сказанному надо добавить, что изменение **-пс-* в языке коми в большинстве случаев сопровождалось дизрезой сонанта *n* с последующим озвончением аффрикаты *С*. В определенном круге инновационная аффриката *З* вследствие утраты аффрицирующего (смычного) элемента превратилась в *З*.

На почве марийского языка изменение инлаутного сочетания **-nc-* происходило в двух основных направлениях: 1) упрощение его до одинарного звука вследствие устранения сонанта *n*; 2) озвончение аффрикаты под действием контактной прогрессивной ассимиляции – характерное явление для многих диалектов. Ср., например: мар. *куч*, коми *гыж*, морд. *Кенже* ‘ноготь’; ф.-у. **сепсз* ‘утка’ > коми *чбж*, диал. *sez*, мордЭ *шенже* ‘дикая утка’ (ОФУЯ, 1974: 417); ф.-у. **rapëe- ~ расе-* ‘открывать, отворять’, марГ *пачаиш*, марЛ *почаиш*, мордЭ *панжомс*, мордМ *панжемс* ‘открыть’, хант. *рүпё-* (ОФУЯ, 1974: 418); мар. *вонч-* [wopz-] ‘переходить’, ‘переезжать’ комиЗ *вудж-* [уиз-] (ОФУЯ, 1974: 145), морк.-серн. *пун'чо*, *пун'дж'о*, КУ, волж. *пун'дж'о*, марГ *пынжы* ‘сосна’, комиЗ *пожбм* ‘сосна’ < урал. **repca/реса* ‘сосна’ (Терентьев, 1979: 160).

Приведенные примеры лишний раз убеждают в неправомерности сопоставления генетически не связанных друг с другом лексем *Уньжа/Унчо* и комиЗ *удж* ‘нельма’. Между тем ключ к установлению происхождения гидронима *Уньжа* дают его западно-сибирские двойники, ср. например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: Унжа, р., лев. приток р. Каилки; Квенал-унжа, р., правый приток р. Пайдугины; Пуныл-ундж, р., лев. приток р. Чижанки, где модифицированное русским языком слово *унжа* восходит к сельк. *унджъ* ‘ручей, речка’ (Беккер, 1970а: 16–18). По наблюдениям Э.Г. Беккер, в карасинском диалекте селькупского языка оно бытует в форме *унджа*, у тымских селькупов – *унджъ* (1970б: 10). Судя по приведенным материалам, гироним *Уньжа* (мар. *Унчо*), безусловно, имеет генетические связи с селькупским словом, что свидетельствует о его архаичном, субстратном характере.

Между тем для воссоздания лингвистической реальности, в условиях которой создавался топоним *Шор-Уньжа* (Моркинский район Марий Эл), значительный интерес представляют сведения о Шоруньжинском могильнике, к сожалению, недостаточно систематизированные. Так, руководствуясь соображениями археолога Г.А. Архипова, Д.Е. Казанцев утверждает, что по типам азелинских вещей от него существенно не отличается Младший Ахмыловский могильник (V–VII вв. н.э.), расположенный недалеко от устья Ветлуги. Исходя из этого, Шоруньжинский могильник он относит к числу азелинских памятников (Казанцев, 1985: 39).

Однако такой вывод является неправомерным. Этому противоречит в первую очередь то обстоятельство, что Младший Ахмыловский могильник, как замечает Г.А. Архипов, имеет много отличительных признаков: в нем представлены три разнотипных комплексов вещей. На этом фоне конкретизирующим представляется следующее его высказывание: «Азелинцы, по видимому, имели значительную примесь угорских племен, что выражается в наличии керамики с рамчатым (решетчатым) штампом» (Архипов, 1967: 48). Наконец, говоря об азелинцах, нельзя не упомянуть еще одну работу Г.А. Архипова, содержащую полярно противоположный вывод о том, что «материальная культура азелинцев определяется чисто прикамской без примеси других культур финно-угорских племен» (Архипов, 1976: 106). В связи с этим нелишне отметить, что, согласно мнению специалиста по средневековой археологии удмуртов М.Г. Ивановой, «памятники азелинской и мазунинской культур рассматриваются ею (Р.Д. Голдиной. – А.К.) в рамках пьяноборской и худяковской культур» (Иванова, 1994: 39).

В силу изложенного представляется, что к настоящему времени в археологических исследованиях накопилась довольно значительная совокупность противоречий, побуждающая серьезно усомниться в правильности установления этнической идентификации многих памятников Урало-Поволжья и исторической их интерпретации.

В контексте вышесказанного следует отметить о двух Шоруньжинских стоянках, открытых В.В. Никитиным в 1988 г. и охарактеризованных им как памятники эпохи мезолита (Никитин, Соловьев, 1990: 36–37, 200).

Как показывают археологические изыскания последних лет, памятники периода мезолита занимают обширную территорию Урало-Поволжья. Так, К.З. Истомин, рассматривая ареал бытования памятников камской мезолитической культуры, указывает, что он занимает бассейн

р. Вятки, достигая на западе правобережья Волги (Долгополянской 2 местонахождение), его восточной границей являются западные склоны Уральского хребта, северной – Камско-Вятский водораздел, а на юге он охватывает долину р. Камы и приустьевые части ее левых притоков. Происхождение камской культуры К.З. Истомин склонен связывать с зауральским субстратом, акцентируя при этом, что памятники с аналогичным типом инвентаря (микролитическим), имеющим более древний облик, распространены в районах Среднего Зауралья и Западной Сибири (Истомин, 1933: 15–17).

Следует, кстати, отметить, что определением этнической принадлежности Шоруньжинских стоянок никто не занимался. Вероятнее всего, они были стоянками самодийских племен. В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидролексема *Уньжа* (*Унчо*), имеющая, как указано выше, аналогию в селькупском языке. Позднее они, видимо, были ассимилированы пермскими племенами. По существу эта версия подтверждается тополексемой *Шор*, р. общеперм. *sor* ‘ручей, поток, течение, река’ (КЭСК, 322). Диалекты удмуртского языка свидетельствуют о сужении общеперм. **О* в *и*, ср. удм. *sur* ‘большая река; речка, ручеек’ (Мипкасэг, 1990: 503).

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Урало-Поволжья как результат творчества только лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений. Между тем этимолог, пренебрегающий общепризнанной хронологией реалий и понятий, не только не вносит определенную ясность в спорные вопросы этно- и глотогенеза уралоязычных народов Поволжья и Приуралья, но и создает значительную путаницу в их решении. На самом деле этимологическая интерпретация гидронимов Урало-Поволжья невозможна без широких диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков. При сопоставительном картографировании названий речных объектов Урало-Поволжья выясняется, что некоторые из них имеют параллели в Западной Сибири. Ср., например, гидронимы-двойники (в качестве иллюстраций приводятся названия средних и небольших речных объектов, параллели в названиях больших рек, см.: (Куклин, 1995а: 90):

Западная Сибирь:

Буй, р., один из истоков р. Шакшы, лев. приток р. Болгу – бассейн Лебеди.

Пуу, р., лев. приток р. Бии (Молчанова, 1982: 37).

Волго-Камский регион:

Буй, р., прав. приток р. Вятки – Кировская обл., Марий Эл.

Буй, р. в Уфимской провинции, течет в Белую с правой стороны, другая – в Каму, выше Белой (Татищев, 1793: 200). Ср. мар. название реки Буй-Пу.

Ик, р., лев. приток р. Камы – Татарстан (Гарипова, 1991: 82).

Ик, р., прав. приток р. Ай – Белокатайский р-н Башкортостана.

Ик, р., прав. приток р. Киги – Кигский р-н Башкортостана.

Ик, рч., прав. приток р. Яйвы – Пермская обл. Ср. также Ик, р., впадающая в озеро Зайсан, – Казахстан.

Ик, р., прав. приток р. Берди – Новосибирская обл. (Саблина, 1968: 78).

Ик Черный, р., лев. приток Тобола – Западная Сибирь.

Ик, р., лев. приток р. Оши – бассейн Иртыша (Мурзаев, 1984: 231).

Икса, р., лев. приток Чаи – Томск.

Ир-Икса, р., прав. приток р. обл. Иксы, р., прав. приток Оби – Новосибирская обл. (Саблина, 1968: 79).

Большой Кокшаги – Марий Эл (Янтемир, 1926а: 11).

Ср. также:

Икса, р., лев. приток р. Тавды – Свердловская обл. (Матвеев, 1980: 104–105; 1987: 74–75).

Икса, р. в бассейне Мезени (Мурзаев, 1984: 231).

Икша, рч., лев. приток р. Ветлуги (Янтемир, 1927а: 10).

Икша, рч. по левую сторону р. Ветлуги (НГ, 1863: 114).

Кинер, р., лев. приток р. Кондомы – Кемеровская обл. (Мытарев, 1970: 73).

Кукша, рч., лев. приток р. Томи (Мытарев, 1970: 93).

Кинер, р. в Малмыжском р-не Кировской области.

Кенэр (Кинер), р. в Арском р-не Татарстана (Арсланов, 1995: 282).

Кукша, рч., лев. приток р. Рутки (Янтемир, 1926в: 11).

Она, р., лев. приток р. Лажа – Марий Эл (Янтемир, 1927б: 9).

Она, р., лев. приток р. Немды – Марий Эл (Янтемир, 1929: 8).

Река Бирюса, бассейн Ангары, в нижнем течении носит название Она (Мельхеев, 1986: 104).

Ср. также Она, р., прав. приток р. Мезени.

Сума, р., приток р. Чулыма (Саблина, 1968: 87).

Уса, р., прав. приток р. Томи (Мытарев, 1970: 190).

Шегарка, р., лев. приток р. Оби (Воробьева, 1973: 141).

Большая Шора, р., лев. приток р. Томи (Мытарев, 1970: 29).

Малая Шора, р., лев. приток р. Большая Шора (Мытарев, 1970: 106).

Сумка, р., прав. приток р. Волги – Марий Эл (Янтемир, 1927а: 8).

Сумка, рч., приток р. Волги – Звениговский р-н Марий Эл (Янтемир, 1926б: 8).

Уса, рч. – Мамадышский уезд Казанской губернии (Износков, 1882: 48).

Шугарка, р., лев. приток р. Юшута – Марий Эл (Янтемир, 1927в: 8).

Шора, р., лев. приток р. Илети – Марий Эл, Татарстан.

Шора, р., прав. приток р. Юшута – Марий Эл.

Биография указанных гидронимов заслуживает специального лингвистического исследования на весьма значительном и многообразном по характеру материале.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшие перспективы диахронических исследований будут, вероятно, зависеть от того, насколько последовательно в них будут реализовываться принципы системности и историзма в подходе к топонимическому материалу. Остается заметить в связи с этим, что семантическая реконструкция реликтовой тополекеммы, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономотологии.

Сокращенные названия языков и диалектов

волж. – волжский говор лугового наречия марийского языка;

диал. – диалектное слово;

комиЗ – коми-зырянский язык;

КУ – красноуфимский говор восточного наречия марийского языка;

манс. – мансийский язык;

мар. – марийский язык;

марГ – горное наречие марийского языка;

марЛ – луговое наречие марийского языка;

морд. – мордовские языки;

мордМ – мокша-мордовский язык;
мордЭ – эрзя-мордовский язык;
морк.-серн. – моркинско-сернурский говор лугового наречия марийского языка;
общеперм. – общепермский язык;
саам. – саамский язык;
сельк. – селькупский язык;
удм. – удмуртский язык;
урал. – уральские языки;
ф.-у. – финно-угорские языки;
хант. – хантыйский язык.

Сокращенные названия административно-территориальных делений и типов географических объектов

лев. – левый приток реки;
обл. – область;
прав. – правый приток реки;
р. – река;
р-н – район;
рч. – речка.

Список литературы

- Арсланов Л. О происхождении топонима Кенэр (Кинер) // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола: Мар. полиграф.-изд. комбинат, 1995. С. 281–283.
- Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.) // Происхождение марийского народа: материалы науч. сессии, проведенной МарНИИ (23–25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 36–52.
- Архипов Г. А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 168 с.
- Беккер Э. Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970а. Вып. 2. С. 16–18.
- Беккер Э. Г. О некоторых селькупских географических терминах // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970б. Вып. 3. С. 8–11.
- Вишневский Б. Н. Следы угров на Западном Урале // Уч. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. С. 255–269.
- Воробьева И. А. Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск: Западно-Сиб. кн. изд-во, 1973. 152 с.
- Галкин И. Е. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 158 с.
- Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. Сер. физико-математических и естественно-географических наук. Томск: Изд-во ТГПИ, 1950. Т. 6. С. 175–187.
- Дульзон А. П. Былое расселение кетов, по данным топонимики // Вопросы географии: науч. сб. Моск. филиала Географ. об-ва Союза ССР. М.: Мысль, 1962. Сб. 58: Географические названия. С. 50–85.
- Европеус Д. П. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и северной Россіи до прибытія славянъ // Журналь Министерства народнаго просвещения. С.-Петербургъ, 1868. Июль месяцъ. Ч. 139. С. 55–71.
- Европеус Д. П. О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бежець Бежецкаго уезда, Тверской губерніи // Журналь Министерства народнаго просвещения. С.-Петербургъ, 1872. Декабрь месяцъ.
- Европеус Д. П. Об угорскомъ народе, обитавшемъ въ средней и северной Россіи, въ Финляндіи и въ северной части Скандинавіи до прибытія туда нынешнихъ ихъ жителей. С.-Петербургъ, 1874. 23 с.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX вв. М.: Наука, 1982. 224 с.

- Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа: учеб. пособие. Ижевск: Удмуртия, 1994. 192 с.: ил.
- Износков И. А. Список населенных мест Мамадышского уезда. Приложеше къ его реферату «О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений въ Казанской и соседнихъ съ нею губерніяхъ» // Два реферата, читанные на IV Археологическомъ сѣздѣ въ Казани въ 1877. Казань, 1882.
- Истомин К. Э. Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур // Древние памятники приустьевого Закамья: материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры Республики Татарстан. Казань: Изд-во КГУ, 1993. Вып. 1. С. 5–19.
- Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 160 с.
- Кузакова Е. А. Словарь манси (восточный диалект) / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1994. 315 с.
- Куклин А. Н. Угорские элементы в топонимии Марийской АССР // Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 3 с. Sessiones sectionum Linguistica. Debrecen, 1990. С. 118–123.
- Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации волго-камского гидроформанта -га // Linguistica Uralica. Tallinn, 1995a. № 22 (XXXI). С. 86–99.
- Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации гидронимов на -енга/-еньга // Linguistica Uralica. Tallinn, 1995b. № 23 (XXXI). С. 188–195.
- КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. 388 с.
- Матвеев А. К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете 1–7 февраля 1961 г. Итоги и проблемы изучения археологии Урала / Уральск. филиал науч.-техн. совета по гуманитар. наукам при МВ и ССР РСФСР. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 133–141.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 320 с.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. 2-е изд., перераб. и дополн. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 208 с.
- Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 144 с.
- Микушев А. К. Историко-культурные взаимосвязи пермских народов // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка): межвуз. сб. науч. ст. Ижевск: УдГУ, 1981. С. 5–16.
- Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 256 с.
- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики / АН СССР. Ин-т географии. М.: Мысль, 1974. 382 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.: ил.
- Мытарев А. А. От Абы до Яи // Географический словарь Кемеровской области. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1970. 216 с.: ил.
- НГ – Нижегородская губернія. Список населенных мест по сведениямъ 1859 года. С.-Петербургъ, 1863.
- Никитин В. В., Соловьев Б. С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. Вып. 1. 244 с.: ил.
- ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Петровых Ф. И. Угорская топонимика Среднего Прикамья (с примечаниями проф. В. И. Лыткина) // Уч. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. С. 275–277.
- Попов А. В. К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии // Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири. Т. 49. Сб. секций землеведения и экономической / Изв. Вост.-Сиб. отдела Русск. географ. общ-ва. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 131–140.
- Саблина О. Ф. Реки // Природа Новосибирской области. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 73–91.
- Татищев В. Н. Лексиконъ российской исторической, географической, политической и гражданской. С.-Петербургъ, 1793. Ч. 1.
- Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Зап. Уральского общества любителей естествознания. Свердловск, 1924. Т. 39. С. 81–112.
- Теплоухов А. Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Уч. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. С. 270–274.

Терентьев В. А. Ностратические этимологии // *Этимология* 1977. М.: Наука, 1979. С. 159–163.

Турки А. И. Топонимика Севера России в трудах финно-угров XIX – начала XX вв. // *История топонимики в СССР: тезисы докладов / АН СССР, Моск. филиал геогр. общ-ва СССР, Ин-т рус. яз., Ин-т географ. М., 1967. С. 26–29.*

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Краснококшайский кантон (с приложением карты кантона). Краснококшайск, 1926а. Вып. 1. 63 с.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Звениговский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1926б. Вып. 3.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1926в (на обложке: 1927). Вып. 4. 86 с.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Юринский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1927а. Вып. 6. 120 с.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Сернурский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1927б (на обложке: Йошкар-Ола, 1928). 112 с.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Торъяльский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Йошкар-Ола, 1929 (на обложке: 1930). Вып. 8. 88 с.

Munkasär B. A votjak nyelv szótára. Lexicon linguae Votiactorum (Wörterbuch des Wotjakischen) (1890-, bzw. 1896) (Reprint). Pécz. 1990. 837 old.

Куклин А. Н., доктор филологических наук, профессор.

Марийский государственный университет.

Пл. Ленина, 1, Йошкар-Ола, Россия, 424000.

E-mail: markaf@marsu.ru

Материал поступил в редакцию 5 августа 2014.

Kuklin A. N.

DULZON TRADITIONS IN STUDYING THE RELIC PLACE NAMES

A. P. Dulzon (09.11.1900–15.01.1973) is well known among the specialists in Uralic studies as the scholar with a wide range of research interests, the developer of the new fundamental principles of Samoyedic studies. Professor Dulzon is acknowledged for his significant contribution to the studies of the pre-russian population of Western Siberia: Chulym Tatars, Ket and Selkup languages, Yeniseic-Chukotsko-Koryak similarities in verb conjugation, common features of the Indo-European and Uralo-Altaic verb-forms, commonalities in noun declension of Indo-European and Yeniseic languages. A. P. Dulzon also focused his research on the study of hydronyms, their origin and semantics.

Special attention is paid to the study of ancient toponyms. According to A. P. Dulzon, the analysis of such toponyms is hampered by the complexity of their modern structure, the original form of which is often completely modified by numerous layers of previous place-names. The toponyms of the Ugro-Samoyedic origin belong to the ancient toponyms of the Ural-Volga area, and can be analysed by deciphering their complex phonetic and semantic structure modified in the past centuries.

The analysis points to the complexity of the ethnogenetic processes in the Ural-Volga area and Western Siberia. Consequently, it is impossible to study the existing toponymic system of the Ural-Volga area as formed by the peoples residing there at present and ignore the chronological periods of their formation and the influence of substrate, superstrate and other phenomena. The etymological interpretation of the hydronyms of the Ural-Volga area is impossible without extensive diachronic and synchronic comparative analysis, and without taking chronological and areal considerations. The comparative cartography of the hydronyms of the Ural-Volga area reveals their twin-hydronyms in Western Siberia.

Key words: *A. P. Dulzon, Ural-Volga area, toponymy.*

References

- Arkhipov G. A. *Mariyskiy kray v pamyatnikakh arkheologii* [Mari region represented in archaeological monuments]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1976. 168 p. (in Russian).
- Arkhipov G. A. Proiskhozhdenie mariyskogo naroda po arkheologicheskim dannym (s l tys. n. je.) [The origin of Mari people based on archeological data]. *Proiskhozhdenie mariyskogo naroda: materialy nauchnoy sessii, provedennoy MarNII (23–25 dekabrya 1965 g.)* [The origin of the Mari people: materials of the science session, held in MarNII (23–25 December 1965)]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1967. Pp. 36–52 (in Russian).
- Arslanov L. O proiskhozhdenii toponima Kenjer (Kiner) [On the origin of the toponym Kenjer (Kiner)]. *Uzlovye problemy sovremenogo finno-ugrovedeniya: materialy I Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii finno-ugrovedov* [Key problems of the modern Finno-Ugric studies: the materials of I All-Russian scientific conference of Finno-Ugric Studies]. Yoshkar-Ola, Mar. poligraficheskoye izd. kombinat Publ., 1995. Pp. 281–283 (in Russian).
- Bekker E. G. O nekotorykh paralelyakh v gidronimii Evropeyskogo Severa i Zapadnoy Sibiri [Some similarities of Northern European and Western Siberian hydronyms]. *Yazyki i toponimiya Sibiri – Languages and toponymy of Siberia*. Tomsk, TSU Publ., 1970a, no. 2, pp. 16–18 (in Russian).
- Bekker E. G. O nekotorykh sel'kupskikh geograficheskikh terminakh [On Selkup geographic terms]. *Yazyki i toponimiya Sibiri – Languages and toponymy of Siberia*. Tomsk, TSU Publ., 1970b, no. 3, pp. 8–11 (in Russian).
- Dul'zon A. P. Byloe rasselenie ketov, po dannym toponimiki [The toponymic evidence of earlier Ket settlements]. *Voprosy geografii: nauchnyy sbornik Moskovskogo filiala Geograficheskogo obshchestva Soyuza SSR*. Moscow, Mysl' Publ., 1962, vol. 58: Geograficheskie nazvaniya, pp. 50–85 (in Russian).
- Dul'zon A. P. Drevniye smeny narodov na territorii Tomskoy oblasti po dannym toponimiki [The toponymic evidence of ancient population migratory movements in Tomsk region]. *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Seriya fiziko-matematicheskikh i estestvenno-geograficheskikh nauk*. Tomsk, TSPI Publ., 1950, vol. 6, pp. 175–187 (in Russian).
- Evropeus D. P. K voprosu o narodakh, obitavshikh v sredney i severnoy Rossii do pribytiya slavyan [About the peoples living in the middle and northern Russia before the Slavic arrival]. *Zhurnal Ministerstva Narodnago Prosveshcheniya*. Saint-Petersburg, 1868, July, pt. 139, pp. 55–71 (in Russian).
- Evropeus D. P. *Ob ugor'skom narode, obitavshem v sredney i severnoy Rossii, v Finlyandii i v severnoy chasti Skandinavii do pribytiya tuda nyneshnikh ikh zhiteley* [About the Ugric population living in the middle and northern Russia, Finland and the northern part of Scandinavia before the arrival of modern population]. Saint-Petersburg, 1874. 23 p. (in Russian).
- Evropeus D. P. O kurgannykh raskopkakh okolo pogosta Bezhets Bezhet'skogo uezda, Tverskoy gubernii [On mound excavations near the settlement of Bezhec Bezhec uezd in Tver' province]. *Zhurnal Ministerstva Narodnago Prosveshcheniya*. Saint-Petersburg, 1872, December (in Russian).
- Galkin I. E. *Kto i pochemu tak nazval. Rasskazy o geograficheskikh nazvaniyakh Mariyskogo kraya* [Who named the places like this and why. The stories about the geographical names of Mari region]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1991. 158 p. (in Russian).
- Garipova F. G. *Issledovaniya po gidronimii Tatarstana* [The study of hydronyms of Tatarstan]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 294 p. (in Russian).
- Istomin K. E. Novyye mezoliticheskie pamyatniki v Nizhnem Prikam'e i nekotoryye voprosy izucheniya Volgo-Kamskikh mezoliticheskikh kul'tur [New Mesolithic monuments in Lower Kama region and the studies of Volga-Kama Mesolithic cultures]. *Drevnie pamyatniki priustevogo Zakam'ya: materialy Novostrochnoy ekspeditsii Ministerstva kul'tury Respubliki Tatarstan*. Kazan', KSU Publ., 1993, no. 1, pp. 5–19 (in Russian).
- Ivanova M. G. *Istoki udmurtskogo naroda: uchebnoe posobie* [The history of Udmurt people: textbook]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994. 192 p. (in Russian).
- Iznoskov I. A. Spisok naselennykh mest Mamadyshskogo uezda. Prilozheshe k ego referatu «O sokhranivshisya predaniyakh po povodu nazvaniy russkikh i inorodcheskikh poseleniy v Kazanskoy i sosednikh s neyu guberniyakh» [The list of the populated places in Mamadysh district. Appendix to the paper "On the existing stories about the names of the Russian and foreign settlements in Kazan province and adjacent areas"]. *Dva referata, chitannyye na IV Arkheologicheskoy s"ezde v Kazani v 1877*. Kazan', 1882 (in Russian).
- Kazantsev D. E. *Formirovaniye dialektov mariyskogo yazyka (v svyazi s proiskhozhdeniem mariytsev)* [The formation of Mari dialects in connection with the history of Mari people]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1985. 160 p. (in Russian).
- KESK – Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 388 p. (in Russian).

- Kuklin A. N. K voprosu ob etimologizatsii volgo-kamskogo gidroformanta -ga [To the study of origin of the Volgo-Kama hydronym component -ga]. *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1995a, no. 22 (XXXI), pp. 86–99 (in Russian).
- Kuklin A. N. K voprosu ob etimologizatsii gidronimov na -enga/-en'ga [To the study of origin of the hydronyms in -enga/-en'ga]. *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1995b, no. 23 (XXXI), pp. 188–195 (in Russian).
- Kuklin A. N. Ugorskiye elementy v toponimii Mariyskoy ASSR [Ugric components in the toponymic terms of Mari Soviet Republic]. *Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 3 s. Sessiones sectionum Linguistica. Debrecen, 1990. Pp. 118–123 (in Russian).
- Kuzakova E. A. *Slovar' mansi (vostochnyy dialekt)* [The Mansi dictionary (the Eastern dialect)]. Moscow, 1994. 315 p. (in Russian).
- Matveev A. K. Drevneural'skaya toponimika i ee proiskhozhdeniye [The ancient Uralic toponyms and their origin]. *Voprosy arkheologii Urala*: Vtoroe Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchaniye pri Ural'skom universitete 1–7 fevralya 1961 g. Itogi i problemy izucheniya arkheologii Urala / Ural'skiy filial nauchno-tehnicheskogo soveta po gumanitarnym naukam pri MV i SSR RSFSR. Sverdlovsk, 1961, no. 1, pp. 133–141 (in Russian).
- Matveev A. K. *Geograficheskiye nazvaniya Urala: kratkiy toponimicheskii slovar'* [The geographic names of the Ural area: a brief toponymic dictionary]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe Ural'skoe knizhnoe izd-vo Publ., 1980. 320 p. (in Russian).
- Matveev A. K. *Geograficheskiye nazvaniya Urala: kratkiy toponimicheskii slovar'* [The geographic names of the Ural area: a brief toponymic dictionary]. 2nd edition. Sverdlovsk, Sverdlovskoe Ural'skoe knizhnoe izd-vo Publ., 1987. 208 p. (in Russian).
- Mel'kheev M. N. *Geograficheskiye nazvaniya Prieniseyskoy Sibiri* [The geographic names of the Enisei area in Siberia]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo universiteta Publ., 1986. 144 p. (in Russian).
- Mikushev A. K. Istoriko-kul'turnyye vzaimosvyazi permских народов [The historic and cultural relations of the Permian peoples]. *Istoriko-kul'turnyye svyazi permских народов (po dannym fol'klora i yazyka): mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey*. Izhevsk, UdGU Publ., 1981. Pp. 5–16 (in Russian).
- Molchanova O. T. *Strukturnyye tipy tyurkskikh toponimov Gornogo Altaya* [The structural types of the Turkic toponyms of Gorny Altai]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta Publ., 1982. 256 p. (in Russian).
- Munkácsi B. *A votják nyelv szótára*. Lexicon linguae Votiacaorum (Wörterbuch des Wotjakischen) (1890-, bzw. 1896) (Reprint). Rjosz. 1990. 837 old.
- Murzaev E. M. *Ocherki toponimiki* [The essays on toponymy]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 382 p. (in Russian).
- Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [The dictionary of folk geographic terms]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 653 p. (in Russian).
- Mytarev A. A. *Ot Aby do Yai. Geograficheskii slovar' Kemerovskoy oblasti* [From Aby to Jai. The dictionary of geographic terms of Kemerovo region]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1970. 216 p. (in Russian).
- NG – *Nizhegorodskaya guberniya. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859 g.* [Nizhniy Novgorod province. The list of settlements of 1859]. Saint-Petersburg, 1863.
- Nikitin V. V., Solov'ev B. S. *Atlas arkheologicheskikh pamyatnikov Mariyskoy SSR* [The atlas of archaeological monuments of the Mari Soviet Republic]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1990, no. 1, 244 p. (in Russian).
- OFUYa – *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov* [The introduction to the Finno-Ugric Studies. The issues of application and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 484 p. (in Russian).
- Petrovykh F. I. Ugorskaya toponimika Srednego Prikam'ya (s primechaniyami prof. V. I. Lytkina) [The Ugric toponyms of the Middle Kama region (with the remarks of professor Lytkin)]. *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta – Scientific notes of Perm' University*, 1960, vol. 12, pp. 275–277 (in Russian).
- Popov A. V. K voprosu o khorografii i paleoetnografii Irkutskoy gubernii [On the chorography and paleoethnography of the Irkutsk province]. *Ocherki po zemlevedeniyu i ekonomike Vostochnoy Sibiri*. Vol. 49. Sbornik sektsiy zemlevedeniya i ekonomicheskoy / Izv. Vost.-Sib. otdela Russk. geograf. obshchestva. Irkutsk, 1926, no. 2, pp. 131–140 (in Russian).
- Sablina O. F. Reki [The rivers]. *Priroda Novosibirskoy oblasti* [The nature of Novosibirsk region]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1968. Pp. 73–91 (in Russian).
- Tatishchev V. N. *Leksikon rossiyskiy istoricheskiy, geograficheskiy, politicheskiy i grazhdanskiy* [The Russian lexicon of historical, geographical, political studies and civilians]. Saint-Petersburg, 1793, ch. 1 (in Russian).
- Teploukhov A. F. O proisshedshey nekogda smene ugrov permyakami na Verkhney Kame, komi na Verkhney Vychege i udmurtami na Cheptse [On the substitution of the Ugric people by Permian people on the Upper Kama, by Komi people on the Upper Vychege and by Udmurt people on Chepets]. *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta – Scientific notes of Perm' University*, 1960, vol. 12, pp. 270–274 (in Russian).

Teploukhov A. F. Sledy bylogo prebyvaniya ugorskogo naroda v smezhnykh chastyakh Permskoy i Vyatskoy guberniy i posleduyushchaya smena ego permskim i russkim narodami [The evidence of the earlier stay of Ugriic people in Perm and Vyatka provinces and the adjacent territories and their subsequent substitution by Permian and Russian people]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya*. Sverdlovsk, 1924, vol. 39, pp. 81–112 (in Russian).

Terent'ev V. A. Nostraticheskie etimologii [Nostratic etymologies]. *Etimologiya* 1977. Moscow, Nauka Publ., 1979. Pp. 159–163 (in Russian).

Turkik A. I. Toponimika Severa Rossii v trudakh finno-ugrov XIX – nachala XX vv. [The toponymy of the North of Russia represented in the works of the Finno-Ugrians in the XIX – early XX centuries]. *Istoriya toponimiki v SSSR: tezisy dokladov*. Moscow, 1967. Pp. 26–29 (in Russian).

Vishnevskiy B. N. Sledy ugrov na Zapadnom Urale [The evidence of the Ugriic presence in the Western Urals]. *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta – Scientific notes of Perm' University*, 1960, vol. 12, pp. 255–269 (in Russian).

Vorob'eva I. A. Yazyk zemli. O mestnykh geograficheskikh nazvaniyakh Zapadnoy Sibiri [The language of the earth. On the local geographic names of Western Siberia]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1973. 152 p. (in Russian).

Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Koz'modem'yanskiy kanton (s prilozheniem spiska naselennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Koz'modem'yanskiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1926v (na oblozhke: 1927), no. 4, 86 p. (in Russian).

Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Krasnokokshayskiy kanton (s prilozheniem karty kantona)* [The description of the Mari region. Krasnokokshaysk canton (the map of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1926a, no. 1, 63 p. (in Russian).

Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Sernurskiy kanton (s prilozheniem spiska naselennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Sernurskiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1927b (na oblozhke: Yoshkar-Ola, 1928). 112 p. (in Russian).

Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Toryal'skiy kanton (s prilozheniem spiska naselennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Toryal'skiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Yoshkar-Ola, 1929 (na oblozhke: 1930), no. 8, 88 p. (in Russian).

Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Yurinskiy kanton (s prilozheniem spiska naselennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Yurinskiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1927a, no. 6, 120 p. (in Russian).

Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Zvenigovskiyy kanton (s prilozheniem spiska naselennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Zvenigovskiyy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1926b, no. 3 (in Russian).

Zherebtsov L. N. *Istoriko-kul'turnyye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historic and cultural relations of the Komi people with their neighbours]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 224 p. (in Russian).

Kuklin A. N.

Mari El State University.

Pl. Lenina, 1, Yoshkar-Ola, Russia, 424000.

E-mail: markaf@marsu.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бауло А. В.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ЗАПИСИ ПОЕЗДКИ И. Н. ГЕМУЕВА К СЕВЕРНЫМ МАНСИ В 1986 Г.

Публикуются экспедиционные записи И. Н. Гемуева, выполненные во время его поездки к северным манси в 1986 г., а также комментарии к записям публикатора. Данный полевой материал в основном посвящен обрядам жизненного цикла манси, также приведены важные сведения о пищевых запретах, почитании семейных духов-покровителей, ряде священных мест. Подробно описан обряд на женском священном месте Аращкан у д. Новинские.

Ключевые слова: манси, обряд, жертвоприношение, погребение, сватовство, боги.

Десять лет прошло со дня ухода из жизни Измаила Нуховича Гемуева, известного российского этнографа, изучавшего самобытную культуру самодийцев и обских угров. Его книги по-прежнему востребованы, их читают, на них постоянно ссылаются. Но остался большой пласт экспедиционных материалов – дневников и фотографий, которые содержат подчас уникальные неопубликованные данные по материальной и духовной культуре селькупов, хантов и манси.

К манси И. Н. Гемуев совершил шесть экспедиций – в 1983–1986, 1989, 1990 гг. Значительная часть экспедиционных материалов опубликована (Гемуев, Сагалаев, 1986; Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 1999); с комментариями издан и полевой дневник И. Н. Гемуева за 1984 г. (Гемуев, 2012).

Летом 1986 г. Приполярный этнографический отряд продолжил работу в Березовском районе ХМАО. Работа проводилась в бассейне Северной Сосьвы поселках Верхнее Нильдино, Сосьва, Анеево, в деревнях Новинские (Лапорская протока) и Верхние Нарыкары (р. Малая Обь). В составе отряда работали И. Н. Гемуев, художник Б. В. Крюков, механик экспедиционного катера А. И. Логинов (он же выполнял функции фотографа). Материалы экспедиции, посвященные религиозно-обрядовой практике манси, опубликованы (Гемуев, 1990); записи, касающиеся вопросов материальной культуры и обрядов жизненного цикла, не публиковались.

Сохранилась первая тетрадь, материалы которой в значительной степени отражают вопросы мифологии и религиозно-обрядовой практики северных манси.

Вторая тетрадь на сегодняшний день утеряна. Обнаружены только карточки, на которые из этой тетради рукой И. Н. Гемуева была переписана информация (она объединена им тематически), касающаяся некоторых сторон обрядов жизненного цикла, пищевых запретов, священных мест и пр. Записи в тетради были совершены не менее чем на 72 страницах, скорее всего, самим Гемуевым, но часть из них, вероятно, принадлежала Б. В. Крюкову. Карточки пронумерованы, судя по нумерации, часть карточек тоже утеряна.

В квадратных скобках курсивом даны смысловые добавления автора публикации, комментарии сделаны в виде подстраничных сносок. Название тематических разделов принадлежат И. Н. Гемуеву.

Приполярный этнографический отряд. 1986 г. Тетрадь № 2

Роды, кормление, воспитание

Новинские, Китаева Зинаида Михайловна

Ее сестра Надя (младшая) родила. На утро мать – Палашка – сшила берестяной туесок (*пукни совт*). Мать положила в туесок пуповину и послед, а Зина и Мария Павловна (родственница) повесили его на кедр. Мария Павловна перерезала пуповину и называется для Нади *пукни анка* (вторая мать) и Зина тоже для сестры – *совт анка* (но не числится, видимо, официально), а Мария Павловна Неттина – *совт анка*. Она повесила [*туесок на кедр*], а потом прочла молитву, чтобы девочка была здорова, росла нормально, чтобы не брали ее болезни.

На вышку¹ женщинам нельзя (когда еще без месячных девушка ходит, то можно, сколько хочешь лазить).

Бабушка за угол дома не может пройти, боится богов, которые на крыше сидят, могут стрелу невидимую пустить – заболеешь или кто-нибудь умрет. И мать – Полина Семеновна боится. Когда нашкодим, бывало, мы за дом прятались. Им туда нельзя².

Новинские, Шесталова Ольга Наумовна

Женщина живет в *маньколе*³ три месяца. Еду носят мать, муж, и сама готовит. Интерьер *манькола* – чувал, столик, нары или оленья шкура на полу. Мужу все равно, кто родится, лишь бы душа жива была.

После родов ставят *пупам*⁴ угощение и приклад. Имя ребенку давали сообща – отец и мать.

Малыш до трех месяцев на правом боку лежит, на оленьей шкуре, затем кладут в *ану*⁵ – *ити ана* – вечерняя, ночная *ана*. Орнамент мог быть геометрический и с птичкой. Кто умеет, тот и сделает. *Ану* делали из бересты – мать или тетка.

Обычно кормили [*грудью*] до трех лет. Подкормка – рыба – хвостик, утка – лапка, иногда и говядину несоленую дашь.

До появления у младенца зубов в *ану* клали спички, нож, топор; булавку застегивают на груди ребенка, чтобы не сглазить. Делали это молча, «чтобы не забыть». Раньше шили *ялпын-улама*⁶. «Боги водку любят».

Были случаи, когда девушки с ребенком оставались (соседи осуждали), отец в дом не пускал. Сейчас бабки смирились – сейчас одиноким деньги платят.

Раньше нельзя было выходить замуж за человека другой национальности, сейчас с удовольствием.

Новинские, Тынзянова Надежда Андреевна (51 год)

Нявре ончес – родила.

Женщина три месяца сидит в *маньколе*, раньше этого ее [*домой*] не пускают. *Поры*⁷ – праздник делали. Собирались все взрослые, когда ребенок родится. Крестные были.

Та, что помогает роженице, – *алт-анк*. *Анк* – вторая мать (может быть и молодая, и родственница). Она ребенка укладывает в дневную *ану* – *зыр хотан ана* – солнечная (дневная) *ана*; *ити ана* – ночная *ана*.

В *ану*, которую делали из бересты, клали гнилое дерево (красное, тальник, мягкое), чтобы моча не стекала. Тальник применялся как присыпка и для ребенка, и для *аны*. Это каждый раз меняли.

Во время менструаций женщина также находилась в *маньколе*. Подкладывали тальник (стружку), перед выходом мылись в *маньколе* (или иногда в бане) и окуривались паром (нагретый топор клали в таз с водой, настоящей на чаге).

Чтобы уберечь ребенка, его нельзя было одного или ночью надолго оставлять.

Оц хатас – родила. *Рудитас* – роды (заимств. из рус.).

После родов пуповину и послед заворачивают в чистую тряпку, обертывают берестой, завязывают веревкой (делают *хинтик* из бересты), вешают на дерево. Больше не ходят. Только тогда, когда снова родят – в тоже место вешают. Одно дерево для всех (Ольга Наумовна покажет). Женщина после родов должна была ходить в туалет голая, босая (и зимой, и летом).

¹ На чердак.

² Задняя стена дома считается у манси священной, эта зона запретна для женщин.

³ *Манькол* – маленький домик, в котором женщина находилась в период месячных и родов.

⁴ *Пупыг, пубы* – духи-покровители.

⁵ *Ана* – люлька.

⁶ *Ялпын-улама* – священная одежда, название жертвенного покрывала.

⁷ Жертвоприношение.

Рожали так: ставили две палки, третья поперечная. Стоя на коленях, она опиралась на третью. Легче рожать лежа. Бабки раньше заставляют на палках рожать, на постеленную солому. Много было простуд (голыми ходили), многие умирали. В 1950-е гг. мать говорила, что нам не надо соблюдать *манькол*.

У маленьких (еще беззубых) было особое кладбище. В землю закапывают, а на Сосьве на дерево ставят (черви едят, вонь такая).

Анеево, Пеликова Анастасия Григорьевна (57 лет)

Апа – берестяная колыбель, одинаковая и мальчику, и девочке, предназначена и для сна, и для бодрствования.

Когда родится ребенок, не важно какого пола, то на крышу, *пупыгам* несут платок с копеейкой, шкуру соболю.

Айкем – девочка, *пыкем* – пацан (мальчик). *Ома* – мама, *Щань* – мама для всех.

Ребенок сосет грудь 3–4 года, а мой внук до 5 лет все просил.

*Иттерма*⁸ не делала (у мамы были, она их в лес утащила).

Анеево, Гоголева Елена Филипповна (65 лет)

Родила 4 детей в большом доме и в больнице. Отец не разрешал в *маньколе*.

При отце и матери были *пупы*. В войну мы сами «походили на *пупы*».

Апа – колыбель из бересты и для мальчика, и для девочки. Ребенок мог и лежать, и сидеть.

Щань – мать, Пресвятая Богородица.

Анеево, Гоголева Прасковья Ивановна (80 лет)

Манькол – маленький дом для рожениц. Женщина приходила туда за неделю до родов. Бабушка проверяет, еду носит, да и сами варят в чувале. При родах мужа не пускали. Роженице помогает бабушка, она же обрезает пуповину.

Чтобы облегчить роды, фетишу (*пук щань*) приносили *сахы*, платье, платок.

После родов [*женщина*] жила некоторое время в *маньколе*, потом заходила сама в большой дом.

Для отца ребенка безразлично, кто родился – мальчик или девка, всякому рад, любит.

Сначала младенец лежит на оленьей шкуре, затем, когда он уже немножко сидит, мать шьет ему из бересты *хотл апу* (сидячая и полусидячая), которую подвешивали на крюк к потолку и раскачивали. Если ребенок не спит, то руки его не пеленают.

Анеево, Моница Домна Федоровна (60 лет)

Меня мать в *маньколе* родила. Она рассказывала, что меня возили в Сартыню⁹ крестить.

Анеево, Гоголева Матрена Николаевна (62 года)

Раньше рожали в *маньколе*. Уже до войны их не стало в нашей деревне, примерно к 1933 г.

Муж ходит в *манькол*, еду таскает, посидит там, каждый день.

Первые сутки другая женщина грудью кормит ребенка. Кормит она до тех пор, пока у матери молоко не появится.

Женщина не выходит из *манькола* в большой дом полтора месяца (40–45 дней), однако оказывает посильную помощь – за водой сходит и дрова занесет.

Перед переходом в большой дом женщина должна была очиститься. Поджигала чагу в чувале, в нем же раскалялся камень или старый топор, который затем накрывали мокрой тряпкой, чтобы пар шел. Надымится, надышится и тогда приходит в дом. Бывало, что очищались и дома. В *маньколе* был чувал и нары, покрытые оленьей шкурой.

Делали пуповинный *совт* – берестяной короб, в который клали завернутые в чистую тряпку пуповину и послед, сверху накрывали берестой, веревкой крест-накрест перевязывали и вешали на дерево. Это место специально не посещали.

⁸ *Иттерма* – временное вместилище души умершего.

⁹ В Сартынье находилась церковь.

Свадьба, избегание

Анеево, Мони́на Домна Федоровна (60 лет)

Раньше, если родители не разрешали жениться, то убегали. Приданое было – подушки, платье. Девушку с ребенком брали замуж, ничего.

Анеево, Ендырева Анна Андреевна (77 лет),

Рукова Улья́на Давыдовна (54 года)

Парень ходит с косами (по пояс), у невесты две косы до пят (разноцветные, на конце клубок с железом – против сглаза). Воровали невесту. Неделью ищут (убегали в лес). Если только друзья принесут еду. Через 2–3 недели, а бывает, и раньше, выходят, идут мириться к родителям. Сколько отец запросит с жениха, столько он и даст – 2–3 оленя.

Стол хороший делали (мясо, рыба). Колыбельного сговора не было. К священнику не возили. Богов не надо было кормить, живым бабушке и дедушке дарили материал, платок шелковый. Шамана не было (раньше был – не помнят).

С парнями дружили, а спать не спали. При месячных и при родах женщины жили в *маньколе*.

Избегания: от старшего брата, от свекра, деверя, дедушки закрывали лицо платком. Всю жизнь закрывались, а разговаривать можно. Прасковья Ивановна первая у нас платок сняла, женщины говорили: болеть будет.

В году 1928 муж Ульяны снял с нее платок. Дедушка сказал: «Как тебе не стыдно, Давид», – и отвернулся.

Раньше не было девушек с ребенком. Не разводились. Мужья не пили и не били, на нарах спали. Отец девушки дает за нее лошадь, корову, оленя.

«Погано дело» – о времени зачатия. *Маньколов* в селе нет.

Гоголева Матрена Николаевна (62 года)

При старике свекре женщины закрывали лицо и *ваи* не снимали (только ночью, да и при условии, что свекор спит), с голыми ногами при старике не ходили и закрывались (от свекра, от старших мужчин, от дальних родственников, а от младших братьев не закрывались).

Помню, когда мне лет шесть было, привезли на нартах, закрытых сукном, невестку. Она лежала в нартах. Ее ввели в дом и посадили отдельно за сукно. Целый день сидела, только муж заходил.

Пища, запреты на употребление рыбы

Анеево

Ендырева Анна Андреевна (77 лет)

Женщины не резали ни щуку, ни налима. Домашние им сварят, потом и сама съест.

Сырое лосиное мясо нельзя есть ни мужчинам, ни женщинам.

Гоголева Прасковья Ивановна (80 лет)

Рыбу и мясо оленьё можно, а мясо лося нет (при родах в *маньколе*).

Сама охотничала с «центральной», когда мужа на последнюю войну взяли. Перед этим он меня научил охоте.

Мяса нельзя было есть в некоторые месяцы. В *маньколе* женщине можно есть рыбу и оленину, а лося нет.

Рукова Улья́на Давыдовна (54 года)

Щуку, налима старухам нельзя. Им режут и варят, а они едят. Настасья Кирилловна не режет щуку.

Тозём-нёвль (длинные пластины резали), на вышку вешали, ветром сушат.

Другой способ – засаливали и клали в деревянную бочку: отмочка мяса от соли – *виттенпинг* (отмачивали больше суток, каждые 2–3 часа меняли воду).

Совлал нёвль – соленое мясо. *Тёзен нёвль* – вяленое мясо. *Миль ти нёвль* – свежее мясо.

Гоголева Матрена Николаевна (62 года)

Если [*рыба*] не в святом месте поймана, то женщина могла всякую рыбу есть. Ляпинские *няр-хулом*¹⁰ не едят щуки. Когда месячные, то сосьвинские женщины даже налима вареного не едят.

Челданова Зинаида Григорьевна

Мясо – *нёвль*. Летом в ветреный день вялят маленькими кусочками, чтобы зимой отварить или пожарить на печке, можно с мукой сварить.

В Вороний день – *Щаньха витол* – в лесу забивают маленького оленя, варят и едят. Сама не бывала.

Погребальный обряд

Анеево, Гоголева Прасковья Ивановна

Иттерма делают, когда человек умрет, шьют платье, *сах* маленькие. Ставят в угол, стоит 3–5–6 лет и вообще, сколько захотят. Когда захочешь, сошьешь еще, надевают на старое. *Иттерма* – это кукла. Огонь, лампу не ставили.

Новинские, Шесталова О. Н.

Кладбище – *савын кан*. Могила – *толох па*.

Покойника обмывают женщины. Тем, кто «моет», дают от покойницы платок или платье, или *няры*. Иногда специально приглашали обмывальщицу.

На второй день дедушка делал гроб. А пока покойник лежит на койке, на досках. Положено хоронить на третий день.

Либо мужчины на руках или лошадьми везут на кладбище. Зимой на нарточках. Могилу роют мужики. Глубина могилы около двух метров. И женщин, и мужчин закапывают одинаково глубоко.

Женщину одевают в новые платья – штуки 3–4, если надевают *тур сах*, то три платья. Мужикам надевают по три рубахи, костюм, пальто. А некоторым в гроб кладут.

Деньги в могилу не бросают. В руки покойнику дают 1 рубль («может быть, у него на земле долг остался, на том свете заплатит»).

Раньше гроб совсем не обшивали. Сейчас некоторые обшивают черным или красным ситцем, сатином – у кого есть.

На могилу стол поставят, доски положат. Когда столбики у стола сгниют, тогда могилу совсем задавит.

Ограду ставили иногда сразу, а иногда и позже.

Покойников боятся – есть которые злые, которые есть добрые.

На кладбище сразу поминают (хлеб, рыба, бражка, вино). Чагой не окуривают. В доме делают поминки (варят, что есть, ставят брагу, вино).

На третий день ходят на кладбище (брагу ставят, огонек топят маленький). На 14-й день на кладбище ходят и мужчины, и женщины, а потом дома поминают, и на 25-й день ходят на кладбище, там ставят и дома поминают.

Женщин поминают на 40-й день, а мужчин на 50-й день. Душа целый год держится. Год будет она, потом совсем уйдет. Душа уходит в *яхм щарах* (в *оксан*).

На 40-й день убивают теленка, корову, жеребенка у дома (для женщин). Тоже делают на 50-й день для мужчин. Шкуру вешают на крышу. Сразу варят и едят голову, печень, сердце, остальное в другие дни, каждый день, пока не съедят.

До одного года душа будет находиться недалеко от дома.

Когда человек умрет, делают палочку – *хоталт* (счет дням) и каждый день делают зарубки до 40-го или 50-го дня.

Мать покойного срезала клоч волос и держала вместе с палочкой в туюске. Делали из этих волос куколку. Хранили четыре месяца для женщин и пять месяцев для мужчин, затем сжигали.

¹⁰ Способ употребления в пищу сырой рыбы.

Когда пройдут 40-е или 50-е дни, в угловатик¹¹ кладут глаза жертвенного животного, ставят спиртное.

В годовые поминки жертвоприношений кровавых не делают, так ходят на кладбище.

Пока покойник в доме, нельзя было шить, вязать, стирать, а еду можно готовить.

На 40-е или 50-е поминальные дни одежду носили на левую сторону – *пес игли* (*нащ нанку*).

Новинские, Китаева Зинаида Михайловна, 23 года

Раньше бабки говорили, что если сразу ограду [*на могиле*] не сделали, то и не надо ее делать. Ограда из жердей – *сир*. Кладбище – *савын ма* (*савын кан*).

В гроб покойнице клали платья и ее одевали в те [*одежды*], которые ей нравились, которые она таскала (платки, юбки).

Гроб спустили, доски положили, а на доски у изголовья еду, питье поставят. Тут же поминают (чай делают из чаги или из заварки, воду, соки, если нет спиртного).

Покойник ночь переночевал на кладбище, к нему идут с едой и спиртным, так же и через 9, 14, на 40-й день, в годовщину, а потом каждый год.

В день похорон на поминках в доме ставят вино, еду (хлеб, рыбу, мясо). На печку или в угловатик – *сампатта* – только спиртное. Потом достают.

Если на печку ставят спиртное, то 3–4 ложки льют в огонь для матери огня – *арай* – чтобы не угас огонь никогда, и так же поступают в каждый поминальный день.

Человек умирает, и в тот же день берут палочку, делают заметки каждый день. Мать у себя отрезает волосы с затылка и у покойника небольшой клочок волос, обматывает тряпкой, делает куколку. Кладут в туесок и волосы, и куколку.

Ножом на палочке делают зарубки сначала до 40 дней, далее до одного года. В год сжигают [*куколку*] на берегу или в лесу. Берут спиртное, помянут.

У женщины справляют 40 дней, а у мужчин 50 (закалывают теленка, жеребенка, овечку).

В Игриме для поминок родственницы – на 9-й день закололи [*животное*] (значит, дух ее ушел).

На 40-й день уходит женский дух из дома, на 50-й – мужской.

Шкуру животного вешают на крышу. Глаза (жеребенка, бычка) кладут в угловатик.

Какое животное попросит покойник у родственника во сне, такое и закалывают.

Яйца бычков варят вместе с головой, печенью, почками, сердцем (кишки не берутся). Жеребят яйца не годятся для варки. Раньше, когда русские кастрировали лошадей, то они яйца жарили.

На 40-й день чем-то сладким и съедобным (сгущенка, повидло) мажут углы избы (четыре угла), а 5-й угол (дверной проем) остается открытым, чтобы дух мог зайти. Для мужчин делается также на 50-й день.

Духи-покровители

Новинские, Шесталова О. Н.

Личный *пубы* Ольги Наумовны – *Калтац-эква*, женщина-*пубы*. Находится в Мулигорте¹². Все люди съезжаются к ней, кладут платки (можно большой); она была [*на священном месте*] в июле 1985 г., два платка маленьких сделала.

Нэмта – игольница.

Манколицека – это тот же бог для женщин, роженицам помогает, ребятишкам помогает на свет родиться.

Про персонажей *Арайкан* знает ее бабка в Ванзетуре.

– Измаилушка! Там, где ты лазил с Колькой за сундуком, я поставила рюмку водки и воскурила чагу, затем долго молилась.

¹¹ Берестяная коробка с загнутыми углами.

¹² Речь идет о священном месте *Калтац-эквы* около Мулигорта на Оби.

Потом мне¹³ сказала: Женщинам нельзя смотреть, ослепнешь. Молилась я богу русскому, я крещеная. Когда ты закончил обзор сундука, молилась, закрыв лицо платком еще дольше.

Новинские, Шесталов Николай

На чердаке злая богиня – *Тайт-котиль-эка. Ас-талях-ворн* (злой)-отыр.

Колино имя – *Мика сойка*. Людино имя – *Нярснэ эка*.

Дядя погиб, а я воскрес¹⁴.

Новинские, Китаева Полина Семеновна

В комнате в левом углу туесок – *маньклощека* или *совт-анк*. *Маньколицек* – маленькая женщина, младшая сестра матери земли. Ей дают *арсыны*¹⁵, добавляют тряпочки.

В туеске – *арсын* с медной копеечкой. Положили два года назад, и шелковый платок с медной монетой.

Когда убивают скотину, выносят *пуни тотан* (чемодан, где хранятся документы, письма, платки новые, *арсыны*).

В угловатике на верхней полке стоят три стеклянные банки (трехлитровая посередине принадлежит Полине, а по бокам ее – однолитровые – теткин). В них платки, *арсыны*. В 1970-е гг., когда семья переходила из другой половины дома, банки эти перенесли.

У Полины Семеновны (родилась в Лапарске) хозяин *Полум-ойка*, у Зины (ее дочери) – *Ялпус-ойка* (покровитель медведь), у Нади (ее дочери) – *Халей* (чайка). У каждого человека голова отдана кому-то¹⁶.

Новинские, Китаева З. М.

У Зины хозяин – *Ялпус-ойка* (бог в облике медведя). У нее заболел мальчик. Если *Ялпус-ойка* не захочет, то он приведет душу мальчика обратно (когда-то мать умерла и забрала душу) и за это ему закалывают оленя, теленка. Когда ребенку было два месяца, он начал задыхаться. Зинин дядька – Степан Семенович из Ванзетура – полез на крышу¹⁷ и увидел, что у *пубы* мужчины нет шапки (в стороне валялась), а у *пубы* женщины не было платка. А сундуки были закрыты. Дядя их одел, посадил на места, и как будто мальчик поправился. А еще через два месяца у ребенка понос открылся. Нельзя было спасти.

Зине нельзя чокаться стаканом бражки, так как у нее несчастье (ребенок умер).

Когда пойдешь по ягоды, немного наберешь или сразу располагаешься на земле. Можно костер не разводить. Просто разложить пищу, за щеку (за губу) махорку, смешанную с пеплом чаги закладывают, а кто папиросы курит, кладут возле еды и говорят: *Ма ёхны, Вит ёхны махум, маен мана вын сал пил* (Водяные, земляные духи, дайте нам побольше ягод).

Священные места

Д. Анеево

Пурлахтын-щакл

В 20 см от кедр № 1 – кедр № 2 и идол № 2: объемное антропоморфное изображение из куска цельного ствола. Верх головы плоский, лоб навис, прямой выступающий нос; элементы лоб-нос – Т-образные. Эллипсоидной лункой глаза выделена шея, тулово не обработано.

Третий комплекс. От *сумьяха*¹⁸ на север 7 метров, на запад – 2 м 40 см, между двух кедров приклонен идол высотой 1 м 40 см. Плоскоголовый, объемный, лоб нависает, лоб и нос Т-образные; нос прямоугольный, глаза – эллипс, брови из двух полудуг, рот – лук, подбородок скошен вперед, шея не выделена, плечи скошены, нижняя часть трактована скошенными боками изваяния.

¹³ Гемуеву.

¹⁴ Душа дяди возродилась в Николае.

¹⁵ Куски жертвенной ткани.

¹⁶ Речь идет о том, что при рождении с помощью гадания ребенку определяли личного духа-покровителя.

¹⁷ Имеется в виду: на чердак.

¹⁸ *Сумьях* – амбарчик.

Сумьях – длина 130 см, ширина 110 см, длина плахи 2 м, ширина 145 см, расстояние от конька 73 см.

Новинские, Китаева З. М.

Привела к женскому святому месту. Стоит кедр с туесками (послед с пуповиной в чистой тряпке). Недалеко на другом кедре еще больше туесков (в частности, и сестры Надежды), а на соседнее дерево повесили (она с Марией Павловной) сетку с Надеждиной «нечистой», «негодной» одеждой и тряпками («в которых и на которых лежала»). Показ – халат, тряпки.

Зина, когда была маленькой, боялась проходить мимо этих кедров.

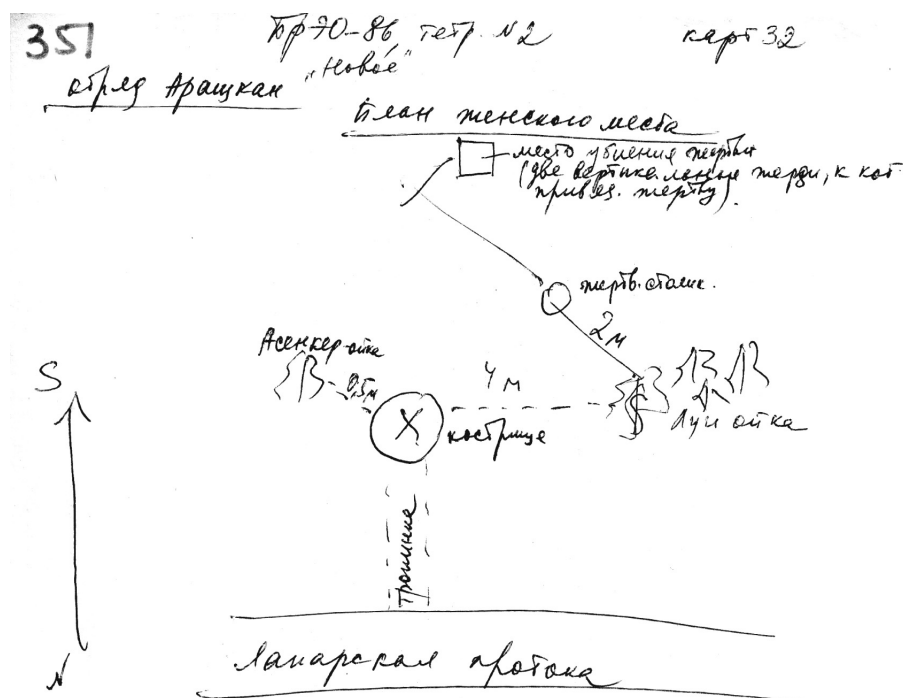
Новинские, Арацкан¹⁹

Китаева З. М.

Арацкан. Эква-пурлахтын-ма²⁰. Собирают новые тряпки, медные монеты. Раньше зимой им²¹ шили халаты.

Пурлахтын-ма недалеко, полкилометра.

Пупы в доме (тряпки в сундук кладут). Женщинам нельзя глядеть.

Арацкан – место огня, священное место, расположенное исключительно в березах, и на березах тех висят новые обрезки от материала на платья с медными монетами (3, 5 коп.), у которого просили о своем здоровье и здоровье детей.

А также у особенного дерева просили избавления от коросты на голове (с головы соскребали коросту, завязывали в тряпочку и вешали на дерево). Верили, что через неделю коросты не будет.

В это место ходили каждый год в одно и то же время.

Шесталова О. Н., Китаева П. С.

Разговор в доме у О. Н.: Ана сан приносят бабки. Варят уху, чай, [приносят] водку. Играют и пляшут (бьют в ведра, как в бубен).

Приносят мужики овечку, петуха нельзя. Голову, ножки, сердце, печень варят, а шкуру вешают на березу. Голову клонят.

¹⁹ Женское обрядовое место.

²⁰ Букв.: Женщин угощения место (манс.).

²¹ Духам-покровителям.

Маньколишек – по Сосьве Бог один, а веры разные (у обских и сосьвинских). *Мис-нэ* – лесная, добрая фея. Ходят в это место осенью, а сейчас я боюсь.

И черные тряпки можно (выбирает *арсыны* из мешка), просит 1-, 2-, 3-, 5-копеечные монеты.

Пришли на место. Были: Ольга Наумовна Шесталова, сын ее Колька, дочь ее Люда, Пелагея Семеновна Китаева, ее внуки (двое), да нас двое (Измаил и я²²).

– С весны, когда мы с Полей были, здесь не было никого, одни лошади ходили (О. Н. Ш.).

Березовая роща среди ив. Стоят шесть берез в разноцветных *арсынах*. Полина Семеновна сдирает бересту. Люда чистит рыбу, Коля делает костер. О. Н. разжигает в миске спичками чагу, будет делать *сэни* (окушивание чагой). На столе *сэни* будет дымить все время.

Главный бог – *Луи-ойка*, северный бог. Для него четыре березы.

Асенкер-ойка – бог, помогающий от коросты, прыщей, одно дерево.

Тяк-эка – бог огня, бабушка огня. «Когда уходить будем, тогда повесим *арсыны*, а сейчас приготовим их» (положила на столик).

Это земля – *Луи-ойки*. Барана забивали. Девушкам нельзя на место жертвоприношения барана, нам-то²³ можно.

Затем О. Н. попросила Измаила поставить флягу водки для *Луи-ойки*, и сама поставила брагу на столе рядом с хлебом, маслом, конфетами, печеньем.

– Нельзя сюда без браги, так как если ее нет, так он видит, что нет.

Положили медные деньги на стол. На столе стоят открытые наши фляги с водкой и бражкой. Полина разделяет *няр-хул*.

У костра кружка с водкой, кружка с брагой. На столик кладется *няр-хул*.

На расстоянии двух метров от столика стоит в новой одежде Палашка, Ольга передела платок. Готовятся к молитве, поклонам, подошли к главной березе (*Луи-ойке*).

Говорит молитву О. Н., слегка раскачивается в поклоне. Пока А. И.²⁴ фотографировал, она постоянно кланялась.

– Весело нам, песни поем, танцуем сами с собой. Бог, приди, пускай он подходит. Это «веселое место», место огня.

Арацкан – кострище, *Тяк-эка* – огонь костра.

– Надо по солнцу крутиться по одному разу, и у *Луи-ойки*, и у огня. Затем снова поклоны и Палашка кланяется. О. Н. переодевается в новое *тур сахи*.

У *Асенкер-ойки* также кланяются.

– Сейчас голову клоним, жить будем.

В это место ходили, когда комара меньше. Полина куда-то удалилась, О. Н. позвала Кольку, заставила снять шапку, рядом с собой поставила, оба кланяются, тут и Полина подросла. Поклонились все. О. Н. взяла от костра две кружки с водкой и брагой. Кланяясь, отпивает, за ней Полина, которая ставит водку на столик.

О. Н. вылила бражку в огонь.

– Кто не шаманил, тот не пьет (Колька).

– Сейчас выпьем, за стол сядем (О. Н.)

Мы перед этим ходили, искали деревья, где якобы весной висели шкуры (Люда ходила за черемухой, 3–4 шкуры видела). Но не нашли. О. Н. сама пошла искать это место, где они повешены. – Мне-то можно, я старушка. Увидели только веревку довольно высоко на березе, где висела шкура, видимо, упала.

– *Пус кат, пус лайил*, – Пусть будут руки-ноги целы²⁵.

²² Запись Б. В. Крюкова.

²³ Бабушкам.

²⁴ Фотограф А. И. Логинов.

²⁵ Один из популярных тостов у манси.

– Югу всегда кланяются.

Уху (навар) вылили из котла *Луи-ойке*, достался нам один сырок вареный. На нашем столе вареная рыба, *няр-хул*, хлеб, водка, бражка (на целлофане). Пьем и закусываем по кругу. О. Н. оставляет рыбу здесь, остальное забирает.

– Тушить костер с чагой не надо. Сейчас повесили свой товар (*арсыны* завязывали повыше остальных на три узла – для *Луи-ойки*).

О. Н. говорит огню, что они еще придут, если живы будут. Взяла живой огонь из костра в миску с чагой, потом затушила и поставила на столике.

– Когда уходим, голову клоним.

На обряде *Арацкан* Шесталова О. Н. рассказала *мойт* (сказку), по-мансийски записывала ее дочь Люда, она же впоследствии и перевела.

Как мужчина съел максу налима

Жили муж с женой. Долго или коротко жили. Муж ездил ставить запоры на налима. Налима привозил жене домой. Жена варила налимову уху. Муж садится есть налимову уху, а налимовой максы нет. Сколько раз не варила жена уху из налима, а максы не было. Жену спрашивает муж: Куда деваешь налимову максу?

Муж рассердился и говорит: Переедем в другое место жить (летнее, на рыбалку). Собираются, вещи на берег перетаскивают, на лодку. А какой-то мешок жена не дает ему нести. Подошли к берегу, муж схватил мешок и выбросил в воду. Мешок с шумом упал в воду и раздался «бух!». Из мешка показался мужчина, который съедал максу налима – по усам текло масло.

Жертвоприношение

Новинские, Китаева З. М.

Йир – закалывается жеребенок, бычок в честь далеко живущих родственников, чтобы они не забывали тех, кто закалывает, чтоб у них было все нормально, чтобы заключенный вернулся из тюрьмы.

Животному перерезают глотку, чтобы вся кровь вышла, становятся лицом к югу (только мужики) и кричат 7 раз: А-а-а-а-а-а-а!

Затем в дом зайдут, выпьют, посидят, поговорят, пока животное не охладет, затем обдерут, сварят в котле печенку, сердце, легкое, голову.

Шкуру на три дня вешают на жердь на крышу. Через три дня съедается остальное мясо.

Когда закалывают животное, глаза завязывают ему белой материей и по лбу [*бьют*] топором. Эту белую тряпку затем вешают на угол (внешний) избы, на третий день уносят на крышу. Куда дальше кладут – не знаю.

*Йир*²⁶ делался за домом (а не перед крыльцом) – *кол сам матта* – место *йира*. У каждого дома было свое священное место. На время *йира* женщинам туда не позволялось подходить. Но женщины подходили на дозволенное расстояние, чтобы очистить кишки жертвенного животного от «навоза». А мужики могли пересекать как угодно.

Список литературы

Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.

Гемуев И. Н. Дневник Приполярного этнографического отряда Института истории, филологии и философии СО АН СССР 1984 г. / подготовка к печати, предисл. и примеч. А. В. Бауло // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 381–407.

Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.

²⁶ Кровавое жертвоприношение.

Бауло А. В., доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: bau194@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2015.

Baulo A. V.

NORTHERN MANSI 1986 FIELD NOTES BY I. N. GEMUEV

The paper presents the field notes of I. N. Guemuev made during his trip to the Northern Mansi community in 1986 and the comments of the author. The field data mostly describe the ceremonies of the Mansi life circle but also include the description of diet restrictions, worshipping the family's guardian spirits, some sacred places. The ceremony held at womens' sacred place Araschkan in the village of Novinskie is described in detail.

Key words: *Mansi, ceremony, sacrifice, burial, matchmaking, spirits.*

References

Gemuev I. N. *Mirovozzreniye mansi: Dom i Kosmos* [Worldview of Mansi Home and Space]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 232 p. (in Russian).

Gemuev I. N. *Dnevnik Pripolyarnogo etnograficheskogo otryada Instituta istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR 1984 g.* (Podgotovka k pechatu, predisl. i primech. A. V. Baulo) [Diary of the Circumpolar Ethnographic squad Institute of History, Philology and Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR in 1984 (Preparation for printing, foreword. and notes. A. V. Baulo)]. Hanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Area in the mirror of the past]. Tomsk, TSU Publ., 2012, no. 10, pp. 381–407 (in Russian).

Gemuev I. N., Baulo A. V. *Svyatilishcha mansi verkhov'ev Severnoy Sos'vy* [Sanctuary of the headwaters of the North Sosva Mansi]. Novosibirsk, Izd-vo IAEt SO RAN Publ., 1999. 240 p. (in Russian).

Gemuev I. N., Sagalaev A. M. *Religiya naroda mansi. Kul'tovyye mesta XIX – nachalo XX v.* [Religion of Mansi people. Religious places of XIX – early XX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 190 p. (in Russian).

Baulo A. V.

Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy.

Pr. Akad. Lavrent'eva, 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: bau194@ngs.ru

Бернатоните А. В.

СПЕЦИФИКА ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РОССИЙСКОМ И СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1910–1940-Х ГГ.

Рассмотрены некоторые аспекты проявления западноевропейского антисемитизма в первой половине XX в. и дана ретроспекция отношения к евреям как к этносу в дореволюционной России и в ранний советский период, выявленная на основе анализа специфического источника – фильмов 1910–1940-х гг. Основная задача – показать национальные черты еврейского характера, проявившиеся в дореволюционном и советском кинематографе. В результате было выявлено, что в дореволюционном кинематографе акцент сделан на мелодраматических сюжетах, вызывающих сочувствие к еврейским бедам и предлагающих воспринимать евреев как обычных людей. В советском кинематографе раскрываются темы еврейского быта, участия евреев в февральской революции, а также затрагиваются события, связанные с переселением евреев в Крым и Биробиджан.

Ключевые слова: *национальная идентичность, еврейский характер, антисемитизм, еврейский быт в дореволюционном кино, отражение участия евреев в революции в советском кинематографе, переселение евреев.*

Еврейская культура всегда являлась частью мировой культуры. Не имея земли и будучи разбросанными по разным уголкам света, евреи как нация всегда умели сохранять национальную самоидентичность, что выразилось не только в языке (в данном случае речь идет об идиш, поскольку пока иврит был мертв, евреи говорили на довольно оригинальном языке, соединившем в себе семито-германские стилевые признаки), но и в соблюдении традиций и праздников.

Евреям всегда были присущи яркие черты, которые выражались в манере разговаривать, одеваться, вести себя и даже каким-то особо специфическим образом есть фаршированную рыбу и просто передвигаться по улице. Евреев отличали не только пейсы, головные уборы и картавость, но и комплекс поведенческих манер, выражающихся в том, как еврей располагался в окружающем его пространстве, и делал это он с максимумом комфорта для себя, извлекая пользу из обстоятельств, в которых он волею судеб оказался. Вопросами еврейской идентичности занимался в XX в., в частности, Ж.-П. Сартр, который считал, что еврей – это не национальность, а отношение окружающих к человеку (Сартр, 2006: 214). М. Вебер, известный историк и социолог, полагал, что еврейская идентичность связана с религиозными устоями нации, то есть с иудаизмом, в котором он не видел потенциала для дальнейшего развития (Вебер, 1990). М. Бубер – философ-экзистенциалист еврейского происхождения считал, что еврейство невозможно втиснуть в рамки каких-либо классификаций и схем (Бубер, 1999).

В российской науке эта тема была поднята в 1980 – начале 1990-х гг. и решалась в основном на уровне социологии и психологии. Так, Ц. Гительман говорит о размытости еврейского самосознания, поскольку многие называют себя русскими евреями (Гительман, 2008: 2–8). Е. Носенко подчеркивает сложность сохранения национальной идентичности при большом количестве смешанных браков (Носенко, 2011: 48). А. Милитарёв ставит под сомнение наличие еврейства как цивилизации и даже культурного типа, а трактует его как символ и неизбежность, о которой часто и по любому поводу напоминают лицам еврейской национальности (Милитарёв, 2002: 139–142).

В отношении евреев всегда существовали и существуют определенные стереотипы, остававшиеся неизменными в истории и носящие универсальный характер. Повсеместно на обывательском уровне евреев считают жадными и скупыми, подлыми и склонными к легкой наживе. Эти шаблонные представления в первую очередь рождены теми обстоятельствами, в которые исто-

рически еврейский народ попадал, а потому вынужден был проявлять те качества, которые помогали выжить или пережить катаклизмы с наименьшими потерями.

На самом деле, практически каждое отрицательное качество можно объяснить в контексте истории, и тогда акценты смещаются, и они перестают быть таковыми. Например, миф о еврейской жадности связан с тем, что основной процент ростовщиков в Европе приходился именно на эту нацию. Еврей знал, что каждый день может стать последним, что завтра опять – изгнание и голод, а потому он откладывал каждую монету и занимался накопительством. К этому его мог направлять даже не личный, а исторический опыт его народа, в связи с чем можно перекалифицировать еврейскую жадность в бережливость. Скупость основана на том же историческом опыте, но с некоторой нюансировкой. Свои деньги евреи отдавать боялись, поскольку любой считал в удовольствие их обмануть, а потому проценты были гарантией возврата денег. Евреи никогда не наживались ценой человеческой жизни, чаще всего путем торговых и финансовых сделок, а подчас и махинаций. Таким образом, говоря о «еврейской скупости», следует иметь в виду их осторожность.

Что касается так называемой «еврейской подлости», то здесь уже сложнее найти логические аргументы, поскольку это качество не имеет национальной окраски и распространяется повсеместно.

Отрицательные качества уже потому не могут быть в принципе характерны для евреев, поскольку этот народ не просто религиозен, но и богобоязнен, при том, что иудаизм практически лишен веры в загробную жизнь и в наказание после смерти. Поскольку бог нужен не мертвым, а живым, то соответственно каждый еврей должен жить по правилам Торы, проявляя лучшие человеческие качества. Если у еврея чего-то в жизни не хватает и где-то возникли проблемы, значит, он плохо молился, поскольку каждый еврей убежден, что через молитву можно изменить себя и мир как материальный, так и духовный. Евреи в «соавторстве с Богом» совершенствуют мироздание, а идея богоизбранничества народа связана не с тем, что он лучший из всех живущих на земле, а с тем, что через молитву, любовь к учению, учености (неслучайно называли евреев «Народ Книги»), труду будет установлена связь с Богом, и мир усовершенствуется хоть на малую его часть.

Таким образом, можно сделать вывод, что шаблоны и стереотипы относительно национального еврейского характера имеют под собой только ситуативную основу, однако ни на этическом, ни на генетическом уровне вышеперечисленные качества не могут быть отмечены и определены как закономерность.

Интересно, что в России к евреям относились достаточно лояльно и с их мнением даже считались, хотя у российской аристократии было достаточно пренебрежительное отношение и к еврейской нации в целом, и к отдельным ее представителям, и факт наличия антисемитизма отрицать нельзя. Можно говорить о том, что первой официальной антисемиткой была Екатерина Великая, которая ввела в 1791 г. черту оседлости для евреев, а также ввела насильственную германизацию евреев, проживающих в Польше и Прибалтике (Каменский, 1997).

В России в начале XX в. отношение к евреям отличалось полярностью. С одной стороны, еврейские погромы, которые часто доводили до полной нищеты даже богатых представителей этой национальности, с другой стороны, во многих городах не только России, но и Белоруссии, и Прибалтике еврейское население составляло чуть ли не большинство даже по сравнению с коренным этносом, а потому евреев не только уважали за их денежные взносы в фонд города, но и с их мнением считались. Перед Российской империей встал вопрос, как уйти от национальных конфликтов, поскольку периодические погромы в разных областях еще более усилили враждебное отношение к евреям как этносу. Именно кинематограф в дореволюционной России взял на себя миротворческую миссию, убрав предрассудки и предвзятость к евреям, показав их как обычных людей внутри своего быта и образа жизни.

Цель данной статьи – проанализировать, как изображался в фильмах еврейский национальный характер в дореволюционном российском кинематографе и кинематографе первых советских десятилетий.

На основе исследований истории развития российского кинематографа можно выявить ряд тенденций, которые способствовали созданию еврейского кино. Во-первых, евреи сыграли значительную роль в становлении кинематографа в России в целом. Общеизвестно, что благодаря их усилиям было открыто много кинопрокатных контор и стационарных кинотеатров в ряде русских городов. Во-вторых, внутри черты оседлости евреев создавались фирмы по производству фильмов и киноателье, как, например, в Одессе, Риге, Киеве. В-третьих, официально запрещенный, но все-таки существовавший еврейский театр, давал базовый материал как для сюжетов фильмов на еврейскую тему, так и актеров, которые были евреями и знали особенности национального характера изнутри.

Как писал один из исследователей вопроса становления еврейского кино Е. Докиневич: «...Если еще учесть, что стиль жизни еврейских местечек был чрезвычайно ярко и многообразно запечатлен в национальной литературе и драматургии и тем самым давал художественно оформленные темы для экранизации и что все это привлекало неизменно сочувственное внимание российского общественного мнения и участия русской художественной культуры и деятелей русского кино, то причины и предпосылки возникновения такого феномена, как еврейское кино России, становятся совершенно понятны» (Докиневич, 26.12.2014).

Первые фильмы о евреях имели библейские сюжеты и рассказывали о событиях из истории Иудеи, в которых иудейская история трактовалась предвзято, а о современной жизни евреев в России фильмы не снимались. В результате в период с 1911 по 1917 г. было снято 120 художественных и документальных фильмов на еврейскую тему. Из наиболее значимых фильмов следует отметить: «Скрипка» 1911 г., реж. К. Ганзен (соавтор фильма «Лехаим» – «За жизнь»); «Бог мести» 1912 г., реж. А. Аркатов и Ш. Аш; «Горе Сарры» 1913 г., реж. А. Аркатов; «Леон Дрей» 1914 г., реж. Е. Бауэр; «Трус» 1914 г., реж. Б. Глаголин, Р. Унгерн, по сценарию А. Куприна. Большинство из них рассказывало о жизни евреев в России конца XIX – начала XX в.

Обилие фильмов на библейские темы породило в кругах еврейской общественности многих западных российских городов с преобладанием еврейского населения запрос на фильмы о современной еврейской жизни и желание увидеть на экране еврейский быт без приукрашивания, т. е. таким, каков он есть на самом деле. Требование было выполнено К. Ганзеном, русским режиссером еврейского происхождения, и Морисом Мэтром, евреем из Франции, которые сняли фильм «Лехаим» и тем самым заложили новую кинематографическую тенденцию в подходе к еврейской теме. В их фильме евреи предстали как реальные люди с реальными проблемами, а не герои библейских историй – в лучшем случае, в худшем – комических кинозарисовок, которые представляли этнические особенности евреев не в лучшем свете.

Сюжет первого фильма соприкасался с привычным российскому зрителю клише мелодрамы. Жена не любит мужа, и это видно еще на свадьбе, которая показана по всем еврейским канонам. Родив ребенка, она так и не может успокоиться, и однажды ее возлюбленный уводит ее из дома мужа. В финале фильма показана логическая развязка – уважаемая дама с ребенком лет 8 приходит к некоему мужчине (к бывшему мужу), живущем в бедноте и беспросветной пьянке. Она понимает, что стала причиной всех несчастий своего законного супруга, но когда мужчина осознает, кто был его гостем, он окончательно сходит с ума от горя. Русский зритель в этом фильме увидел «человеческое лицо» еврейской национальности. Обсуждая проблемы быта, семьи, супружеской неверности и даже предательства, окунувшись в атмосферу еврейских традиций и обычаев, русский зритель был близок к более внятному пониманию специфики еврейского характера. Следует отметить, что по ходу просмотра фильма зрители (многие впервые) познакомились со многими деталями еврейского быта, которые прежде им были неизвестны: из

обычаев они увидели сговор и свадьбу, но, что важнее, они стали понимать святость субботы для каждого еврея и ее принципиальное отличие от будничных дней, выраженное в торжественности, манере субботнего поведения и даже в одежде. Фильм сыграл позитивную роль в создании образа положительного еврея, так как прежде евреи выставлялись в карикатурном аспекте и с набором отрицательных качеств. Благодаря картине «Лехаим» пришло понимание, что еврей «тоже человек», который любит и страдает и может быть честным и по-настоящему великодушным.

Фильм имел успешную прокатную судьбу как в России, так и в Европе. Следует также отметить, что в основе сюжета лежит еврейская песня о несчастном покинутом муже, а само кинематографическое время насчитывает только 9 минут, в течение которых зритель погружается не только в быт, но и чувствует душу еврейского народа, поскольку каждый персонаж типизирован. Фильм шел в Могилеве семь дней при полном аншлаге, что неудивительно в силу этнического состава населения этого города. Однако тот факт, что и Москва пережила своеобразный культурно-этнический шок после проката данного фильма на московских экранах в 1911 г., указывает на знаковую роль этого фильма в истории кино.

На основе просмотренных фильмов в результате анализа отдельных сюжетных линий и деталей можно прийти к выводу, что еврейское кино тематически решало ряд этносоциальных проблем.

Во-первых, оно показывало особенности еврейского этноса таким образом, что позволяло принять евреев как нацию, имеющую равные права проживания на российской территории с людьми другой национальности и в итоге служило примиряющим началом. Во-вторых, открывало новые грани еврейского национального характера и ломало стереотипы, показывая своеобразие еврейского мышления и привычек, а также широкий спектр нюансов еврейского самосознания. В-третьих, анализировало процессы, пагубно влияющие на национальную самостоятельность евреев и приводящие к ассимиляции, что проявлялось через смешанные браки и отказ от иудаизма.

Фильм «Лехаим» сыграл значительную роль в отношении русских к евреям, а также сформировал некий канон при подаче еврейской темы в кинематографе. Можно привести немало примеров, где показаны трагические аспекты повседневной жизни отдельно взятого еврея, и часто они связаны с традициями и обычаями. Трагедия героев фильма «Лехаим» в том, что родители совершили свадебный сговор, не спросив невесту о ее чувствах. Но так было принято во многих других культурах, не только у евреев.

В кинокартине «Горе Сарры» трагедия героев более глубоко связана с их этнической принадлежностью. Фильм интересен и тем, что главную роль еврейского несчастного мужа исполнил Иван Мозжухин, и это первая его крупная роль, с которой началась актерская карьера великого лицедея. Муж и жена любят друг друга, но у них нет детей. Врач ставит мужчине бесплодие, и теперь по иудейским законам жена обязана развестись с мужем и уйти из его дома, так как не соблюдается первая заповедь Торы «плодитесь и размножайтесь». Но женщина не хочет этого делать и тогда раввин идет на обман, который заканчивается самоубийством мужа, но, чувствуя перед ним определенную ответственность, иудейские служители культа хоронят его по строгим еврейским традициям (самоубийство в иудаизме еще более тяжкий грех, чем в христианстве). В финале женщина безутешна, и она беременна, но изменить уже ничего невозможно.

Фильм знакомит широкую российскую общественность с еврейскими обычаями и традициями, но вместе с тем подводит трагическую основу под события. Сегодня ответить на вопрос, с чем связан трагизм еврейских фильмов, практически невозможно. Однако можно сделать некоторые выводы. Во-первых, желание вызвать жалость и сочувствие к евреям. Во-вторых, показать, насколько строги ортодоксальные принципы еврейского бытия, и, следовательно, народ

должен вызывать не усмешку и презрение, а сочувствие. В-третьих, использование мелодраматических сюжетных ходов, понятных и любимых русским зрителем.

Спад интереса к еврейскому кино в дореволюционной России был обусловлен «делом Бейлиса» (1911–1913). Ситуация была странная: в 1911 г. был убит двенадцатилетний ученик духовного училища Андрей Ющинский. Несмотря на то, что сразу был установлен следствием факт убийства на бытовой почве, но некоторым особо антисемитски настроенным следователям хотелось представить смерть мальчика как ритуальное убийство, совершенное евреями. В 1913 г. в качестве обвиняемого перед судом предстал Менахем Мендель Бейлис, и хотя он был полностью оправдан, в обществе усилились антиеврейские настроения и, как следствие, новый виток черносотенного движения, увеличение числа еврейских погромов. Правительство запретило идиш, вмешалось в еврейскую культурную жизнь, закрывая театры и кинотеатры, тем самым усугубив антисемитские настроения (Грингмут, 1907).

Традиция погромов и издания антиеврейских указов в России существовала всегда, и часто евреи оказывались виноваты в социальных и политических беспорядках даже в тех случаях, когда в первую очередь страдали сами. В 1881 г. граф Игнатъев, после череды погромов, докладывал царю и повсеместно убеждал генерал-губернаторов в том, что евреи как в религиозном, так и в экономическом и социальном плане несут вред. «Так совершилось невероятное: разоренное, ограбленное еврейское население, которое имело право предъявить иск к незащитившему его правительству, само было предано суду этим же правительством. В каждую комиссию без права голоса допускались в качестве экспертов два представителя еврейского общества, игравшие как бы роль подсудимых...» (Дубнов, 1923: 28).

Со сменой эпох сменилось и отношение к еврейской нации. Если в дореволюционном кино по отношению к еврейству употреблялись слова «горе», «несчастье», «трагедия», «гибель», то доминантным понятием в советском кинематографе при разворачивании истории, связанной с еврейским народом, стало слово «счастье», которое часто звучало и в названии фильмов, как, например, «Еврейское счастье» или «Искатели счастья».

Новая власть в процессе своего становления начинает искать опору в евреях и с материальной, и с моральной точки зрения. Советский кинематограф на заре своего существования показывал евреев как нацию, по духу близкую новой революционной породе русских людей. Раскрытие еврейского национального характера в основном осуществлялось на уровне анализа еврейского быта, участия евреев в большой политике (в становлении советской власти, например), а также переселения евреев на новые земли (Крым, Биробиджан).

В сценах, касающихся национального быта, советский кинематограф показывал евреев как принадлежавших к мещанскому классу, разделяя их на очень богатых и очень бедных. Наиболее показателен в этом плане фильм А. Грановского «Еврейское счастье» (1925). Богатые евреи показаны как дореволюционные российские мещане, ничем не отличающиеся от них ни по образу жизни, ни по манере одеваться, ни по привычкам и поведенческим схемам. Можно сказать, что они просты в своей примитивности, поскольку богаты, и иронический контекст в данном случае кроется именно в отсутствии национальных специфических черт. Бедные же евреи, среди которых и главный герой Менахем Мендель, в исполнении Соломона Михоэлса, очень колоритны и являют собой именно ярких представителей еврейства. (Уже только по причине участия в кинопроцессе Соломона Михоэлса, известного советского театрального деятеля, фильм занял знаковое место в истории кино, включая и тот факт, что в качестве оператора здесь выступил Эдуард Тиссэ, снявший лучшие фильмы Сергея Эйзенштейна, а в основе сценария данного фильма – рассказы Шолом-Алейхема.)

Если говорить о внешнем виде героев фильма (насколько они отражают облик евреев), то можно отметить, что женщины выглядят несколько тяжеловесными, у них длинные в пол юбки, на голове платки. Во всех фильмах, не только в этом, женщин отличает привычка убирать пла-

ток за уши таким образом, что уши открыты и несколько нелепо и смешно торчат, а голова полностью покрыта платком. Традиции «кисуй рош» (покрытия головы) в разных еврейских общинах отличаются, в данном случае речь идет о Могилеве и Бердичеве, и в фильме демонстрируется манера носить платок еврейскими женщинами именно данной местности.

Соломон Михоэлс в роли Менахема Менделя. Фильм «Еврейское счастье» (1925). Режиссер А. Грановский

Мужчины в сюртучках несколько не по росту, на голове котелок или фуражка, весь костюм отличается бедностью, но достаточно опрятен. Какой бы социальный статус у еврея ни был, две детали обязательны: наличие галстука или как минимум шейного платка и жилетки.

Также очень важно, как еврей обставляет ритуал еды, и в этом фильме есть несколько сцен, с ней связанных. В повседневной жизни еврей, следуя заповедям Торы, ест определенную пищу, не смешивает молоко с мясом и стремится к чистоте (кошерности) еды. Нищий еврей, снимающий комнаты за копейки, чинно сидит за столом и аккуратно и с чувством собственного достоинства ест фаршированную рыбу. Этот эпизод подчеркивает мысль о том, что еврей и в богатстве, и в бедности останется евреем и будет делать то, что испокон века делали представители его национальности. Также интересна в контексте традиций сцена с чинным обедом в доме мещанина-еврея, дочь которого в качестве протеста против самодурства отца подменила еду в супнице живыми голубями, тем самым испортив процесс святости трапезы. В данном поступке дочери к отцу содержится контекстуальная ирония, связанная с представлениями евреев о себе. Во-первых, еврейский народ сравнивается с голубем, не находящем себе нигде покоя. Во-вторых, голубь является символом девственности и непорочности, о чем, видимо, дочь и хочет заявить отцу, желающему выдать ее замуж. Она слишком хороша и непорочна и будет выбирать женихов сама. «Голубка была у евреев символом девственности и чистоты: в одном из толкований Мишны... как покровительница Израиля» (Прудникова, 2007: 490).

Общеизвестен тот факт, что походка и манера разговаривать у евреев ярко индивидуальны. Михоэлс придумал для своего героя интересную манеру двигаться: периодически он пружинит

всем телом, держа руки на уровне груди и параллельно помахивая обеими кистями, что делает Менахема Менделя необычайно трогательным и смешным. Сюжет фильма прост. Бедному еврею не везет, при любой попытке заработать деньги он оказывается в тупиковой ситуации. В силу обстоятельств он решает стать сватом, и на этом поприще его также не ждет успех, но чтобы все закончилось хорошо, Менахем виртуозно выкручивается из тупика, который сам же и создал. Из характерных еврейских черт в этом фильме отмечены невезучесть и мечтательность, желание любой ценой заработать деньги и готовность их в любой момент потерять, умение не унывать и находить выход из любой ситуации. История еврейства показывает, что наличие этих черт привело нацию к нахождению возможности приспособиться к любой стране, работе, времени. Именно такие черты еврейского характера позволили не ассимилироваться этому народу и не раствориться в среде других.

В контексте выстраивания взаимоотношений между русскими и евреями достоин упоминания фильм «Кварталы пригорода» (1930), режиссер Г. Гичер. Если в дореволюционном кинематографе осуждались межнациональные браки, как ведущие к ассимиляции, то в советском кино, наоборот, клеймили тех, кто выступал против еврейско-русских браков. Дора (Ната Вачнадзе) любит Василия и приходит к нему в семью. Родители с обеих сторон против, но если еврейская мама выразила свое недовольство, поплакала и вручила дочери в качестве наследства курицу, то русская мама стала настраивать своего сына против еврейской невестки; сын встал на сторону матери и начал издеваться над женой. Дело дошло до комсомольского собрания и коллективного осуждения, но там Дора выступила в защиту своего мужа. В этом фильме категорично отрицается возможность конфликтов в быту на уровне неприятия национальности одного из супругов и, соответственно, заявляется о допустимости и нормальности браков между евреями и русскими.

Взаимоотношения евреев с политикой советское кино решало прямолинейно и однозначно. В основном было показано участие евреев в революции 1905 г., террористических актах против царизма, и, таким образом, обыгрывается значительная роль еврейского народа в приходе к власти Советов. Фильм «Вопреки воли родителей» («Мабул») (1926), режиссер Е. Иванов-Барков рассказывал об умной еврейской девушке, приехавшей из провинции в Петербург учиться и оказавшейся в гуще политических событий и приговоренной к смертной казни за участие в террористических актах. Поступки революционно настроенной молодежи привели к еврейским погромам. Фильм дважды перемонтировался, но был в обеих версиях запрещен за то, что евреи показаны, по мнению советского правительства, недостаточно убедительно и подчас даже нелицеприятно. Во-первых, нет революционеров среди рабочих евреев, показаны только выходцы из буржуазной среды. Во-вторых, показана излишняя еврейская жестикуляция, а также герои-евреи даны с позиции отрицательных качеств, как то трусость и предательство, что не может вызывать симпатии зрителя. В-третьих, сцены еврейских погромов содержат лишние детали, а показ еврейской пасхи недопустим в принципе.

Несколько иначе был властями воспринят фильм «Его превосходительство» («Губернатор и сапожник» / «Гирш Леккерт» / «Губернатор» / «Евреи») (1927), режиссер Г. Рошаль. Фильм основан на реальном событии, произошедшем в 1902 г., и рассказывает о покушении еврейского рабочего-сапожника на Виленского губернатора. В этом фильме режиссер политически грамотно, по мнению советской цензуры, преподнес материал в контексте национальных характеров: раввин показан как одержимый, предающий своих и проклинающий приемную дочь за то, что она связалась с революционерами, а евреи, героически организовывающие террористический акт, обладают набором качеств, вызывающих у зрителя симпатии, – смелые, упорные, бесстрашные, целенаправленные.

Проблемам переселения евреев в засушливые земли Крыма посвящен фильм А. Роома по сценарию В. Маяковского «Евреи на земле» (1927). Эта кинолента осталась единственным до-

кументальным свидетельством того, что в Крыму были созданы колонии евреев-переселенцев. Режиссер сделал акцент на таких чертах еврейского характера, которые позволили им выжить и адаптироваться на новых землях: упорство, трудолюбие, умение принимать обстоятельства как данность и получать из них максимальную выгоду. Евреи в Крыму обжили земли, вырастили урожай, построили жилье и поняли, что для полного комфорта им не хватает хлеба. Путем невероятных усилий хлеб был выращен. За 17 минут фильм показывает целый спектр характерных черт многогранного еврейского менталитета. Но любопытен тот факт, что современные исследователи истории Крыма и еврейского переселения утверждают абсолютно противоположное Роому: «Еврейские земледельческие поселки – „колонии“, кое-где существовавшие до революции, являли собою картину унылую и безотрадную: небрежно обработанные поля, в жалком виде хозяйственные постройки. Советское правительство отвело большие площади первоклассной земли для поселения евреев-земледельцев. Больше всего в Крыму – свыше 342 тысяч гектаров...» (Дикий, 1994: 98).

Фильм В. Корша-Саблина «Искатели счастья» (1936) рассказывает о том, как евреи со всего мира ехали заселять Биробиджан. Откуда приехали главные герои, зритель так и не узнает, но на протяжении всего экранного времени будет звучать, что они «из-за рубежа». Называются Польша, Белоруссия, Украина, Прибалтика, Германия как страны, откуда буквально потоком хлынули евреи в поисках земли обетованной на Дальнем Востоке. Опять же акцент делается на семейственность, трудолюбие и чувство ответственности. Есть и отрицательный еврейский типаж (он один), где сублимированы все клишированные негативные черты характера: не работать, но сладко есть, подличать, разыгрывая святость, быть готовым на все, даже на убийство, ради собственного обогащения.

На Марии Блюменталь-Тамариной (Двойра) видна манера завязывать платок, характерная для евреек района Житомир–Бердичев–Львов. Фильм «Искатели счастья» (1936). Режиссер В. Корш-Саблин

Исходя из специфики подачи еврейского национального характера в дореволюционном и советском кинематографе, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в дореволюционном кинематографе для раскрытия еврейской темы использовались мелодраматические сюжеты, где

герои оказывались в судьбоносных ситуациях. Цели были связаны с тем, чтобы объяснить зрителю, что евреи – это обычные люди с реальными проблемами. А также вызвать к ним сочувствие и жалость и только в последнюю очередь познакомить с обычаями, традициями, национальной спецификой. Во-вторых, в советском периоде русского кинематографа, наоборот, еврейство показывалось как неотъемлемый участник социальных изменений, принимавший участие в революционных и террористических актах, освоении новых земель,двигающийся навстречу всему русскому и готовый к ассимиляции. И если в дореволюционном кино за еврейской жизнью прочно закрепилось понятие «горя», то в советском – стремление к «счастью» и к достижению желаемого при любых обстоятельствах.

Список литературы

- Бубер М. Два образа веры. М., 1999.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные труды. М., 1990. С. 61–272.
- Гительман Ц. Беспокойный век. Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней // Новое литературное обозрение. М., 2008. С. 2–8.
- Дикий А. Евреи в России и в СССР. Новосибирск, 1994.
- Докиневич Е. Еврейское кино в дореволюционной России. URL: <http://in-music.su/theatre/theatre.php> (дата обращения: 26.12.2014).
- Дубнов С. М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Москва – Петроград, 1923.
- Грингмут В. А. Русские и евреи в нашей революции. М., 1907.
- Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
- Милитарёв А. Ю. Идентичность и судьбы еврейской диаспоры в России // Диаспоры. М., 2002. № 4. С. 139–142.
- Носенко Е. Э. Еще раз о еврейской исторической памяти и антисемитизме // Диаспоры. М., 2011. № 2. С. 40–63.
- Прудникова Е. А. Земля Богородицы. М., 2007.
- Сартр Ж-П. Размышление о еврейском вопросе // Портрет антисемита. М., 2006.

Фильмография

- Скрипка [Кинофильм] / реж. К. Ганзен. 1911.
- Лехаим [Кинофильм] / реж. К. Ганзен, А. Мэтр. 1911.
- Бог мести [Кинофильм] / реж. А. Аркатов, Ш. Аш. 1912.
- Горе Сары [Кинофильм] / реж. А. Аркатов. 1913.
- Леон Дрей [Кинофильм] / реж. Е. Бауэр. 1914.
- Трус [Кинофильм] / реж. Б. Глаголин, Р. Унгерн. 1914.
- Еврейское счастье [Кинофильм] / реж. А. Грановский. 1925.
- Вопреки воли родителей (Мабул) [Кинофильм] / реж. Е. Иванов-Барков. 1926.
- Его превосходительство (Губернатор и сапожник / Гирш Леккерт/ Губернатор / Евреи) [Кинофильм] / реж. Г. Рошаль. 1927.
- Евреи на земле [Кинофильм] / реж. А. Роом. 1927.
- Кварталы пригорода [Кинофильм] / реж. Г. Гичер. 1930.
- Искатели счастья [Кинофильм] / реж. В. Корш-Саблин.

Бернатоните А. В., кандидат искусствоведения, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: ada_bernaton@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2015.

Bernatonite A. V.

SPECIFICS OF JEWISH NATIONAL CHARACTER IN RUSSIAN AND SOVIET CINEMATOGRAPHY 1910–1940

This paper analyzes some of the aspects of Western-Europe's anti-Semitism. A retrospect of the ethnical treatment of Jews in pre-revolutionary Russia and the Soviet Union of the 1920s–1940s, the paper focuses on the way the Jewish national character is represented in pre-revolutionary and Soviet cinema. The pre-revolutionary Russian cinema, featuring mainly melodramatic storylines, makes the audience feel sympathy for the Jewish misfortune, thus suggesting the viewers to see the Jew as a fellow man. In contrast, the Soviet cinema depicts the traditional Jewish way of life, representing the Jewish involvement in the February Revolution of 1917, partly portraying the events of Jewish resettlement in the Crimea, as well as the resettlement of Jews in the Far Eastern Jewish Autonomous Region.

Key words: *national identity, Jewish national character, antisemitism, the traditional Jewish way of life depicted in the pre-revolutionary Russian cinema, the Jewish involvement in the Russian Revolution as portrayed in the Soviet cinema, Jewish resettlement (in the Crimea), the resettlement of Jews (in the Far Eastern Jewish Autonomous Region).*

References

- Buber M. Dva obraza very [Two Types of Faith]. Moscow, 1999 (in Russian).
- Weber M. Protestanskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, 1990. Pp. 61–272 (in Russian).
- Gitelman Ts. Bepokoyunny vek. Evrei Rossii i Sovetskogo Soyuz s 1881 g. do nashikh dney [The Restless Age: the Jews of Russia and the Soviet Union (1881 to present)]. *Novoe literaturnoe obozreniye – The New Literary Review*. Moscow, 2008, pp. 2–8 (in Russian).
- Dikiy A. *Evrei v Rossii i v SSSR* [The Jews in (Czarist) Russia and the USSR]. Novosibirsk, 1994 (in Russian).
- Dokinevitch E. *Evreyskoe kino v dorevolutsionnoy Rossii* [The Jewish cinema in pre-revolutionary Russia]. URL: <http://in-music.su/theatre/theatre.php> (accessed 26.12.2014) (in Russian).
- Dubnov S. M. *Evrei v Rossii i Zapadnoy Evrope v epokhu antisemitskoy reaktsii* [The Anti-Semitic Era: the Jews in Russia and Western Europe]. Moscow – Petrograd, 1923 (in Russian).
- Gringmut V. A. *Russkie i evrei v nashey revolyutsii* [The Peasant Revolution in the Making: the Russians and the Jews]. Moscow, 1907 (in Russian).
- Kamenskiy A. B. *Zhizn' i sud'ba imperatritsy Ekateriny Velikoy* [The Life and Fate of Catherine the Great]. Moscow, 1997 (in Russian).
- Militarev A. U. Identichnost' i sud'by evreyskoy diaspor v Rossii [The Jewish identity and the fate of the Jewish diaspora in Russia]. *Diaspora – The Diaspora*. Moscow, 2002, no. 4, pp. 139–142 (in Russian).
- Nosenko E. A. Eshche raz o evreyskoy istoricheskoy pamyati i antisemitizme [The Jewish historical conscious and the Anti-Semitism rediscovered]. *Diaspora – The Diaspora*. Moscow, 2011, no. 2, pp. 40–63 (in Russian).
- Prudnikova E. A. *Zemlya Bogoroditsy* [The Land of the Virgin Mary]. Moscow, 2007 (in Russian).
- Sartre J.-P. Razmyshlenie o evreyskom voprose [Anti-Semite and Jew]. *Portret antisemita – The Portrait of the Antisemite*. Moscow, 2006 (in Russian).

Filmography

- Hansen K. (Director). (1911). *Le Violon* [Motion picture]. France.
- Hansen K. (Director) & Maître, M. (Director). (1911). *To Life/L'khaim (Lekhaim, L'Haim, L'chaim, Za Zhizn)* [Motion picture]. Russia: Yuri Morozov Archive.
- Arkato A. (Director) & Asch, Sh. (Director). (1912). *God of Vengeance ('Bog mesti'/Got fun Nekome)* [Motion picture]. Russian empire.
- Arkato A. (Director). (1913). *Sorrows of Sarah ('Gore Sarri'/Sore's Grief)* [Motion picture]. Russia: Yuri Morozov Archive.
- Bauer E. (Director). (1914). *Leon Drei (Lady-Killer)/Leon Drey ('Pokoritel' zhenskikh serdets')* [Motion picture]. Russia.

- Glagolin B. (Director) & Ungern, R. (Director). (1914). *The Coward* ('Trus') [Motion picture]. Russia.
- Granovsky A. (Director). (1925). *Jewish Luck* ('Evreyskoe schaste' / Yidishe Glikn) [Motion picture]. UDSSR.
- Ivanov-Barkov E. (Director). (1926). *The Deluge (Against Fathers' Will) / Der Mabul* [Motion picture]. UDSSR: Yuri Morozov Archive.
- Roshal G. (Director). (1927). *His Excellency, AKA Seeds of Freedom / The Governor and the Shoemaker / Yevo Prevoshoditelstvo a.k.a. Hirsch Lekert (Zayn Ekstselyents)* [Motion picture]. UDSSR, USA.
- Room A. (Director). (1927). *Jews and the land* ('Evrei na zemle') [Motion picture]. Soviet Union: Yuri Morozov Archive.
- Gricher-Cherikover G. (Director). (1930). *Suburban Quarters* ('Kvartaly predmest'ya') [Motion picture]. Soviet Union.
- Korsh-Sablin V. (Director). (1936). *A Greater Promise* [Motion picture]. Soviet Union.

Bernatonite A. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: ada_bernaton@inbox.ru

Соболевский А. В.

ОБРАЗ ЖЕНЩИН ИНЫХ КУЛЬТУР В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI ВЕКА

Статья посвящена восприятию женщин иных культур в русской литературе XVI в. Автор приходит к выводу, что женщинам иных культур приписывались серьезные отклонения от принятой на Руси модели женского поведения. При этом такое отклонение выступало как негативная характеристика, в то время как при описании уклада жизни иных стран эти отклонения часто воспринимались нейтрально или с сочувственным интересом.

Ключевые слова: *Русское централизованное государство, русская литература, «образ другого», история женщин.*

В современной исторической науке все большее распространение приобретают исследования, посвященные «образу другого», формирующегося в различных взаимодействиях, прежде всего межэтнических. Существует уже и название для соответствующей исторической субдисциплины, развивающейся в рамках историко-антропологического направления исследований – имагология (Репина, 2012: 13), хотя оно пока не институционализировано в полной мере.

Становится все более очевидной возможность выявления определенных законов конструирования образа национального характера и уклада жизни иного этноса, в частности роль психологических факторов, вызывающих не всегда правомерное обобщение единичного, обращение внимания на те из единичных фактов, которые наиболее соответствуют заранее сформированным ожиданиям, и др. (Репина, 2012: 15). В то же время мы полагаем необходимым отказаться от категорических суждений на этом основании относительно соответствия этих образов исторической реальности. Если иностранный путешественник отмечает, например, свободу сексуальных нравов или распространенность бытового насилия в описываемом им обществе, то из того факта, что именно такого рода обвинения являются весьма распространенными при создании образа иной культуры, не следует делать вывода, что они не имеют под собой фактологической основы.

Яркое подтверждение стереотипности первого обвинения дает, конечно, хорошо известный в литературе XVI в. рассказ начальной русской летописи (входившей в состав большинства сводов) о том, что из всех восточнославянских племен лишь поляне, несмотря на свое язычество, отличались «стыдением», в том числе и в отношениях между мужчинами и женщинами, прочие же племена поголовно записываются в имеющие «звериный», «скотский» обычай (Летописный сборник, 2000: 5). Общепринятым является толкование этого пассажа как сугубо тенденциозного, обусловленного лишь тем, что поляне для его автора были «своими». И это, по-видимому, действительно так, поскольку рациональных оснований считать уклад частной жизни полян в корне отличным от соседей не просматривается.

Приведем, однако, и пример обратного характера. Отталкиваясь от того же тезиса о стереотипности межэтнического восприятия, Г. С. Зеленина предполагает, что обвинения иностранных путешественников в широком распространении в России XVI–XVII вв. содомии (гомосексуализма) являются лишь следствием предвзятой интерпретации шуточных или бранных высказываний на эту тему, тогда как на Западе публичное обсуждение этого было табуировано (Зеленина, 2002: 201). В то же время от внимания автора, склонного считать свидетельства пенитенциарной и нравоучительной литературы «следованием закону жанра», как будто ускользает, что отечественные публицисты именно начиная с XVI в. настойчиво «бьют тревогу» по поводу распространения того же содомского греха, который считают предвестником гнева Божия на царство, пораженное этим недугом (Послание, 2008: 63; Послание, 1998: 360). Конечно, причины обращения к этой теме могут быть различными, в том числе не исключено и то, что они носят книжный характер, имея мало общего с реальной ситуацией, но уж какая причина по определению исключается в этом случае, так это действие стереотипов восприятия иных культур.

На этом небольшом примере мы видим, как далек пока еще от однозначного решения вопрос о степени корреляции этнографической реальности и ее отображения в инокультурных источниках. Поэтому актуальным является продолжение изучения данной темы, в том числе на относительно малоизученной в данном аспекте материале русской литературы XVI в. В прежние времена разработка этой темы была затруднена историографической традицией, видевшей в ней либо малоактуальную, либо не вполне подходящую для публичного обсуждения проблематику, в наше же время внимание не слишком многочисленных специалистов по истории частной жизни привлекают обычно либо XVII в., значительно более богатый материалом, либо Древняя Русь (Пушкарева, 1997; Кантор, 1999).

Между тем, по мнению автора данной статьи, XVI в. представляет собой в истории России не просто глубоко своеобразный, но и во многом ключевой период, заложивший столь прочные основы нового национального самосознания, что некоторые из них, несмотря на все исторические трансформации, живы и поныне. Возможно, в качестве доказательства было бы достаточно напомнить хотя бы об одном лишь возникшем именно тогда концепте «Москва – третий Рим» (Синицына, 1998). Идеи национального суверенитета, единодержавия и самодержавия, канонического единообразия, доходящего до отстаивания «одной иоты» (в будущем старообрядчестве), разрешения большого вопроса о взаимоотношениях священства и царства через понятие симфонии, и даже мессианская идея – все это берет начало именно в XVI в., гораздо глубже перекроившем все мировоззрение прежде раздробленной и подвластной монголам Руси, чем это может показаться на беглый взгляд.

Не стала исключением и сфера отношений мужчины и женщины. Она также была глубоко «переформатирована» в данном столетии. Под давлением Церкви и государства вытесняются пережитки язычества и родового уклада, и малая патриархальная семья (как базовая социальная ячейка, недаром уподобляемая и «малой Церкви», и царству во главе с «государем дома») приобретает гораздо более определенные очертания, скрепляясь в элитарных кругах неперменным церковным венчанием (для крестьян оно оставалось пока факультативным) (Пушкарева, 1997: 23). В церковной публицистике отношение к законному браку заметно меняется – отныне он не просто «дозволен» на фоне монашеского идеала, а становится понемногу предметом похвалы и даже апологии (как, например, в уникальной житийной «Повести о Петре и Февронии») (Повесть о Петре, 1984: 638–646). Своего рода кодексом нового семейного уклада стал «Домострой», общеизвестная редакция которого, ориентированная не только на служилый, но и на посадский (торгово-ремесленный) люд, видимо, поэтому ставшая столь популярной, была составлена именно в XVI в. Ограничивая активность женщины вне дома (давая как бы идейное обоснование феномену «теремного затворничества», распространившегося в то время, хотя последовательно только в среде общественной элиты), «Домострой» тем более ярко отображает ее незаменимую роль как управительницы дома (Домострой, 2007: 24, 26, 27) – возросшая активность женщины в частной жизни (хозяйстве, воспитании детей) подтверждается и другими источниками (Скрипиль, 1948: 276–323).

Приблизительно так в общих чертах выглядели процессы трансформации положения женщины в России XVI в. Бесспорно, некоторые ее права, особенно в публичной сфере, получили дополнительное ограничение (Белякова и др., 2011: 109), но это не мешало ни утверждению более активной и самостоятельной роли в частной жизни, ни возрастанию проявлений индивидуальности личности вообще, в том числе и женской, с которыми обществу так или иначе приходилось считаться.

Каким же образом воспринимало данное общество иные модели семейного уклада? Следует сразу обратить внимание, что непосредственный контакт с иными этносами и религиями в интересующем нас аспекте был, по-видимому, достаточно слабым. Даже в следующем, XVII в., условием женитьбы служилого иностранца на русской являлось принятие православной веры

(Пушкарева, 1997: 168), что неизбежно вело к сильному уподоблению уклада жизни новой семьи распространенным образцам. Австриец С. Герберштейн рассказывает довольно обидный для русского национального чувства анекдот о жившем в Москве немце-кузнеце, взявшем в жены русскую и по ее же наставлениям взявшем привычку применять к ней физическое насилие, но не сумевшем его соразмерить, что повлекло за собой фатальный результат (Герберштейн, 1988: 112). Независимо от того, насколько можно доверять фактологической канве этого сюжета (следует заметить, что сочинение С. Герберштейна в целом не является враждебным России), нас в данном случае интересует лишь картина стремления иностранца приспособиться к русскому бытовому укладу – картина, вероятно, типичная. Известно, что многие русские дворянские роды возводили свое происхождение к «выезжим» с Запада, а еще чаще с Востока «мужам». Конечно, в ряде случаев это являлось легендой – например, исследователи не признают татарское происхождение Годуновых, которое казалось несомненным еще во времена Пушкина (Скрынников, 1983: 5). Тем не менее в значительной доле подобные генеалогии верны – но нам неизвестны в источниках того времени какие-либо свидетельства бытования отдельной субкультуры крещеных татар (как и немцев), а следовательно, и принципиальных различий в их семейном укладе. Особенно быстро, вероятно, ассимилировались обращаемые в холопов пленники, тем более что по постановлению 1558 г. их освобождали в случае принятия православия (Хелли, 1998: 81), что, разумеется, предполагало невозвращение на родину.

Этим мы, разумеется, не хотим сказать, что таких контактов вовсе не было или что они всегда разрешались быстрой и безболезненной ассимиляцией, не находя даже прямого отражения в тексте наших источников. Источники рассматриваемого столетия почти не предоставляют возможности увидеть в подробности коллизии частной жизни конкретных людей, исключая немногочисленные почти чудесные исключения, как, например, упоминание о расторжении помолвки знатной девушки с выплатой крупного штрафа несостоявшемуся жениху, на что семья невесты согласилась «ради ее слез» (эта история легла в основу целой научной статьи) (Пушкарева, 2000: 268–284). Но есть и еще одно исключение, помогающее историку преодолеть эту, казалось бы, непроницаемую стену – свидетельства о жизни царского (ранее великокняжеского) семейства. Общеизвестно, что долгое время, до первой жены Ивана III включительно, жены московских великих князей были представительницами рода Рюриковичей или реже Гедиминовичей. Затем наступает период экспериментов с династическими браками (византийская царица Софья Палеолог, дочь молдавского князя Елена, Елена Глинская, литовская княжна из рода, считавшего себя происходящим от Мамай, черкесская вторая жена Ивана Грозного Мария Темрюковна, здесь же можно отметить несостоявшийся последний брак того же царя с английской аристократкой Марией Гастингс), перемежавшийся, впрочем, византийским по происхождению обычаем выбора жены на смотринах дочерей служилых людей (Соломония Сабурова, Анастасия Романова, Марфа Собакина и другие), который в следующем столетии восторжествовал окончательно. Возможно, одной из причин этому была именно та ярко выраженная непопулярность чужеземных цариц, о которой сообщают нам источники.

Старый боярин Берсень Беклемишев, казненный за крамольные речи в 1525 г., говорил своему собеседнику Максиму Греку: «Как пришла сюды мати Великого Князя Великая Княгини Софья с вашими Греки, так наша земля замешалася и пришли нестроения великие, как и у вас в Царегороде при ваших царях», и в ответ на дипломатичное указание собеседника о ее знатном происхождении, настаивал: «Какова ни была, а к нашему нестроению пришла» (Отрывок, 1836: 142). Это можно было бы счесть случайным эпизодом. Но что тогда сказать о сообщении неизвестного летописца конца XV в., описывающего бегство Софьи Палеолог на север с чужеземной свитой от нашествия татар, иронизирующего над трусостью княгини, которая «бегала» от татар, «а не гонял никтоже», и ее свиты из греков, «иже не сташа мужествене» на защиту родной земли, а теперь скитающихся в качестве «бездомков» (Ермолинская, 2004: 182), разоряя

постоем местное население? Ни одна прежняя великая княгиня (а среди них были и такие, которые также эвакуировались из Москвы, например, жена Дмитрия Донского при нашествии Тохтамыша в 1382 г.) не удостаивалась, насколько известно, подобного тона. А между тем данный пассаж неоднократно переписывался, входя в состав не только Ермолинской, но и Софийской Второй, Львовской и других летописей. Каково было отношение придворных к следующей «иностранке» на русском престоле, красноречиво свидетельствует ее сын, Иван Грозный, болезненно припоминающий своему адресату Курбскому, что его дед был в числе тех придворных, которые после смерти Елены Глинской перенесли ее личное имущество в государственную казну подчеркнуто грубо и небрежно, «кололи» и «ногами пхали» ее вещи, произнося при этом «многая надменная словеса» (Первое послание, 1979: 25–27). Конечно, первопричиной были, вероятно, личные счеты, и все же подобное поведение в отношении памяти матери царствующего, хотя и малолетнего, государя вряд ли являлось нормой. Ничего подобного в отношении русских по происхождению цариц мы в источниках не находим.

Однако что же именно могло быть поставлено в вину иностранкам? Ведь для самих правителей они являлись престижными и желанными невестами, не только по чисто дипломатическим соображениям, но также, вероятно, и по тем же причинам, по которым дворянами и самими правителями охотно подчеркивалось свое иноземное происхождение (принцип ксенократии). Чужой, даже если он правит не по праву завоевателя, легитимизирует свою власть своей необычностью, иноприродностью (Аверинцев, 1976: 19) – сравним с приведенными выше примерами жалобы князя С. Ростовского на то, что молодой Иван Грозный «истеснил» знать женитьбой на «своей рабе» (то есть дочери такого же своего слуги, как и они, Анастасии Романовой), заставив их жен подчиняться «своей сестре», равной им по положению (Летописный сборник, 2000 (2): 236). Казалось бы, из слов князя, ссылающегося на широкораспространенные среди знати настроения, следует норма женитьбы правителя на иноземной принцессе, которую нельзя было бы счесть, скажем так, «выскочкой». Однако на практике мы сталкиваемся с еще более резким неприятием такого матримониального варианта.

Князь-эмигрант А. Курбский изрекает в своей «Истории о великом князе Московском» поразительно близкую по смыслу к словам Берсена Беклемишева инвективу против жен рода московских правителей (исходя из контекста повествования, начинается этот ряд со все той же Софьи Палеолог). Думается, эта параллель дает основания предположить, что автор в данном случае транслирует устойчивое мнение, циркулировавшее в придворной среде. Однако он формулирует это мнение более точно: жены московских князей были «злыми и чародейцами» (История, 1914: 182)!

Нам неизвестны обвинения в колдовстве в адрес самой Елены. Однако трудно не вспомнить весьма известный и колоритный эпизод народных волнений 1547 г. после большого пожара Москвы, когда погорельцы обвинили родственников покойной регентши и в первую очередь ее престарелую мать не просто в поджигательстве, но и в использовании для этого колдовского действа. Она, оказывается, «вымала сердца человеческия», а потом ездила по городу, окропляя его водой, в которой были вымочены эти сердца, или даже «сорокою летала да зажигала» (так называемая Царственная книга, 2000: 456). С точки зрения правительства Ивана IV (которая отразилась в летописи), подняться против Глинских чернь «наустиша бояре». Если это действительно так, вышеописанная фантастическая история берет свое начало не в «темных» народных кругах, а в тех же самых придворных сферах, где изрекались в адрес покойной Елены «надменная словеса». Если вспомнить, что Курбский (логически рассуждая) почти наверняка включает во множественное число «жен злых и чародейц» Елену Глинскую, мы едва ли погрешим против истины, если предположим, что и мать Ивана Грозного обвинялась современниками в колдовстве, хотя подробности этих обвинений навсегда исчезли во тьме веков. Возможно, очень отдаленные их отголоски можно увидеть в интересном, но во многом загадочном сочинении «Вы-

пись о втором браке Василия III», где устами восточных патриархов предрекается рождение от несправедливого второго брака (при живой жене, канонически весьма сомнительно постриженной в монастырь) преступного царя-мучителя (исходя из принятой в среде историков презумпции отнесения всякого пророчества как сделанного *post eventum*, оно обычно датируется временем не ранее действительного начала массовых репрессий Ивана Грозного) (Зимин, 1976: 132–133). По очень искаженному и туманному сообщению С. Герберштейна, преподобный Максим Грек (которого он ошибочно считал убитым) пострадал именно за противодействие второму браку Василия. Поскольку информаторами Герберштейна были все те же столичные относительно высокопоставленные круги, получаем новое доказательство, что на второй брак правителя еще при его жизни в этой среде смотрели довольно косо. Но действительно ли причиной, а не предлогом было нарушение морально-этических норм для той среды, представителей которой современник Василия III московский митрополит Даниил в своих проповедях весьма красочно обличал в супружеской неверности, не говоря уже об упомянутом выше содомском грехе (Жмакин, 1881: 29, 33)? Ведь и сам Курбский, по словам Ивана Грозного, «понял стрелетцкую жену» (Второе послание, 1979: 104), причем имеется в виду отнюдь не законный брак. Возможно, именно иностранное происхождение было если не причиной, то катализатором неприязненного отношения придворной верхушки к своей новой «госпоже», оценке ее брака как «нечистого», «нечестивого». Вспомним теперь и летописные свидетельства о том, что Софья Палеолог приглашала к себе «баб» с «зелием», после чего великий князь Иван III начал с нею жить «в брежении», то есть опасался жены, дистанцировался от нее (Новгородская летопись, 2004: 211). Практически в то время колдовство и отравление мало различались (Райан, 2006: 383–384), так что мы не можем утверждать, какого из этих двух видов вреда для себя от «зелия» опасался правитель.

«Злые и чародейцы» разделены в сообщении Курбского союзом «и», что предполагает неполное отождествление этих терминов. В чем же еще могла проявляться «злоба» женщин царственной фамилии? Если судить по контексту приведенных слов, можно полагать, что они считались злыми советницами, подстрекавшими московских правителей преследовать и грабить своих родственников и подданных. Такая интерпретация находит подтверждение в других источниках. В частности, один из иностранных свидетелей сохранил для нас мнение современников о решающей роли царицы Марии Темрюковны в замысле введения опричнины (Штаден, 1925: 85). Относительно Василия III раздосадованный Берсень Беклемишев использует выразительный оборот «делает все дела запершись у постели сам-третей» (Отрывок, 1836: 142). С кем втроем обсуждал государственные дела в своих личных покоях великий князь, не поясняется, и вряд ли можно видеть среди них его жену, о политической активности которой до смерти мужа сведений не имеется, но само обвинение правителя в ограничении круга советников узким, интимным кружком, минуя членов боярской думы, хорошо согласовывается с озвученным Курбским представлением о вредоносном влиянии «злых жен». Из всех государевых супругов русского происхождения на протяжении XVI в. нечто подобное просматривается только применительно к Анастасии Романовой, прославленной поздними летописцами за ее благотворное влияние на царя (Временник, 1951: 181), однако имевшей какие-то трения с его советниками Сильвестром и Адашевым, что и побудило его впоследствии обвинять их в ее погублении (Первое послание, 1979: 32, 45; Второе послание, 1979: 104). Заметим, что царь нигде и никогда не обвиняет «изменных бояр» в скоропостижной смерти своей матери Елены Глинской, хотя историки, напротив, традиционно видят злоумышление именно в этом случае. Таким образом, пресловутая подозрительность Ивана Грозного не была всеобъемлющей, и поэтому за отмеченным выше обвинением должен был стоять как минимум факт неприязненных отношений обеих сторон (Анастасии и советников), возможный только в том случае, если первая имела известное влияние, противоречившее позиции последних. Однако, как нетрудно заметить, данная история оставила

значительно более слабый и неясный след в источниках, чем в случае с «иностранками», так что мы не имеем даже представления о сути разногласий.

Достоинство завершает галерею обвинений в колдовстве и стремлении давать «злые» политические советы обвинение в покровительстве ереси. Оно считается поводом к расправе над молдаванкой Еленой Стефановной, супругой и матерью несостоявшихся наследников престола (Ивана Молодого и Дмитрия-внука), за что она и провела недолгий остаток жизни в темнице (Борисов, 2003: 619), хотя, строго говоря, близость еретиков к окружению правительницы и синхронность расправы над ними не дают прямого ответа на вопрос о причинах и поводе столь сурового обращения с великокняжеской невесткой. Можно только констатировать, что иностранке вновь выпала на долю жестокая участь.

Подведем промежуточные итоги. Львиная доля отрицательных высказываний, допускаемых нашими источниками в отношении женской половины царствующего дома, приходится на иноземных по происхождению ее членов. Конечно, это не случайность. Иностранки, очевидно, были признаны общественной элитой, мнение которой сохранили для нас источники, легитимной мишенью для критики. Можно ли найти какой-то более общий знаменатель для всех перечисленных выше частных обвинений? Думается, да. Этим знаменателем является предполагаемая самодеятельность, самочинность в их поведении, которая и приводит к преступлению тех или иных границ. Не случайно в нравоучительной литературе, распространенной в то время, среди компонентов образа «злой жены», как обращает внимание Н. Л. Пушкарёва, доминировали связанные с самостоятельностью, нежелательной активностью (Пушкарёва, 1989: 101).

Почему такая активность ожидалась именно от иностранок, которые, казалось бы, могли чувствовать себя на практике в чужой среде менее уверенно, чем местные уроженки? Возможно, любые непривычные детали поведения, даже второстепенные, обусловленные разницей культур, воспринимались как деятельное отклонение от нормы, «заведение иных обычаев». Однако более вероятным представляется влияние прочно сложившегося к тому времени стереотипа о радикальном, нередко контрастном отличии уклада жизни в иных землях. Мы помним, как противопоставлялось «стыдение» полян «зверскому обычаю» прочих восточнославянских племен. Но в той же начальной русской летописи содержится и этнографический экскурс (заимствованный из византийской хроники Георгия Амартола) о «гилеях», жены которых ведут себя во всем подобно мужам, а также подробный рассказ о мифических амазонках (Летописный сборник, 2000: 6) – то есть в иных краях закономерна зеркальная антитеза собственному укладу. Помимо этого летописного текста, образованным людям XVI в. были хорошо известны и другие подобные – «Повесть о царице Динаре», где на грузинском материале рассказывается хорошо известный сюжет о деве-освободительнице, весьма отдаленным прототипом которой является царица Тамара (Повесть 1984: 38–46); переводная сербская «Александрия», в которой значимое место занимает рассказ о «марсидонских женах» (все тех же амазонках), более сильных в бою, чем воины Александра Македонского (Александрия, 1965: 54), и, наконец, «Казанская история», автор которой придает поведению татарской царицы Сумбеки (Сююн-бике, это историческое лицо) (Моисеева, 1956: 174–187), которой явно сочувствует, более живые и динамичные черты, чем те, которые были привычны при обрисовке женского образа в русской литературе того времени. Я. С. Лурье находит здесь параллели с образами Роксаны в «Александрии» и Елены в «Троянских сказаниях» (Лурье, 1980: 261), однако акцент делает на светском характере этих повестей, а не на иностранном происхождении их героинь. На самом деле, по-видимому, и здесь мы имеем дело с ожиданием от чужеземных женщин «антиповедения», которое в первую очередь контрастирует с наиболее ценными женскими добродетелями, смирением и целомудрием. Столетием ранее Афанасий Никитин (текст сочинения которого был включен в некоторые летописи и, следовательно, достаточно известен и в XVI в.) спокойно отмечает, что в Индии

«все женки» отличаются распутным поведением (а также ведьмы, отравительницы) (Хождение, 1958: 16).

Впрочем, «прелюбодейная» тема практически не звучит в инвективах, направленных на иностранных спутниц жизни русских правителей (если не считать Елены Глинской, связь которой с князем Оболенским, вопреки произвольным предположениям, звучавшим еще у историков XIX в., никак не фиксируется ранее смерти мужа) (Кром, 2010: 157–158). Почему это так – вопрос, требующий отдельного осмысления. Остальные элементы ожидавшегося от иноземных женщин «антиповедения» – вмешательство в политическую жизнь, колдовство, ересь – представлены в наших источниках, как бы ни был скуден их корпус.

В заключение хотелось бы отметить следующий момент. При описании уклада жизни иных культур («законов») сравнительно мало места уделяется их обличению – чаще различия (в частности, в женском поведении) описываются нейтрально, а то и с явным интересом, если не сказать сочувствием. Это касается всех приведенных выше примеров. Совсем иное дело проникновение носительниц альтернативной модели поведения в собственную среду. Здесь любые отклонения от сложившейся в России культурной традиции бытового поведения женщины встречались, как видим, весьма неодобрительно (по крайней мере, обратных примеров не наблюдается). Видимо, причины столь разного отношения к одному и тому же феномену в разных контекстах лучше всего выразил тот же Берсень Беклемишев, слова которого кажутся достаточно типичным выражением русского мировоззрения, в том числе и более поздних столетий, которому был в целом не свойствен распространенный на Западе принцип культуртрегерства: «Которая земля переставляет обычи свои, и та земля недолго стоит».

Список литературы

- Аверинцев С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976.
- Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.–Л.: Наука, 1965.
- Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011.
- Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Временник Ивана Тимофеева / подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной; под. ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Второе послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; Академия наук СССР. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979.
- Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988.
- Домострой / изд. подготовили В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007.
- Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 23.
- Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М.: в Университетской типографии, 1881.
- Зеленина Г. С. Свидетельства иностранцев XVI–XVII веков о москвитях-содомитах // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2002. Вып. 2.
- Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1976. Т. 30.
- История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 31. Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1914.
- Кантор А. М. Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII в. Очерки. М.: Российский государственный гуманитарный институт, 1999.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI в. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 9.

Лурье Я. С. Литература в период образования единого Русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV–XVI вв. // История русской литературы в 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л.: Наука, 1980.

Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 12. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 43.

Отрывок следственного дела об Иване Берсене и Федоре Жареном // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедицией императорской Академии наук. СПб., Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. Т. 1.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; Академия наук СССР. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979.

Повесть о Петре и Февронии Муромских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984.

Повесть о царице Динаре // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984.

Послание к царю Иоанну Васильевичу / Макарий, архимандрит. К вопросу об авторстве Послания к царю // Альфа и Омега. № 3 (53). 2008.

Послание московскому великому князю Василию Ивановичу о «Третьем Риме», обязанностях правителя, обряде крестного знамения // Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции / Н. В. Сеницына. М.: Индрик, 1998.

Пушкарёва Н. Л. Женщины древней Руси. М.: Мысль, 1989.

Пушкарёва Н. Л. «Слез ее ради...». Опыт микроанализа эмоциональных отношений семьи «новых русских» XVI столетия // Социальная история. Ежегодник. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997.

Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 9–19.

Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998.

Скрипиль М. О. Повесть об Улиянии Осорьиной (Комментарии и тексты) // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт литературы (Пушкинский Дом). Т. 6. Ред. В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1983.

Так называемая Царственная книга. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13.

Хелли Р. Холопство в России 1450–1725. М.: Академия, 1998.

Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 / сост. В. П. Адрианова-Перетц. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1925.

Соболевский А. В., аспирант, преподаватель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: kvi_TSPU@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 13 мая 2015.

Sobolevskiy A. V.

THE IMAGE OF WOMEN OF OTHER CULTURES IN THE RUSSIAN LITERATURE OF XVI CENTURY

The paper reviews the perception of women of other cultures in the Russian literature of the XVI century. The author comes to the conclusion that the specifics of this perception can be attributed to the perceived serious deviations from the stereotypical model of female behavior adopted in Russia of the period. In cases of direct contact, such deviations were construed as negative characteristics, while in the literary descriptions of the way of life of other countries, these deviations were often received as neutral or with sympathetic interest.

Key words: *Russian centralized state, Russian literature, "image of Other", women's history.*

References

- Averintsev S. Sud'by evropeyskoy kul'turnoy traditsii v epokhu perekhoda ot Antichnosti k Srednevekov'yu [The fate of the European cultural tradition in the era of transition from Antiquity to the Middle Ages]. *Iz istorii kul'tury Srednikh vekov i Vozrozhdeniya – From the history of the culture of Middle Ages and the Renaissance*. Moscow, Nauka Publ., 1976 (in Russian).
- Aleksandriya: Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoy rukopisi XV v.* [Alexandria: A Novel of Alexander the Great on the Russian manuscript of the XV century]. Izd. podgot. M. N. Botvinnik, Ya. S. Lur'ye, O. V. Tvorogov. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Belyakova E. V., Belyakova N. A., Emchenko E. B. *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoye pravo i rossiyskaya praktika* [Woman in Orthodoxy: canon law and the Russian practice]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011 (in Russian).
- Borisov N. S. *Ivan III* [Ivan III]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003 (in Russian).
- Vremennik Ivana Timofeeva* [Chronograph of Ivan Timofeev]. Podgotovka k pechati, perevod i kommentarii O. A. Derzhavinoy; pod. red. chl.-korr. AN SSSR V. P. Adrianovoy-Peretts. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1951 (in Russian).
- Vtoroe poslaniye Ivana Groznogo Kurbskomu [Second Epistle of Ioann the Terrible to Kurbskiy]. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreyem Kurbskim*. Tekst podgotovili Ya. S. Lurye i Yu. D. Rykov; Akademiya nauk SSSR. Leningrad, Nauka Publ., 1979 (in Russian).
- Gerbershteyn S. *Zapiski o Moskovii* [Notes upon Muskovy]. Moscow, MGU Publ., 1988 (in Russian).
- Domostroy* [Domostroy]. Izdaniye podgotovili V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaya. 3-e izd. Saint-Petersberg, Nauka Publ., 2007 (in Russian).
- Ermolinskaya letopis' [Ermolin chronicle]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, vol. 23 (in Russian).
- Zhmakin V. I. *Mitropolit Daniil i ego sochineniya* [Metropolitan Daniil and his writings]. Moscow, v Universitetskoy tipografii, 1881.
- Zelenina G. S. Svidetelstva inostrantsev XVI–XVII vekov o moskovitakh-sodomitakh [Evidences of foreigners XVI–XVII centuries of Muscovites-sodomites]. Adam i Eva: *Almanakh gendernoy istorii – Adam and Eve: Almanac of gender history*. Moscow, IVI RAN Publ., 2002, no. 2 (in Russian).
- Zimin A. A. Vypis o vtorom brake Vasiliya III [Extract on the second marriage of Vasiliy III]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Akademiya nauk SSSR. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) [Proceedings of the Department of Old Russian literature. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House)]; otv. red. D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoye otdeleniye, 1976, vol. 30 (in Russian).
- Istoriya o velikom knyaze Moskovskom [History of the Grand Prince of Moscow]. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiei. Vol. 31. *Sochineniya knyazya Kurbskogo*. Vol. 1. Sochineniya originalnye [Russian Historical Library, published by the Archeological Commission. T. 31. Works of Prince Kurbsky. T. 1. Original Works]. Saint-Petersberg, Tipografiya M. A. Aleksandrova Publ., 1914 (in Russian).
- Kantor A. M. *Dukhovnyy mir russkogo gorozhanina. Vtoraya polovina XVII v. Ocherki* [The spiritual world of Russian citizen. The second half of the seventeenth century. Essays]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy humanitarnyy institut Publ., 1999 (in Russian).
- Krom M. M. "Vdovstvuyushcheye tsarstvo": politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI v. [The "Widowed Kingdom". The Political Crisis in Russia in the 1530s and the 1540s]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010 (in Russian).

Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [The Patriarch's or Nikon's chronicle]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 2000, vol. 9 (in Russian).

Lurye Ya. S. Literatura v period obrazovaniya edinogo Russkogo gosudarstva. Elementy Vozrozhdeniya v russkoy literature. Seredina XV–XVI vv. [Literature during the formation of a unified Russian state. Elements of the Renaissance in Russian literature. The middle of XV–XVI Century]. *Istoriya russkoy literatury* v 4 t. / AN SSSR. Institut russkoy literatury. Vol. 1. Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka [The history of Russian literature: In 4 t. T. 1. Old Russian literature. Literature of the XVIII century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980 (in Russian).

Moiseyeva G. N. Kazanskaya tsaritsa Syuyun-bike i Sumbeka "Kazanskoy istorii" [The Tsarin of Kazan Syuyun-bike and Sumbeka of "Kazanskaya istoriya"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1956. Vol. 22 (in Russian).

Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo [Novgorod Chronicle by the redaction of P. P. Dubrovskiy]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004, vol. 43 (in Russian).

Otryvok sledstvennogo dela ob Ivane Bersene i Fedore Zharenom [An excerpt of the investigation file of Ivan Bersen' and Fedor Zharenyy]. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu Ekspeditsiyey imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire Archeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1836, vol. 1 (in Russian).

Pervoye poslaniye Ivana Groznogo Kurbskomu [First Epistle of Ioann the Terrible to Kurbskiy]. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreyem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrew Kurbsky]. Tekst podgotovili Ya. S. Lurye i Yu. D. Rykov; Akademiya nauk SSSR. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoye otdeleniye, 1979 (in Russian).

Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh [The Tale of Peter and Fevronia of Murom]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI v.* [Monuments of the literature of ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century]. Sost. i obshchaya redaktsiya L. A. Dmitriyeva i D. S. Likhacheva. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984 (in Russian).

Povest' o tsaritse Dinare [The Tale of the Tsarin Dinara]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI v.* [Monuments of the literature of ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century]. Sost. i obshchaya redaktsiya L. A. Dmitriyeva i D. S. Likhacheva. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984 (in Russian).

Poslaniye k tsaryu Ioannu Vasil'evichu [Epistle to the Moscow Tsar Ioann Vasilyevich] / Makary, arhimandrit. K voprosu ob avtorstve Poslaniya k tsaryu [Macarius, Archimandrite. On the question of authorship of the Epistle to the king]. *Alfa i Omega*. 2008, no. 3 (53) (in Russian).

Poslaniye moskovskomu velikomu knyazyu Vasiliyu Ivanovichu o "Tret'yem Rime", obyazannostyakh pravatelya, obryade krestnogo znameniya [Epistle to the Moscow Grand Prince Vasily Ivanovich of the "Third Rome", the duties of the ruler, sign of the cross ritual]. In: Sinitsyna N. V. *Trety Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii* [The third Rome. Origins and evolution of Russian medieval concept]. Moscow, Indrik Publ., 1998 (in Russian).

Pushkareva N. L. *Zhenshchiny drevney Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1989 (in Russian).

Pushkareva N. L. "Slez eye radi...". Opyt mikroanaliza emotsionalnykh otnosheniy sem'i «novykh russkikh» XVI stoletiya ["For the sake of her tears...". An attempt of microanalysis of emotional relationships in the family of the "new Russians" of XVI century]. *Sotsialnaya istoriya. Yezhegodnik* [Social history. Yearbook]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000 (in Russian).

Pushkareva N. L. *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v doindustrial'noy Rossii. X – nachalo XIX v. Nevesta, zhena, lyubovnitsa* [The Private Lives of women in pre-industrial Russia. X – the beginning of the XIX century. Bride, wife, mistress]. Moscow, Ladomir Publ., 1997 (in Russian).

Rayan V. F. *Banya v polnoch'. Istoricheskiy obzor magii i gadaniy v Rossii* [The Bathhouse at Midnight: An historical Survey of Magic and Divination in Russia]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006 (in Russian).

Repina L. P. "Natsionalnyy kharakter" i "obraz drugogo" ["National Character" and the "Image of the Other"]. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*, 2012, no. 39, pp. 9–19 (in Russian).

Sinitsyna N. V. *Trety Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii* [The Third Rome. Beginnings and Evolution of the Medieval Russian Concept]. Moscow, Indrik Publ., 1998 (in Russian).

Skripil' M. O. *Povest' ob Uliyanii Osoryinoy* (Kommentarii i teksty) [The Tale of Uliyania Osoryina (Comments and texts)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Akademiya nauk SSSR. Institut literatury (Pushkinskiy Dom). Ed. by V. P. Adrianova-Peretts, I. P. Yeremin. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1948, vol. 6 (in Russian).

Skrynnikov R. G. *Boris Godunov* [Boris Godunov]. Moscow, Nauka Publ., 1983 (in Russian).

Tak nazyvayemaya Tsarstvennaya kniga [So called Tsarstvennaya kniga]. *Letopisny sbornik, imenuyemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu. Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Chronicle collection, called Patriarchal or Nikon Chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, vol. 23 (in Russian).

Khelli R. *Kholopstvo v Rossii 1450–1725* [Kholopstvo in Russia 1450–1725]. Moscow, Akademiya Publ., 1998 (in Russian).

Khozheniye za tri morya Afanasiya Nikitina 1466–1472 [A Journey beyond the Three Seas of Afanasiy Nikitin 1466–1472]. Sost. V. P. Adrianova-Peretts. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958 (in Russian).

Shtaden G. *O Moskve Ivana Groznogo* [On the Moscow of Ivan the Terrible]. Moscow, M. i S. Sabashnikovyykh Publ., 1925 (in Russian).

Sobolevskiy A. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kvi_TSPU@tspu.edu.ru

Тучкова Н. А.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ФОЛЬКЛОРО-МИФО-ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЭТНОКОНСОЛИДИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ, СТИМУЛИРУЮЩИЕ РОСТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРАБЕЛЬСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Исследуется роль «национальных праздников» в процессе этнической консолидации потомков селькупского населения Нарымского края на рубеже XX–XXI вв. и развитие в рамках этих праздников полупрофессионального искусства (художественной самодеятельности). Также освещается роль неомифологии в стимуляции консолидирующих процессов и актуализации этнической идентичности.

Ключевые слова: *селькупы, праздники, неомифология, фольклор, фольклорные образы, творческий процесс, художественная самодеятельность.*

На рубеже XX и XXI вв. исследования проблем этнической идентичности у коренного населения Среднего Приобья – хантов, селькупов были весьма актуальны (см. Шаховцов, Функ, 2000; Horn, 2002; Кошелева, 2003; Игнатенко, 2005; Шаховцов, 2007). Каждый исследователь с разных сторон изучал данный вопрос, но практически все они отмечали интенсивный рост этнической консолидации в среде этих народов в конце XX в.

К. Г. Шаховцов, чье диссертационное исследование называлось «Этническая идентификация южных селькупов (XX – нач. XXI вв.)» (2007), исследовал, например, вопросы изменения численности селькупов и обратил особое внимание на неуклонный рост их формальной численности при таком же неуклонном исчезновении межселькупских браков за последние десятилетия. Отдельной разработке подверглись социолингвистические вопросы и ситуация с этнонимикой (разделы «Термины официальной идентификации», где были представлены многочисленные термины, использовавшиеся органами власти для обозначения южноселькупских групп на протяжении всего XX в., и «Термины этнической идентификации», где были рассмотрены те термины, которые использовали сами селькупы).

Очень подробно многие вопросы, связанные со структурой южноселькупской этничности, включая и вопросы этнонимии, разбирались в монографии Д. Хорн «Das selkupische Ethnizitätsgebäude» (2002).

В диссертационной работе Е. Ю. Кошелевой «Этнические движения коренных малочисленных народов Севера» (2003) рассматривались в основном этнополитические вопросы. Большинство данных, используемых ею в работе, взято именно из документов, характеризующих ситуацию с народами Томской и Тюменской областей – хантами и селькупам. Основной вывод данного исследования связан с объяснением причин роста этнической консолидации и этнического самосознания у коренных народов региона.

Даже краткое обращение к истории изучения проблем этнической идентичности народов Среднего Приобья (в том числе и селькупов) показывает, что тема эта так или иначе изучается, но изучаются прежде всего такие ее аспекты, как этнонимика, численность, социолингвистическая и этнополитическая ситуация.

В данном случае хотелось затронуть другой аспект – связанный с функционированием духовной культуры селькупского этноса – тонкий вопрос мифотворчества и иной художественной деятельности.

¹ Данный текст был прочитан на конференции (рабочей встрече) в Институте финноугроведения/уралистики Гамбургского университета в рамках исследовательского проекта «Selbstbilder der uralischen Völker Russlands – Konstituenten kollektiver Identität im Wandel der Zeit» в качестве доклада «Неомифология как способ актуализации этнической идентичности» в июле 2010 г. См. <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Selbstbilder/Tuchkova.pdf>

Одним из факторов, явно способствующим этнической консолидации потомков селькупского населения Нарымского края, является проведение так называемых «национальных праздников». Эти мероприятия включают в себя коллективные действия по подготовке собственно праздника (написание сценария, разучивание ролей, изготовление костюмов (исторических, этнических и пр.), а также исполнение технической работы (запись звука, съемка праздника, оцифровка фотографий и т. п.). Таким образом, действия становятся поистине коллективными. Важным компонентом этих праздников, призванным обеспечить национальный колорит, является исполнение песен частушечного характера, которые сочиняются непосредственно к празднику.

В сюжетной канве праздничного действия, как правило, задействованы герои селькупского фольклора: Итте-охотник (причем имя героя сейчас парабельскими селькупками, как правило, используется именно в фонетической огласовке, характерной для кетского диалекта: Итте – с удвоением согласных); его антипод – семейство Пёнеге (великан и его дочери); лесной дух (нередко Кандальдук – образ, практически полностью сконструированный исследователем Г. И. Пелих).

Есть и иные, исключительно авторские, образы, которые переходят из «праздника» в «праздник»: образ «настоящей» селькупки – «бабушки Мадо» и ее внучки Сенильги (Сенильга – имя-образ, пришедший из сугубо художественного произведения В. Я. Шишкова «Угрюм-река», где автором была воспроизведена легенда, условно определяемая как эвенкийская). Авторы образа Бабушки Мадо – В. П. Тузакова и И. А. Коробейникова. На сегодняшний момент этот образ весьма актуален, и для жителей Томской области, участвующих в этих праздниках в качестве зрителей, это самый реальный фольклорный персонаж.

В 1990–2000-е гг. у многих народов Сибири (в том числе и у народов Среднего Приобья) отмечен процесс интенсивного мифотворчества. Как отмечал А. М. Сагалаев, «процесс мифотворчества в этнической культуре идет постоянно, но имеет разную интенсивность, направленность, результаты» (Сагалаев, 1998: 414). Им были выделены некоторые типы, характерные для данного процесса (далее по Сагалаеву):

1. Латентное (скрытое, спонтанное, нецеленаправленное, стихийное) мифотворчество. Оно характеризуется всеядностью и сиюминутностью. Часто существует как интенция или умонастроение. В этом случае не создаются законченные мифологические тексты. Идет «брожение» мысли и фантазии. Этот вид мифологии создается ежедневно и повсеместно, но результаты его трудноуловимы, незавершенны.

Латентное мифотворчество есть то, с чем чаще всего сталкиваются этнографы во время полевых исследований. Генератором данного вида мифологии может быть любой человек, входящий в исследуемую этническую общность.

2. Инициированное (целенаправленное, осознанное) мифотворчество. Это неофициальное мифотворчество, стимулируемое самой традиционной культурой. Создателями и редакторами мифологических текстов и сюжетов в данном случае являются сказители, неофициальные лидеры общества, знатоки народной культуры, т. е. люди, находящиеся внутри культурной ситуации и создающие свою авторскую редакцию традиционных мифологических сюжетов и образов. Такие люди, как правило, осознают свою «призванность» («если не я донесу до потомков эту информацию, то кто же?»).

Как справедливо полагает А. М. Сагалаев, именно через таких людей происходит воссоздание полузабытых форм коллективной обрядовой деятельности, а также нередко создание новых ритуалов, обрядов и новых эпизодов мифологических сюжетов. В целом с помощью таких людей и функционирует коллективная память культуры, происходит пульсация религиозно-мифологического сознания. Этот вид мифотворчества чрезвычайно интересен для этнологических и фольклористических исследований. Однако исследователи нередко игнорируют «авторский» момент (привнесение авторского элемента) при работе со сказителями и носителями традиции (пренебрегают им, принимают эту погрешность как малую и несущественную).

3. Профессиональное мифотворчество. Здесь творческий процесс наиболее усложнен и неоднозначен. Как правило, это сфера деятельности национальной интеллигенции – поэтов, писателей, педагогов, публицистов, историков, политиков. Данная группа осознает особую ответственность перед народом в деле сохранения и трансляции культурного наследия. Именно эта группа проявляет максимальную озабоченность в случае, если трансляция культурных реалий обрывается и стремится экстренно заполнить возникающие лакуны вновь сконструированными образами.

Именно представители этого круга (вольно или невольно) считают возможным давать свою собственную интерпретацию исторического прошлого и мифологического материала. Как правило, они имеют доступ к средствам массовой информации: радио, ТВ, газетам и журналам, имеют возможность публикации в рамках художественной и научно-популярной литературы.

Эти люди, как правило, пользуются авторитетом и уважением в кругу своего этнического сообщества, и их представления о мифологии своего народа существуют в виде их авторского мнения, которое создает вокруг себя определенного рода умонастроения. Сильная сторона этой формы мифотворчества – широкий охват (ТВ и опубликованная литература могут охватить аудиторию любого размера), а также публичная защита и пропаганда своей культуры и национальных интересов.

Развивая классификацию А. М. Сагалаева, хотелось бы добавить в рамках последнего пункта – «профессиональное мифотворчество» – особый *критерий*:

а) когда создателями песен, танцев, стихотворных произведений, сценических постановок с фольклорно-мифологическим наполнением выступают представители того этноса, от имени которого они говорят (носители этничности).

В случае «селькупских праздников» это, например, подготовка и исполнение песен частушечного характера, где слова сочиняются (иногда переводятся с русского) селькупкой – фактически единственным к началу XXI в. в Парабельском районе активным носителем языка – Ириной Анатольевной Коробейниковой². Исполнение их также поручается в основном лицам, которые в той или иной степени могут сказать о себе, что они селькупы в N-ом поколении.

Или исполнение сенок с сюжетными зарисовками селькупского быта или хозяйственных занятий, где роли написаны и сыграны потомками селькупов.

По наблюдениям исследователей, повсеместно фиксируется, что деятели возрожденческого движения проявляют склонность к самостоятельному мифо- и фольклоротворчеству. При этом они стремятся, чтобы это соответствовало уровню полупрофессиональной самодеятельности или профессиональному уровню, особенно в тех случаях, когда создателем произведения выступает профессиональный музыкант, хореограф или профессиональный режиссер из этнической среды.

Иной вариант:

б) когда авторское творчество, допустим на селькупскую тему, продуцируют профессиональные музыканты, хореографы, театральные деятели, не относящиеся к этому этносу.

Как уже было упомянуто, к проводимым национальным праздникам (идея которых придумывается ситуативно) пишутся методически грамотные сценарии. «Методически грамотные» с точки зрения организаторов массовых культурных мероприятий. И пишут их именно специалисты, обучавшиеся технике сценарного искусства в специальных учреждениях, где обучают «культурно-массовой работе».

В результате на свет появляются «селькупские танцы» – местный вариант неких «северных танцев» с использованием танцевальных элементов из репертуара эскимосского ансамбля «Эргырон» (поэтому в таких танцах заметны «арктические мотивы» и практически не видно ничего селькупского, зато отчетливо просматривается классическая балетная подготовка самих танцоров и их хореографа З. М. Барышниковой).

² О складывании проблемной языковой ситуации у селькупов см., например, Тучков, 2007.

И, конечно, совсем другой уровень профессионального искусства имеет спектакль Томского театра кукол «Герой», где автором текста (в стихотворной форме!) и режиссером-постановщиком выступил известный театральный деятель С. Вс. Столяров;

с) мифотворчество исследователей (этнологов, фольклористов и др.), этнически принадлежащих к исследуемой группе. Сюда, например, относятся публикации Т. К. Кудряшовой, в частности ее публикации селькупского фольклора (который практически не опознается как селькупский), или диссертационное исследование М. И. Фёдоровой (Ириковой) «Представления о душе и бессмертии в духовной культуре селькупов» (2010);

д) мифотворчество исследователей (этнологов, фольклористов), этнически не относящихся к представителям исследуемой культуры.

Ранее систематизировать собранный у селькупов³ мифологический материал, обобщить его до реконструкции картины мира «как более или менее формализованной концепции» пытались: Е. Д. Прокофьева (1976, 1977), Г. И. Пелих (1972, 1998), А. В. Головнёв (1995), А. А. Ким (1997), В. В. Быконя (1998), а также авторы аналитических статей в энциклопедии «Мифологии селькупов» (2004): Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, А. А. Ким. Всем авторам неизменно приходилось прилагать аналитические усилия, чтобы получить целостную картину. Практически все авторы не удовлетворены результатами коллег, нет какого-то устоявшегося стереотипа относительно того, какой является мифологическая картина мира селькупов.

О специфике мифо-фольклоро-творческого процесса.

Как отмечал А. М. Сагалаев, наблюдения исследователей над «явившейся якобы ниоткуда мифологией» наводят на мысль о том, что «подобные периоды латентного существования мифологии всегда бывают у любого этноса в разные периоды. В моменты нашествий, репрессий, мощного культурного воздействия соседей и т. п. причин происходит как бы угасание своей мифологии, но затем она может вновь разворачиваться, обогащаясь новыми актуальными реалиями. Поэтому многие архаичные на первый взгляд тексты и сюжеты могут в реальности иметь вполне недавнее происхождение. Иными словами, архаичность текстов живой мифологии может быть мнимой (сущностной, но не временной)» (Сагалаев, 1998: 417).

Наблюдая процесс интенсивного мифотворчества на селькупском материале, можно отметить следующее:

Авторам – создателям репертуарного материала к праздникам – весьма трудно опираться на реальные бытовые и фольклорные верования в селькупской среде. Например, фольклорные образы прошлого, такие как Итте, Пюнеге, Илынтыль-кота и др., не очень известны современным потомкам селькупов. Нередко те минимальные знания, которые удается раздобыть авторам произведений на селькупскую тему, черпаются из публикаций ученых.

В случае с хореографией, как отмечает исследователь художественного народного творчества коренных народов Томской области З. А. Игнатенко, классическая балетная подготовка «у станка» порождает определенную пластику движений, при которой танцоры любых народов мира становятся ощутимо похожими друг на друга. «Северные танцы» изначально возникли как искусственно (хотя и искусно) сконструированные произведения народного искусства (Игнатенко, 2005).

Хотелось бы привести одно, ценное, на мой взгляд, наблюдение З. А. Игнатенко: качество базовой образовательной подготовки сотрудников этнокультурных центров (а это профессиональные музыканты с. Парабель: Е. А. Зубарев (именно он осваивает «селькупские» музыкальные инструменты), мастер хорового дирижирования и профессиональный музыкант В. П. Тузакова (при этом с селькупскими корнями), профессиональный хореограф З. М. Барышникова), их многолетний опыт по проведению массовых зрелищных мероприятий сформировали и способы

³ Время сбора: для северных селькупов – 1930-е гг.; для южных – сборы К. Доннера – нач. XX в.; позднее – 1950–1970-е гг.

подачи материала, и эстетические критерии, которым должен удовлетворять конечный продукт. Идет активное продуцирование новой традиции, формирующейся уже не в лоне некогда бытовавшей фольклорной традиции, а по законам жанра «художественной самодеятельности», т. е. полупрофессионального искусства (Игнатенко, 2005).

Для разработки сценариев национальных праздников активно задействуются навыки организационной работы, полученные в рамках обучения в Томском педагогическом университете (для работы с молодежью) и даже в рамках деятельности комсомольской и пионерской организаций (организация досуга в пионерских детских лагерях – конкурсы, игры, эстафеты и т. п.). Это востребовано, и это работает.

О проявлениях этнической консолидации и актуализации этнической идентичности в Парабельском и Каргасокском районах Томской области.

Эти проявления можно реально фиксировать. Они ощущаются в следующем:

1. О селькупках в области заговорили. Если раньше в Парабельском районе мало кто знал или знали на уровне, что есть «какие-то» аборигены, но мало кто мог ответить на вопрос, кто они, то сейчас ситуация явно изменилась: информированность населения в этом вопросе заметно возросла. Стоит отметить, что сейчас в Каргасокском и Парабельском районах Томской области, ввиду частого будирования и обсуждения этой темы, многие жители проявляют неплохую осведомленность в вопросе этнонимии и ее соотношений: остяк – селькуп – хант.

2. Художественная самодеятельность «нарисовала» весьма позитивный (с элементами экзотичности!) образ селькупа в глазах как лиц неселькупской национальности, так и потомков селькупского населения. Этому образу многим жителям с. Парабель захотелось соответствовать, быть сопричастным.

При этом в придании экзотичности задействованы художественные элементы и образы арктических народов Сибири – чукотско-эскимосские (например, в области танца) или же попытки использовать (имитировать) алтае-саянское горловое пение (чем примечателен фоноряд в спектакле «Герой» Томского театра кукол).

Пока эта экзотичность создается без использования индейской тематики, но, думаю, это только «пока»; не исключено, что образный потенциал индейцев Северной Америки также может быть задействован для создания видеоряда для образа «остяка».

Также «пока» все это обходится без профессиональных имиджмейкеров. Данный вид особого творчества в России лишь набирает обороты и его результаты заметны изредка только в политике или в шоу-бизнесе, в самодеятельности на районном уровне деятели этой сферы пока не отмечены.

3. Образ аборигена-селькупа настолько позитивно-привлекательный, что многие лица неселькупской национальности очень даже активно взялись искать у себя селькупские корни (а при остром желании их найти, обычно это всегда удается сделать).

В среде лиц, от кого зависит «принять» или «не принять» в ряды селькупов, распространена предельно толерантная позиция – если хотите быть селькупами, будьте ими. Однако чтобы получить некий документ (справку о принадлежности к селькупскому этносу), здесь нужны определенные документальные подтверждения – свидетельства о рождении родителей или упоминания в паспортах в графе национальность этнонимов «остяк» или «селькуп» и т. п.

4. Те, кто имеет реальные фамильные права причислять себя к селькупскому этносу, с 1990-х гг. активно и успешно это делают. Быть селькупом в настоящее время популярно, в какой-то степени модно, и уж точно не скучно. Можно съездить в Париж на конкурс песен аборигенов или, если пригласят, на Финно-угорский конгресс, чтобы украсить культурную программу. Для жителей провинции участие в мероприятиях подобного рода, проводимых официально на районном и межрайонном уровнях, становится не просто развлечением или хобби в свободное время, а начинает играть роль яркого и значимого события в жизни.

На сегодняшний день принадлежность к селькупскому этносу предполагает активное участие в деятельности местной художественной самодеятельности. Всем предлагается стать активными участниками этих массовых зрелищных мероприятий, позиционируемых как «национальные праздники». Если есть артистические способности, то в качестве танцоров, певцов, участников театрализованных сценок. Если же нет желания быть на сцене, то можно быть задействованным при пошиве костюмов, при изготовлении реквизита, включая шаманские бубны, или же просто варить уху (рыбный суп), которым кормят гостей таких праздников на «селькупских площадках».

Уха – обязательное блюдо, предлагаемое как реальный элемент селькупской национальной кухни (элемент, к слову сказать, действительно этнически идентификационный и реально бытующий до сего дня: потомки селькупов были и остаются рыбаками). И эта коллективная деятельность при подготовке массовых праздников на самом деле сплачивает этнос (или то, что от него осталось). Совместная деятельность (причем с элементами творчества, точнее – сотворчества) – вот тот настоящий механизм, реально включающий солидаризацию (консолидацию) людей на почве этнической принадлежности. Он действительно помогает им почувствовать, что они селькупы или потомки селькупов.

5. Каждый такой подготовленный праздник или концерт – это шаг на пути к сплочению. И в этом смысле художественная самодеятельность выполняет очень интересную функцию, не часто освещаемую в соответствующих публикациях, – роль мощного этноконсолидирующего фактора. Фольклор и мифологические концепции дают материал, который переосмысливается и преломляется через нужды сценического пространства (можно предполагать, что со временем все зрелищное будет задействовано в максимально широком диапазоне) и порождает новую культурную традицию. Создатели очень стараются возродить (но часто получается именно «придумать заново») формы коллективной обрядовой деятельности. Недостаток информации или ее простота не удовлетворяет создателей новой мифологии и новых обрядов: чувствуется буквально жажда ярких образов и драматичных сюжетов.

Современные интерпретаторы селькупской мифологии не претендуют на роль духовных лидеров народа, но пытаются занять место в научной среде; они хотели бы, чтобы их редакции фольклорно-мифологической традиции воспринимались и как действительно селькупские, и именно как научные версии. Угодить двум «господам» – народным массам и научному сообществу – очень сложно; в этом слабость их позиции.

В заключение отметим, что «сибирская экзотичность» востребована в массах (и не только у потомков селькупов). Одновременно идет поиск сибирской идентичности и у русского населения края, которое также нередко добавляет некоторую «аборигенную экзотичность» при создании некоего обобщенного образа «русского сибиряка». Однако описание специфики этого процесса требует дополнительный – «русский» – материал.

Приложение

Образцы творчества авторов неселькупской национальности с использованием образов селькупского фольклора.

1. Поэма «Герой» [фрагменты]

Автор Столяров С. Вс.

ЭТО было, когда еще ничего не было.

И некому было на ЭТО смотреть,

И не на ЧТО было смотреть.

Не было Неба и Земли,

Не было леса и трав,

Не было рек и озер,

Не было Богов и лозов,

Не было богатырей,

Покрытых панцирем из рога,
Неуязвимых для стрел,
И стрел самих не было.
Богатырей питавшихся запахами,
А утром в чашку плевавшим,
Где из плевка новый богатырь рождался.
Не было славного лесного народа,
Что назвал бы себя селькупами,
И не родился еще их предок –
Хитрый сметливый Итте,
Чьим отцом было Небо,
А матерью дочь Земли,
Простая краснолицая девушка.

И чтобы все это СТАЛО,
Отделилась Земля от Неба,
Не могли больше быть они слиты,
Но не видно Земли – только Воды.
Небо в них отражается только.
Появилась откуда-то Утка,
Стала утка нырять, и в клюве
Приносить со дна глину в клюве.
Много раз нырнула утка,
Появилось земли немного,
Но Земля разрастаться стала,
Появились реки и горы...
Смотрит Небо – там реки и горы,
Стал он сыпать вниз шерстинки,
А из них появились звери,
Появились леса и травы,
Появились болота и птицы.

...

Пари Нум Бог небесный спустился,
Вниз на Землю Бог наш спустился,
Своей нежной ступней коснулся
Земли, что еще не остыла,
В болоте ступня завязла,
О камни ступня зацепилась,
Кровь застыла в том месте страшном.
Пари Нум рассердился очень:

– За женой я на Землю спустился,
Не хочу жить один я больше,
Сыновей от жены хочу я,
Чтобы радовать глаз отцовский
Сыновья мои стали на Небе,
Чтоб помочь мне в трудах моих тяжких.
Чтобы мог я, на них положившись,
На охоту пойти на оленей.

Тут же вихрь поднялся высокий,
В этом вихре весны нежный запах.
Появилась Томэм в этом вихре,
Словно лилия, лик ее белый,
Поступь важная, крепкие плечи,
Видно сразу – Земли Богиня.

– Ты зачем мою землю топчешь,
Расплескал ты озера, где рыба,
Растоптал ты леса, где звери,
До тебя жили мирно и тихо.

– От тебя я хочу детей крепких,
Что в проворстве тебе не уступят,
От тебя хочу потомства,
Что пустынное Небо заселит.

Бьется сердце Томэм, сильно бьется.
Бьется сердце в груди Пари Нума,
Словно дикие уточки разом
По широкой воде поплыли,
Побежали, вытянув шеи,
Так Первый танец родился,
Из Любви Первый танец родился.
Протянул Пари Нум на ладони
Мяса кусок кровавый.
Мяса вырванного из тела:

– Ешь, Томэм, мое мясо,
Мы станем одной плотью.

Засмеялась Томэм:

– Коли хочешь
Посвататься-стать моим мужем,
Приезжай на Небесных оленях,
Чтобы видели все, как любишь!
Вихрь поднялся – умчалась богиня.

...

2. Легенда про Элѐ

Автор Зубарев Е. А.

Было время, когда тайгой властною рукою управлял князь Воня. Все народы, живущие по берегам Оби, несли ему дань соболями и рыбой. Воня умел превратить любое подношение в прибыль. И только один маленький князек не подчинился воле князя Пегой орды. Захватил тогда Воня дочь непокорного князька и повелел сделать ее своей наложницей.

Шаман же сказал: «Духи говорят, не с той стороны беда идет. Не от отца Элѐ – «Утренней зари», а со стороны Белого царя. Надо принести в жертву духам Элѐ, чтобы победить».

И было бы так по слову шамана. Уже горел ритуальный огонь. Уже налетели вороны, следившие за камланием. Но в дело вмешался сын Вони – Тайбахта и остановил шамана. Освободил «Утреннюю зарю» и обратился к отцу: «Не воевать с Белым царем надо, а послать ему ваши

дары. Люди устали от жертв и войн. Люди хотят жить в мире. Селькупы научатся у белых людей возделывать землю. Мы станем другими. И это так же верно, как озеро, тайга, Элѐ».

И согласился князь Воня со словами сына, и сказал: «Я стал старый. Тебе править Пегой ордой. И женился тогда Тайбахта на красавице Элѐ. И свадьба удалась на славу.

Так ли было, нет ли, но именно так рассказали эту легенду участники ансамбля «Варг кара».

Список литературы

- Быконя В. В. Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998. 261 с.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 606 с.
- Игнатенко З. А. Культура современных селькупов Томской области // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 249–251.
- Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1997. 219 с.
- Кошелева Е. Ю. Этнические движения коренных малочисленных народов Севера на рубеже XX–XXI веков (западносибирский регион): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003.
- Мифология селькупов / Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, А. А. Ким-Малони, А. В. Байдак, С. В. Глушков; науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 4. 382 с.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 423 с.
- Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.
- Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Ленинград: Наука, 1976. С. 106–128.
- Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сборник МАЭ. Ленинград, 1977. С. 66–79.
- Сагалаев А. М. Неомифология Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 414–417.
- Тучков А. Г. Факторы формирования языковой ситуации у нарымских селькупов в 1920–1930-е гг. // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2007. Вып. 3. С. 161–168.
- Тучкова Н. А. Неомифология как способ актуализации этнической идентичности. URL: <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Selbstbilder/Tuchkova.pdf> (дата обращения: 8.11.2013).
- Фёдорова М. И. Представления о душе и бессмертии в духовной культуре селькупов: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2010.
- Шаховцов К. Г. Этническая идентификация южных селькупов (XX – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Шаховцов К. Г., Функ Д. А. О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Сибирский этнографический сборник. Этнография народов Западной Сибири. М., 2000. С. 310–324.
- Horn D. Das Selkupische Ethnizitätsgebäude. Zur gegenwärtigen ethnischen Identität der südlichen Selkupa (Westsibirien). Trier, 2002. 181 S.
- Тучкова Н. А., кандидат исторических наук, доцент.
- Томский государственный педагогический университет.**
- Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
- E-mail: natatutschkova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 05 мая 2015.

Tuchkova N. A.

FOLK PERFORMING ARTS AND FOLK MYTH CREATION PROCESS AS ETHNIC CONSOLIDATION FACTORS STIMULATING ETHNIC IDENTITY DEVELOPMENT (BASED ON DATA FROM PARABEL DISTRICT OF TOMSK)

The paper reviews the role of “ethnic festivals” in the process of ethnic consolidation of Selkup-ancestry population in Narym area in XX–XXI centuries and the development of semi-professional arts and crafts within these festivals (performing arts). The discussion also reviews the role of neomythology in stimulating of consolidating processes and building ethnic identity.

Key words: *Selkup, festivals, neomythology, folklore, folklore images, arts and crafts, performing arts.*

References

- Bykonya V. V. *Imya chislitel'noe v kartine mira sel'kupov* [Numeral in the picture of the world of Selkups]. Tomsk, 1998. 261 p. (in Russian).
- Golovnev A. V. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking culture: traditions of the Samoyeds and Ugrian]. Ekaterinburg, 1995. 606 p. (in Russian).
- Ignatenko Z. A. Kul'tura sovremennykh sel'kupov Tomskoy oblasti [Culture of today's Selkups of Tomsk region]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of historical and cultural development of the ancient and traditional societies, western Siberia and adjacent territories]. Tomsk, 2005. Pp. 249–251 (in Russian).
- Kim A. A. *Ocherki po sel'kupskey kul'tovoy leksike* [Essays on the Selkup cult lexicon]. Tomsk, Izd-vo nauchno-tehnicheskoy literatury Publ., 1997. 219 p. (in Russian).
- Kosheleva E. Yu. *Etnicheskiye dvizheniya korennykh malochislennykh narodov Severa na rubezhe XX–XXI vekov (zapadnosibirskiy region): dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnic movements of indigenous peoples at the turn of XX–XXI centuries (West Siberian region): Dis. cand. hist. sci.]. Tomsk, 2003 (in Russian).
- Pelikh G. I. *Proiskhozhdeniye sel'kupov* [The origin of Selkups]. Tomsk, TSU Publ., 1972. 423 p. (in Russian).
- Pelikh G. I. *Sel'kupskaya mifologiya* [The Selkup mythology]. Tomsk, 1998. 79 p. (in Russian).
- Prokof'eva E. D. Staryye predstavleniya sel'kupov o mire [Old ideas of the Selkups about the world]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Pp. 106–128 (in Russian).
- Prokof'eva E. D. Nekotoryye religioznyye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkup]. *Sbornik MAE - MAE Collection*. Leningrad, 1977. Pp. 66–79 (in Russian).
- Sagalaev A. M. Neomifologiya Altaya [Neomythology of Altay]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of thousands of years]. Novosibirsk, 1998, vol. 2, pp. 414–417 (in Russian).
- Tuchkov A. G. Faktory formirovaniya yazykovoy situatsii u narymskikh sel'kupov v 1920–1930-e gg. [The factors of forming the linguistic situation of the southern (Narym) Selkups in 1920–30s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2007, no. 3, pp. 161–168 (in Russian).
- Tuchkova N. A., Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A. et al. *Mifologiya sel'kupov* [Mifology of Selkups]. Ed. by V. V. Napol'skikh. Tomsk, TGU Publ., 2004, vol. 4. 382 p. (in Russian).
- Tuchkova N. A. *Neomifologiya kak sposob aktualizatsii etnicheskoy identichnosti* [Neomifologiya as a way of updating the ethnic identity]. URL: <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Selbstbilder/Tuchkova.pdf> (accessed 8.11.2013) (in Russian).
- Fedorova M. I. *Predstavleniya o dushe i bessmertii v dukhovnoy kul'ture sel'kupov: dis. ... kand. ist. nauk* [Ideas about the immortality of the soul and spiritual culture of Selkups: dis. cand. hist. sci.]. Saint-Petersburg, 2010 (in Russian).
- Shakhovtsov K. G. *Etnicheskaya identifikatsiya yuzhnykh sel'kupov (XX – nachalo XXI veka): dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnic identification of southern Selkups (XX – beginning of XXI century): Dis. cand. hist. sci.]. Moscow, 2007 (in Russian).
- Shakhovtsov K. G., Funk D. A. O sovremennykh protsessakh formirovaniya etnicheskoy samoidentifikatsii u sel'kupov Tomskoy oblasti [About modern processes of formation of ethnic identity of the Tomsk region Selkup]. *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik. Etnografiya narodov Zapadnoy Sibiri – Siberian ethnographic collection*. Ethnography of the peoples of Western Siberia. Moscow, 2000. Pp. 310–324 (in Russian).
- Horn D. *Das Selkupische Ethnizitätsgebäude. Zur gegenwärtigen ethnischen Identität der südlichen Selkuten (Westsibirien)*. Trier, 2002. 181 S.

Tuchkova N. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: natatutschkova@yandex.ru

Чернова И. В., Торощина Н. В.

ПО СЛЕДАМ КАЯ ДОННЕРА (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ЧЕРЕЗ СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ)

Статья посвящена восстановлению одного момента из жизни селькупской семьи, запечатленной на фотографии столетней давности. Для анализа были привлечены фотографии селькупов с р. Тым, снятые К. Доннером в 1912 г., и записи метрических книг XIX–XX вв. В результате исследования представлены некоторые возможности метода воссоздания цепочек событий истории на примере сюжета из жизни известной селькупской шаманской семьи Карлыгиных с р. Тым.

Ключевые слова: *Кай Доннер, селькупы, семья Карлыгиных, фотографии, метрические записи.*

В современном мире с активно развивающимися процессами глобализации неуклонно разрушается уникальная культура малочисленных народов, и тем большее значение и ценность приобретают материалы экспедиций ученых этнографов прошлых столетий.

К таким значимым источникам без сомнения стоит отнести и полевые материалы известного финского исследователя Кая Доннера. Полным опасностей и напряженного труда стало его путешествие по Сибири в 1911–1914 гг. К. Доннер предпринял долгую поездку по Оби до юрт Калгуйак, затем поднялся по р. Тым до Напаса, а после добрался по р. Кеть до с. Маковского и совершил ряд других кратковременных выездов в города Сибири и к группам малочисленных народов.

К сожалению, рано ушедший из жизни исследователь не успел тщательно разобрать и самостоятельно издать свои материалы. Одну из самых полных русскоязычных публикаций подготовила А. В. Байдак (Доннер, 2008: 1–176). Издание включает экспедиционные фотографии К. Доннера, которые предоставили потомкам редкую возможность увидеть представителей коренных народов, весьма нечасто попадавших в объектив фотоаппарата. Интерес к наследию К. Доннера настолько велик, что в 2014 г., к столетию его путешествия, в Национальном музее в Хельсинки была организована выставка «Приключения в Сибири. Фотографии Кая Доннера 1911–1914 гг.». По свидетельству организаторов мероприятия многие снимки имели плохую сохранность и нуждались в реставрации. Угроза исчезновения бесценных источников подстегивает к их более пристальному изучению. К сожалению, подписи под фотографиями весьма фрагментарны.

Наше внимание привлекли две фотографии, на которых запечатлены селькупы с р. Тым. На первом снимке (рис. 1) на фоне деревянной постройки изображен пожилой мужчина невысокого роста в шаманском облачении с большим бубном и колотушкой в руках. Подписи под фотографией в издании и на сайте выставки несколько разнятся. Приводим их в указанной выше последовательности: «Шаман Елисейка Кочиядер. Май 1912 г.» (Доннер, 2008: 42) и «Шаман Кочиядер. Река Тым. 1912». Сопоставив подписи, мы можем заключить, что на снимке, сделанном в мае 1912 г., изображен известный тымский шаман Елисей Семенович Карлыгин (Елисейка Кочиядер). Прозвище Кочиядер дано по названию населенного пункта Кочиядрово, где традиционно проживала семья Карлыгиных. К. Доннер в своих заметках упоминает, что встречался с этим человеком в Напаса в мае 1912 г. и провел в беседах с ним несколько дней. Исследователь описал свое впечатление об этом человеке: «Приятное оживление внесла в мое путешествие встреча с верховным шаманом тымских самоедов Кочиядером. ...Это был один из немногих оставшихся шаманов, хранитель известного культового места – обители божества с семью лицами. Я не встречал среди аборигенов более порядочного и замечательного человека, чем он. В те дни, что я провел у него, я понял, что он ни в коем случае не пытался заморочить кому-ли-

бо голову колдовскими приемами. Он удивительно серьезно и ловко пользовался шаманским бубном, и мне импонировал тот пафос, с которым он в молитвах обращался к духам своих предков» (Доннер, 2008: 41).

Рис. 1

О Е. С. Карлыгине, его костюме, этнографических предметах, взятых у него К. Доннером, о родословной семьи и судьбах его детей есть несколько публикаций (Пихновская, 2008: 61–65; Торощина, Чернова, 2008: 235–243). Вместе с тем внимание исследователей пока не привлекала другая фотография того же времени, подписи к которой тоже не сводятся в издании и на сайте к одному варианту, поэтому приводим оба: «Семья Кочедера» (Доннер 2008) и «Напасел Эд. Самоедская семья с бабушкой. Река Тым» (рис. 2). Сопоставление этих подписей, которые дополняют друг друга, делает очевидным, что на снимке представлена семья Кочедера, т. е. Елисея Семеновича Карлыгина с бабушкой в юртах Напас на р. Тым. На фотографии слева направо изображены женщина средних лет с младенцем на руках, мужчина, также средних лет, держащий за руки двух ребятишек: девочку 5–6 лет и ребенка 3–4 лет, половую принадлежность которого сложно определить по внешнему виду. Рядом стоят мальчик-подросток лет десяти и пожилая женщина.

Поскольку авторами собраны данные метрических книг прихода Тымской Троицкой церкви, в результате чего получена возможность сопоставлять и анализировать разнообразные данные по брачно-семейным связям значительной части населения Притымья в XIX–XX вв., в данной статье предложено уточнить семейную принадлежность персонажей с интересующей нас фотографии К. Доннера.

В метрических книгах удалось собрать информацию о семье Елисея Семеновича Карлыгина. У Елисея Семеновича Карлыгина и его жены Марии Михайловны в 1912 г. было четыре сына и одна дочь. На момент фотосъемки из детей Е. С. Карлыгина был женат только старший сын

Дмитрий Елисеевич. 30 июня 1904 г. он женился на Анастасии Устиновне Пыршиной из юрт Пыль-карамо (ГАТО: ф. 527, оп. 1, д. 386, л. 75 об.–76).

Рис. 2

На период мая 1912 г. у этой супружеской пары было четверо выживших детей: сын Василий (родившийся 25 февраля 1904 г.), дочь Параскева (родившаяся 3 сентября 1906 г.), сын Арсений (родившийся 15 февраля 1909 г.) и дочь Агриппина (родившаяся в июне 1911 г.). Если вычислить возраст детей Дмитрия Елисеевича и Марии Михайловны Карлыгиных на 1912 г., то мальчику Василию исполнилось 8 лет, девочке Параскеве – 6 лет, мальчику Арсению – 3 года и девочке Агриппине – 11 месяцев. Дмитрию Елисеевичу Карлыгину было на тот момент 26 лет, а его супруге – чуть более 30 лет. Таким образом, можно констатировать соответствие возрастов персон на фотографии и членов семьи Д. Карлыгина на 1912 г.

Учитывая указание в авторской подписи на фотографии на то, что это семья шамана, а также полученные из метрических книг сведения о том, что у Елисея Карлыгина не было младших братьев и в указанное время не было маленьких детей, можно заключить, что на снимке изображен один из его сыновей. Жена и дети были только у сына Дмитрия, а дочери Агриппине исполнилось только 19 лет (женщина на снимке явно старше). С большой долей вероятности можно утверждать, что на снимке К. Доннер запечатлел сына Елисея Карлыгина Дмитрия Елисеевича и его семью. Косвенным аргументом в пользу этого суждения может служить малая вероятность столь точного совпадения возрастов, изображенных на фотографии при малочисленности жителей Тымского прихода.

Остается прояснить вопрос о «бабушке». На фотографии немного особняком от семьи Дмитрия Елисеевича Карлыгина держится пожилая женщина в верхней одежде с богатой отделкой. Можно предположить, что это супруга Елисея Семеновича Карлыгина, мать Дмитрия Карлыгина и соответственно бабушка его детей. Информация о жене Елисея Карлыгина Марии Михайловне крайне скупа. В книгах тымского прихода не была обнаружена запись о заключении ими брака. Вместе с тем дети признавались церковью законными, поэтому нет сомнений, что брак был венчанный. Исследуя этот вопрос, удалось обнаружить, что отсутствуют данные о рождении у супругов и старшего сына Дмитрия Елисеевича. В записи о заключении брака Д. Е. Карлыгина указан его возраст – 18 лет, т. е. он приблизительно 1886 года рождения. Обнаружена

метрическая запись о рождении ясачной девицей Марией Михайловной Кулеевой незаконнорожденного сына по имени Дмитрий 5 октября 1885 г. и о крещении этого ребенка 26 мая следующего 1886 г. (Муниципальный архив администрации Каргасокского района Томской области: ф. 204, оп. 1, д. 11, л. 23 об.–24).

Поздняя фиксация браков была на Тыму обычным делом, свадьбу справляли по селькупскому обычаю в удобное время года, а регистрация браков церковью, особенно в отдаленных поселениях, к которым, несомненно, относилось и Кочеедрово, происходила обычно с открытием водного пути и прекращалась к ледоставу (Торощина, Чернова, 2006: 228–234). Если бы прихожанин, женившийся на женщине по своему обряду и имевший уже от нее детей, захотел заключить с ней церковный брак, то все родившиеся до регистрации дети были бы признаны незаконнорожденными. Вероятно, Елисей Семенович Карлыгин заключил свой брак в интервале с октября 1885 г. (рождение незаконнорожденного Дмитрия) до 1888 г. (рождение дочери Татьяны, уже признанной законным ребенком) (ГАТО: ф. 527, оп. 1, д. 529, л. 31 об.–32). Можно предположить, что брак был заключен в другом приходе, что тоже не раз бывало. Но в метрической книге Тымской Троицкой церкви за 1886 г., которая сохранилась только в одном приходском экземпляре, утрачены две записи о браках № 1 и № 2 (в книге утрачен лист, левая часть первого разворота второй части книги, где фиксировались сведения о бракосочетавшихся), относящиеся к маю и июню 1886 г. Помня, что сын Марии Михайловны Кулеевой был крещен 26 мая 1886 г., а фиксация метрических событий у селькупов проводилась священниками не так уж часто, логично предположить, что после крещения ребенка, которого Елисей Семенович Карлыгин считал своим сыном, он, вероятнее всего, заключил брак с его матерью. Но доподлинно установить это нам вряд ли удастся из-за утраты документа. Косвенно возможность такого развития событий иллюстрируется и тем фактом, что до регистрации 30 июня 1904 г. брака Дмитрия Елисеевича Карлыгина и Анастасии Устиновны Пыршиной у последней уже был незаконнорожденный сын Константин, родившийся 20 мая 1902 г. (ГАТО: ф. 527, оп. 1, д. 386, л. 115 об.–116.). Этот мальчик, к сожалению, умер 25 декабря 1904 г., и в части об умерших метрической книги за 1905 г. он записан как сын Дмитрия Елисеева Карлыгина (ГАТО: ф. 527, оп. 1, д. 386, л. 19 об.–20). В этом случае нельзя исключать, что на фотографии может быть изображена мать Анастасии Устиновны Анна Михайловна Пыршина.

Обобщая все сказанное, можно заключить, что семья Карлыгиных жила традиционным укладом, более следуя народным обычаям и относясь к православным обрядам весьма формально. Но поколение детей Елисея Карлыгина, к которому относился и Дмитрий, изображенный на фотографии, стало свидетелями коренных преобразований в Нарымском крае, связанных с утверждением советского строя. В 1941 г. Д. Е. Карлыгин будет репрессирован за антисоветскую агитацию. Его осудят на 8 лет исправительно-трудовых работ и на 3 года поражения в правах (Боль людская, 1994: 153). Но из лагерей в родные края он уже не вернется. Сам шаман Елисей Семенович Карлыгин, согласно записи в книге ЗАГС Напасского сельского совета, умер в январе 1938 г. (Пихновская, 2008: 63). Фотографии Кая Доннера запечатлели очарование еще сохранившегося уклада жителей Нарымского края накануне неотвратимых преобразований в их жизни.

Список литературы

Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Томск, 1994. Т. 4. С. 384.

ГАТО. Ф. 527. Метрические книги. Оп. 1. Д. 386. Метрические книги о рождении, браке и смерти Троицкой церкви с. Тымского Каргасокского района 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 гг.

ГАТО. Ф. 527. Метрические книги. Оп. 1. Д. 529. Метрическая книга о рождении, браке и смерти Троицкой церкви с. Тымское Каргасокского района 1888, 1894–1897, 1908–1909, 1913, 1915 гг.

Доннер К. У самоедов в Сибири / пер. с нем. А. В. Байдак. Томск: Изд-во «Ветер», 2008. 176 с.

Муниципальный архив администрации Каргасокского района Томской области. Ф. 204. Метрические книги церквей Нарымского края Томского округа. Оп. 1. Д. 11. Метрическая книга родившихся, бракосочетавшихся и умерших Тымской Свято-Троицкой церкви.

Пихновская А. А. Этнографические коллекции Колпашевского краеведческого музея // Труды Томского областного краеведческого музея: сб. ст. Томск: Ветер, 2008. С. 61–65.

Торощина Н. В., Чернова И. В. Незаконнорожденные в Тымском приходе: поздняя регистрация брака или свобода отношений // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции / под ред. проф. О. А. Харусь. Томск: Томский государственный университет, 2006. С. 228–234.

Торощина Н. В., Чернова И. В. К истории шаманской семьи Карлыгиных // Труды Томского областного краеведческого музея: сб. ст. Томск: Изд-во «Ветер», 2008. С. 235–243.

Чернова И. В., кандидат исторических наук, доцент.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: ikar561965@mail.ru

Торощина Н. В., директор.

ООО «Историко-культурное наследие Сибири».

Пер. Картасный, 17, Томск, Россия, 634009.

E-mail: natator@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30 апреля 2015.

Toroshchina N. V., Chernova I. V.

IN THE FOOTSTEPS OF KAI DONNER (RECONSTRUCTION OF HISTORY BY COMPARISON OF SOURCES)

The paper is aimed at reconstructing one episode of the Selkup family's life captured by a photograph one hundred years ago. The analysis is based on photographs of the Selkups from the Tym River taken by the renowned Finnish scholar Kai Donner in 1912, and from the records of parish registers of XIX–XX centuries. During his tour of Siberia in 1911–1914, K. Donner reached Kalguak yurts down the Ob river, then went to Napas up the Tym River and got to Makovskoye village down the Ket river. He also made a number of other short-term trips to Siberian towns and settlements of indigenous minorities. The scientist collected extensive materials on ethnography and linguistics of indigenous peoples of Siberia. We present the possibilities of implementing the method of reconstructing the sequence of the events based on the episode of the life of a well-known Selkup shaman family of Karlyguin from the Tym river.

The contemporary world with the advancing globalization steadily destroys unique cultures of indigenous minorities. Therefore, materials of ethnographic expeditions from previous centuries are becoming increasingly important and valuable.

Key words: *Kai Donner, the Selkups, the Karlygin's family, photographs, records from parish registers.*

References

Bol' lyudskaya. Kniga pamyati repressirovannykh tomichey [Human pain. Repressed Memory Book of Tomsk citizens]. Tomsk, 1994, vol. 4. P. 384 (in Russian).

Metricheskiye knigi o rozhdenii, brake i smerti Troitskoy tserkvi s. Tymskogo Kargasokskogo rayona 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 gg. [Parish registers of birth, marriage and death of Trinity church, Tym, Kargasok district in 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906]. *GATO – Fondy Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti* [State archives, Funds of the State archives of Tomsk region]. F. 527. Metricheskiye knigi, op. 1, d. 386 (in Russian).

Metricheskiye knigi o rozhdenii, brake i smerti Troitskoy tserkvi s. Tymskogo Kargasokskogo rayona 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 gg. [Parish registers of birth, marriage and death of Trinity church. Tym Kargasok district in 1888, 1894–1897, 1908–1909, 1913, 1915]. *GATO – Fondy Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti* [State archives, Funds of the State archives of Tomsk region]. F. 527. Metricheskiye knigi, op. 1, d. 529 (in Russian).

Donner K. *U samoedov v Sibiri* [At Samoyeds' in Siberia]. Per. s nem. A. V. Baydak. Tomsk, Veter Publ., 2008. 176 p. (in Russian).
Metricheskaya kniga rodivshikhsya, brakosochetavshikhsya i umershikh Tym skoy Svyato-Troitskoy tserkvi [Parish registers of births, marriages and deaths of Tym Holy Trinity Church]. *Munitsipal'nyy arkhiv administratsii Kargasokskogo rayona Tomskoy oblasti* [Municipal archives of administration of Kargasok district, Tomsk region]. F. 204. Metricheskiye knigi tserkvey Narymskogo kraya Tomskogo okruga, op. 1, d. 11 (in Russian).

Pikhnovskaya A. A. Etnograficheskiye kollektsii Kolpashevskogo kraevedcheskogo muzeya [Ethnographic collection of Kolpashevo local history museum]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya: sb. st.* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum: Collection of articles]. Tomsk, Veter Publ., 2008. Pp. 61–65 (in Russian).

Toroshchina N. V., Chernova I. V. Nezakonnorozhdennyye v Tyskom prikhode: pozdnyaya registratsiya braka ili svoboda otnosheniy [Illegitimate children in the Tym parish: Late registration of marriage or freedom relations]. *Dokument v paradigme mezhdistsiplinarnogo podkhoda: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Document in paradigm of interdisciplinary approach: Proceedings of the Second All-Russian scientific-practical conference]. Ed. by prof. O. A. Harus'. Tomsk, TGU Publ., 2006. Pp. 228–234 (in Russian).

Toroshchina N. V., Chernova I. V. K istorii shamanskoy sem'i Karlyginykh [On the history of the Karlyginy shaman family]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya: sb. st.* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum: collection of articles] Tomsk, Veter Publ., 2008. Pp. 235–243 (in Russian).

Chernova I. V.

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: ikar561965@mail.ru

Toroshchina N. V.

Historical-Cultural Heritage of Siberia.

Per. Kartasnyy, 17, Tomsk, Russia, 634009.

E-mail: natator@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

Кулемзин В. М.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. Н. АДАЕВА
«ТРАДИЦИОННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ХАНТОВ И НЕНЦЕВ».
ТЮМЕНЬ, 2007**

Человек находится в контакте с природой с незапамятных времен. Связь человек – природа односторонняя: человек не может существовать без природы и вводит в хозяйственный оборот все новые и новые ресурсы природы. Не случайно в зарубежной науке экология включает в себя биологию, археологию, этнографию, т. е. она не является исключительно гуманитарной областью знаний или исключительно естественно-научной. Книга В. Н. Адаева обогащает наши экологические представления, и в частности сибиреведение.

Ключевые слова: книга В. Н. Адаева, человек – природа, экология, сибиреведение.

Человек в контакте с природой находится с самых незапамятных времен. Также известно, что связь человек – природа односторонняя: природа великолепно существует без человека, а человек, увы, без природы существовать не может. Более того, человек с каждым своим шагом по эволюционной лестнице включает в хозяйственный оборот все новые и новые ресурсы природы. В наши дни не является исключением даже простой воздух, окружающий нас, люди производят из него жидкий кислород и водород и многое другое. Так не случайно возникла наука экология, совсем молодая, в отличие от человека и тем более природы. Также не случайно в зарубежной науке экология включает в себя биологию, археологию, этнографию, т. е. она не является исключительно гуманитарной областью знаний или исключительно естественно-научной.

В отечественном научном знании экология обнаружилась совершенно неожиданно, впрочем, как и этнография, да и связь эта была самая прямая. Со времен публикаций материалов сухопутного и морского отрядов Великой Северной академической экспедиции стало слишком очевидно, что у аборигенов Сибири и Севера непривычные для европейского человека отношения с природой. Несколько ранее, еще сподвижником Петра I В. Н. Татищевым были составлены своеобразные вопросники-программы для сбора сведений у аборигенов Сибири по природопользованию.

В последние несколько десятилетий интерес к данной теме заметно возрос, появился даже термин «этноэкология» (впрочем, как и термины «этнопсихология», «этнопедагогика»). Таким образом, выход в свет книги В. Н. Адаева, посвященной традиционной экологической культуре хантов и ненцев, не является случайным. Она наглядно демонстрирует, что идет движение в сторону создания некой общей теории, с позиций которой можно было бы объяснить многие частности в общении человека и природы представителями разных культур, хотя эта общая теория еще далека от завершения.

В. Н. Адаев собрал и обработал материалы свои собственные, обогатив их сведениями других авторов. При этом нужно заметить, что от внимания автора не ускользнула ни одна, даже самая мелкая деталь. Все подчинено единой цели: каковы отношения с окружающим миром, на чем они строятся, что лежит в основе этих отношений? В. Н. Адаев готов «оплатить векселя полнотью», поэтому выстраивает работу системно, выделяя в особый мир животных, растения, насекомых, сферу сакрального и т. д. Фактически охвачено все то, с чем так или иначе сталкивается человек или используется человеком.

В. Н. Адаев нередко возвращает читателя в прошлое, поэтому не покидает мысль, что, хотя материалы собраны сегодня или совсем недавно, мы соприкасаемся с глубокой древностью.

Автор как бы вскрывает черепную коробку древнего человека и указывает на некоторые «окаменелости» мыслительного аппарата.

Какие же уязвимые места, недостатки, пожелания следует, на мой взгляд, высказать?

В. Н. Адаев заканчивает книгу, как, впрочем, и многие другие авторы-экологи, совершенно идеалистически: пора «прекратить разрушительные действия», пора «осознать» это, и диалог представителя старшего поколения с младшим только усиливает это впечатление. Тут явно ощущается отсутствие широкого теоретического фона.

Первые теории так называемого POSSIBILISMA возникли еще в XVIII в. Их представители исходили из того, что человек не несет ответственности за вторжение в природу: его деятельность слишком незначительна. Такая позиция была и у их последователей – представителей географического детерменизма – Ф. Ратцеля и Э. Реклю. Интерес к этим теориям заметно ослаб, а затем исчез вовсе после публикаций работ Г. Гегеля. Гегель, как известно, показал, что человеческое сознание продолжает то созидательное и разрушительное действие, которое осуществляет абсолютная идея. Деятельность человека – это уничтожение природы и превращение Вселенной в саморегулирующую систему.

Однако здесь частично прав В. Н. Адаев: неразумно уничтожение природы, разумна и необходима борьба с этим уничтожением. Традиционное сознание хантов и ненцев – это и есть то необходимое и разумное, что противостоит разрушению.

В. Н. Адаев точно так же обошел стороной известную теорию академика В. И. Вернадского о ноосфере и об отношении к ней современных ученых как отечественных, так и зарубежных.

В общем надо сказать, что книга В. Н. Адаева обогащает наши экологические представления, да и в целом сибиреведение.

Кулемзин В. М., доктор исторических наук, профессор.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: tjla@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2015.

Kulemzin V.M.

THE REVIEW OF THE BOOK BY V.N. ADAEV

“THE TRADITIONAL ECOLOGICAL CULTURE OF KHANTY AND NENETS”. TYUMEN, 2007

Man has been in contact with nature since ancient time. It is well known that the relations between man and nature are irreciprocal: nature perfectly exists without man, but man cannot survive without nature. What's more, at each evolutionary stage man employs more and more natural resources in his everyday life. At present even the air we breathe is not an exception: it is used for the production of liquid oxygen and hydrogen. So, it is not accidental that such new (and much younger than man and nature) discipline as ecology developed. It is not accidental either that in the foreign research tradition ecology also includes biology, archeology, ethnography and this discipline does not belong exclusively to humanities or natural science. V.N. Adaev takes into consideration the well-known theory of V.I. Vernadsky about noosphere and various points of view on this theory. The book of V.N. Adaev greatly contributes to our expertise in ecology and the Siberian studies in general.

Key words: *book by V.N. Adaev, humans – nature, ecology, Siberian studies.*

Kulemzin V.M.

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: tjla@tspu.edu.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Бауло А. В. – доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам
Институт археологии и этнографии СО РАН
Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия, 630090
E-mail: bau194@ngs.ru
- Бернатоните А. В. – кандидат искусствоведения, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: ada_bernaton@inbox.ru
- Буторин С. С. – кандидат филологических наук, доцент
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090
Новосибирский государственный технический университет
Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630092
E-mail: butorin_ss@mail.ru
- Вагнер-Надь Б. – доктор, профессор
Институт финно-угристики и уралистики. Университет Гамбурга
Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Deutschland
E-mail: beata.wagner-nagy@uni-hamburg.de
- Ковылин С. В. – аспирант
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: sergey@scalpnet.ru
- Которова Е. Г. – доктор филологических наук, профессор
Зеленогурский университет
Al. Wojska Polskiego, 71A, 65-762 Zielona Góra, Poland
E-mail: e.kotorova@gmail.com
- Куклин А. Н. – доктор филологических наук, профессор
Марийский государственный университет
Пл. Ленина, 1, Йошкар-Ола, Россия, 424000
E-mail: markaf@marsu.ru
- Кулемзин В. М. – доктор исторических наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
E-mail: tjla@tspu.edu.ru
- Северени Ш. – доктор
Институт финно-угристики и уралистики. Университет Гамбурга
Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Deutschland
E-mail: sandor.szeverenyi@uni-hamburg.de
- Соболевский А. В. – аспирант, преподаватель
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: kvi_TSPU@tspu.edu.ru
- Торощина Н. В. – директор
ООО «Историко-культурное наследие Сибири»
Пер. Картасный, 17, кв. 23, Томск, Россия, 634009
E-mail: natator@mail.ru

- Тучкова Н. А. – кандидат исторических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: natatutschkova@yandex.ru
- Чернова И. В. – кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
E-mail: ikar561965@mail.ru

AUTHORS

- Baulo A. V.* – Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy
Pr. Akad. Lavrent'eva, 17, Novosibirsk, Russia, 630090
E-mail: bau194@ngs.ru
- Bernatonite A. V.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: ada_bernaton@inbox.ru
- Butorin S. S.* – Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ul. Nikolaeva, 8, Novosibirsk, Russia, 630090
Novosibirsk State Technical University
Pr. K. Marksa, 20, Novosibirsk, Russia, 630092
E-mail: butorin_ss@mail.ru
- Chernova I. V.* – National Research Tomsk State University
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: ikar561965@mail.ru
- Kotorova E. G.* – University of Zielona Góra
Al. Wojska Polskiego, 71A, 65-762 Zielona Góra, Poland
E-mail: e.kotorova@gmail.com
- Kovylin S. V.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: sergey@scalpnet.ru
- Kuklin A. N.* – Mari El State University
Pl. Lenina, 1, Yoshkar-Ola, Russia, 424000
E-mail: markaf@marsu.ru
- Kulemzin V. M.* – National Research Tomsk State University
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: tjla@tspu.edu.ru
- Sobolevskiy A. V.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: kvi_TSPU@tspu.edu.ru
- Szeverényi S.* – Institut für Finnougristik/Uralistik
Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Deutschland
E-mail: sandor.szeverenyi@uni-hamburg.de
- Toroshchina N. V.* – Historical-Cultural Heritage of Siberia
Per. Kartasnyy, 17, 23, Tomsk, Russia, 634009
E-mail: natator@mail.ru
- Tuchkova N. A.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: natatutshkova@yandex.ru
- Wagner-Nagy B.* – Institut für Finnougristik/Uralistik
Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Deutschland
E-mail: beata.wagner-nagy@uni-hamburg.de

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: **tjla@tspu.edu.ru**. Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (docx/doc и pdf).

Для статей на русском языке:

– 1-й файл (на русском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;

– 2-й файл (на английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Для статей на английском языке:

– 1-й файл (на английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;

– 2-й файл (на русском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Для статей на немецком языке:

– 1-й файл (на немецком языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;

– 2-й файл (на русском языке или английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Текст статьи объемом не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон.

Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи по алфавиту (русскоязычные источники сопровождаются транслитерацией). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION TO THE “TOMSK JOURNAL OF LINGUISTICS AND ANTHROPOLOGY”

Submissions for publication are accepted electronically in two formats (MS.DOC and Adobe.PDF) at **tjla@tspu.edu.ru**

For the submissions in Russian:

- the first file in Russian: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.
- the second file in English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

For the submissions in English:

- the first file in English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.
- the second file in Russian: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

For the submissions in German:

- the first file in German: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.
- the second file in Russian or English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

The volume of the submission generally should not exceed 16 A4 pages (including Bibliography, Graphs, Tables, etc) and has to be formatted (Times New Roman, 14pt, line spacing 1,5, all margins 2cm), and saved as MS.DOC and Adobe.PDF files. Graphs, Figures are to be either in JPEG or TIFF formats, while Diagrams maybe in MS Excel format, all submitted as separate attached files.

Cited bibliography and sources are to be listed alphabetically (Russian sources are accompanied by transliteration). References in the text are to show in Parentheses (e.g. (Hajdu, 1970: 136)).